

ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ

МИСТИКА РУССКОГО
ПРАВОСЛАВИЯ

МИСТИКА
РУССКОГО
ПРАВОСЛАВИЯ

Космология
плоской Земли
Стадии монашеской
инициации
Юродивыми
не рождаются
Солдат и воин —
в чём разница?

Р.В. БАГДАСАРОВ

Р.В. БАГДАСАРОВ

Р.В. Багдасаров

МИСТИКА РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Москва
«Вече»
2011

УДК 281.9
ББК 86.372+63.3(2)
Б14

*В оформлении обложки использован фрагмент картины Олега Королева
«Пересвет, Ослябя, Пресветлый Мрак» (2006)*

Багдасаров, Р.В.

Б14 Мистика русского православия / Р.В. Багдасаров. — М. :
Вече, 2011. — 320 с. : ил. — (Тайны Земли Русской).

ISBN 978-5-9533-5078-5

Православная мистика порождалась опытом, выносимым из духовных практик: монашеского аскетизма, воинского искусства, религиозно-ориентированного строительства семьи и политической деятельности. В книге историка, религиовед, культуролога и публициста Романа Багдасарова раскрываются космология Древней Руси, мистические основания власти аристократии, «внутреннее делание» и юродство во Христе, рыцарские установки казачества. Отдельные очерки посвящены загадочной судьбе Старой Рязани и Санкт-Петербурга.

УДК 281.9
ББК 86.372+63.3(2)

ОТ АВТОРА

Мистика — неотъемлемая, хотя и с трудом поддающаяся анализу часть православного вероучения. Это область, где объективное знание проникает в человека путём его максимальной концентрации на субъектном начале, на своём «я». Убеждаясь в неоднородности своего «я», человек получает более реалистичный, структурированный взгляд на окружающее. Он вырабатывает альтернативу привычному, механическому состоянию.

Мистическая культура порождалась духовными практиками и опытом, выносимым из них. В этом плане православная мистика становится всеобъемлющим явлением русской национальной традиции, начиная с 988 года, Крещения Руси. Конечно, это символическая дата, но с вполне конкретным содержанием.

К тому моменту, когда православное христианство стало официальной религией Киева, оно уже укоренилось в целом ряде областей молодой русской культуры. После 988 года православие заполняет собой весь её объём. Этот процесс рассматривается в книге как Крещение Руси, которое не было единовременным событием, но видом религиозной активности, вовлекающим в свою орбиту всё население (ср. с. 154). Книга представляет собой очерки о постепенном усвоении русским народом мистических смыслов, заложенных в православии.

Миссия первоучителей словенских святых Кирилла и Мефодия открыла новую эру в трансляции православия. После христианизации Великой Моравии, Паннонии, Болгарии церковность перестала ассоциироваться с одним имперским (Константинополь) или первосвященническим (Рим) центром, которому остальные этнорелигиозные модели соответствуют в той или иной степени. Создание оригинальной славянской письменности свидетельствовало об обратном: лишь

уникальность в восприятии религиозной доктрины подтверждает, что последняя действительно воспринята, а не поверхностно скопирована.

Оторванная от духовной традиции, наука XIX—XX веков склонна была видеть в автохтонных формах русского православия некое отклонение от нормы, «двоеверие», «народное» православие, где «народ» противопоставлен «церкви». Немало вреда изучению православной мистики нанесла трактовка этнической культуры русских как чего-то принципиально отличного от христианства. Именно эти либерально-позитивистские взгляды удобрили почву для оккультного движения неоязычества, давшего обильные всходы уже в наше время.

Концепции «двоеверия» придерживалось большинство дореволюционных исследователей, и это необходимо помнить при обращении к их трудам, содержащим, разумеется, немало ценных сведений, работающих, как ни странно, против этой установки. Что уж говорить о советском периоде, когда изучение православной культуры Древней Руси могло быть лишь фрагментарным?

В этой связи необходимо упомянуть постоянно действующий семинар «Православие и русская народная культура», основанный этнографом Мариной Громыко при Институте этнологии и антропологии РАН, участником которого с 1991 г. является автор. Благодаря деятельности этого семинара, выпускаемым им изданиям, проводимым конференциям, теория «двоеверия» была во многих пунктах дезавуирована. Знаменательно, что оппозиции «русской» и «церковной» культур мы нигде не обнаружим у пионера комплексного источниковедения А.С. Уварова, которому посвящён последний биографический очерк данной книги («Реаниматор»).

Тексты «Мистики русского православия» распадаются на две неравные части. Одни из них, как уже говорилось, имеют характер биографический. «Князь Севера», «Право на жертву», «Царь-колокол» — все они на примере исторических лиц раскрывают проблему мистических оснований власти. Современные публицисты любят представлять политическую деятельность как нечто принципиально несовместимое с религиозными установками. Тем самым они заочно оправдывают тех политиков, кто склонен не обращать

внимания на этичность своих поступков. В результате имеем политическое поле, где нравственные ценности попираются с полным на то «правом». В Древней Руси ничего подобного не было. Люди могли совершать разные поступки, но они признавали нравственный закон, действия которого ещё никому на земле не удавалось избежать. Кроме того, государственное строительство, внутренняя и внешняя политика осуществлялись исходя из целостной картины мира, которая сегодня отсутствует.

Космологии, как учению об устройстве вселенной, обязательно отражающемся в бытии каждого человека, посвящены очерки **«Местонахождение рая»**, **«Лестница-ключ»**, **«Куда Макар телят не гонял»**. Космология не существовала в Древней Руси вне аскетизма, «внутреннего делания». Аскетические практики могли быть достаточно разнообразными. Туда входили не только монашеские занятия, но и воинское искусство, способы асоциального позиционирования, что показано в **«Пугу!»**, **«Солдате и воине»**, **«Технологии юродства»**. Мистика пронизывала все стороны и этажи жизни Руси, без неё история Средневековья не постигается как единое целое. Это разобрано на примере «русской атлантиды» (**«Вечная Рязань»**) и утраченных сторон быта (**«Роскошь православия»**). Трансферу, переносу значимостей средневековой цивилизации в Новое время посвящены очерки **«Символика пушкинских сказок»** и **«Энергия Петербурга»**.

КНЯЗЬ СЕВЕРА¹

Владимир до Крещения

Образ князя Владимира из одноимённого мультфильма — редкий случай, когда даже историк-профессионал, пожурив, выдаст людям искусства индульгенцию. Хотя база данных о Крестителе Руси собрана большая, она давно не обновляется. Мерки-одномерки, которые по инерции прикладывают к деятельности правителя, изменившего судьбу Северной Евразии, мало чего объясняют. Тут нужно либо идти проторенным путём былин, опрощая Крестителя до Красна Сол-

¹ В соавторстве с Александром Рудаковым.

нышка, либо набраться смелости и шагнуть на просторы его сомасштабной материку натуры. Warning! это не всегда будет приятно.

Самой удачной находкой мультфильма «Князь Владимир» следует признать мрачного жреца Кривжу. Сей персонаж, если угодно, искомая величина в уравнении, к которому сводятся события, предварявшие Крещение Руси. Только историческому Владимиру не строили препон никакие злыдни-волхвы, ибо он сам их и возглавлял.

«Выше князей — закон», — поучает Кривжу его наставник-волхв. Но *за-кон* в правовом пространстве X века котировался гораздо ниже «кона». Коном (или поконом) называли само собой разумеющийся порядок поведения: чти предков, люби семью, уважай родичей, береги землю. То, ради чего общество существует. Законом же оговаривались преступления, выходящие за рамки кона. Его границы и определял князь — «кон-язь», что можно перевести как «кон есть я». У восточных славян, в отличие от западных, кельтов или финно-угров, не было отдельного института жречества. В лице князя священнические функции сочетались с судейскими и воинскими. Волхвов привлекали лишь для гаданий, целительства и тому подобного. Основные же ритуалы князь вершил самолично, он же определял, на кого из богов опереться в тот или иной момент. Пользуясь властью верховного жреца, Владимир провёл печально знаменитую реформу язычества, а затем принял христианство.

Болгарский узел

Имена властителей несут особый смысл, а родовые имена Рюриковичей в X—XVI веках образуют систему со строгими правилами: «Имя предка всегда было попыткой определить династическую судьбу потомка» (А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский). Только в имени Владимир у Рюриковичей встречается конечная основа *-мир*. В скандинавских сагах и в варяжских династиях Вальдемар появляется строго за историческим прецедентом Владимира Святого — и никак иначе. Странно поэтому, что, копаясь в этимологии «Владимира», никто не задумался, почему сына Святослава называли столь редкостным тогда именем?

Самым известным человеком в Восточной Европе, носившим имя «Владимир», был болгарский царь Расате, отрекшийся от христианства и пытавшийся реанимировать старых богов. Владимир Борисович (ок. 850—после 893) представлял славянский вариант Юлиана Отступника. Креститель Болгарии Борис, его отец, покинул монастырь, где постригся на старости лет и, свергнув иуду, передал скипетр другому сыну, будущему Симеону Великому (864—927). Последнего, ради победы новой веры, Борис заставил отказаться от иночества. Для тогдашних христиан имя «Владимир» вызывало однозначно негативные ассоциации. Варяжская военно-торговая корпорация, к которой принадлежали Рюриковичи, готовилась к решающей схватке с державой Ромеев (Византией), и Владимиру чуть не с колыбели было предназначено стать «фронтменом» этого проекта.

Дипломатия Святослава до сих пор не получила удовлетворительного объяснения. Его рисуют берсерком, для которого без войны не жизнь, а чисто поле — дом родной. Между тем своё желание перенести столицу в болгарский Преслав на Дунае Святослав мотивировал вполне прозрачно: «Ибо там — середина земли моей, ибо туда сходятся все блага: от Грек — золото, дорогие ткани, вина и плоды различные; от Чех же и от Венгров — серебро и кони, из Руси же — меха и воск, мёд и рабы».

Рассматривая обитаемую землю сквозь средокрестье четырёх магистральных путей, норманнская знать овладела к XI веку тремя из них — северным, западным и южным, и положила начало нескольким королевским домам Европы. Около 1000 года была даже произведена высадка на побережье Северной Америки. Сколько бы ни соперничали друг с другом конунги, они высоко ставили своё родство и общность военно-экономических интересов. На род Рюрика, владевший Русью, возлагалась задача прибрать к рукам четвёртый путь — восточный (Аустрвег). Разгром Хазарии Святославом ощутимо приблизил эту цель. Рюриковичи получали не только выход к Великому Волжскому пути, но и к сухопутному — Шёлковому. Вторжение в Болгарию и последующее создание антивизантийского блока были оправданы только при условии конечной победы над Империей. Тогда восточный путь соединился бы с южным (Сурдвегом), а через него с Вестрвегом

и Норвегом (западным и северным). Проглотив торговые магистрали Евразии, норманнский дракон ухватил бы себя за хвост.

Притязания Святослава подкреплялись не только армейской мощью. Существует версия, согласно которой его мать, княгиня Ольга, имела болгарское происхождение. *Пльсков*, откуда она пришла в Киев, гораздо ближе по звучанию к Плиске, чем к Пскову, которого тогда ещё не существовало. В новгородских летописях XVI века сообщается: «Игоря же жени [Олег] в Болгарех, поят за него княжну именем Олгу, и бысть мудра велми». Поздняя абберация? Но псковские легенды об Ольге ей ровесники.

В Плиске с VII века до 893 года пребывала столица Первого Болгарского царства. Оттуда её перенесли после ослепления Владимира Расате в находящийся рядом Преслав, дабы срезать языческое охвостье. Вероятно, Ольга была дочерью царя-рenegата. Потом её приютил и дал имя Вещий Олег, настоятельно рекомендовав в жёны своему воспитаннику, князю Игорю — отцу Святослава. То, что реальная родословная Ольги была заменена притчей о дочери лодочника — обычный приём. Начальная русская летопись склонна утаивать генеалогию князей до Ярослава Мудрого, а против болгарского Расате-Владимира хронисты составили международный «заговор молчания». Его имя сохранилось разве что на полях Цивидельского евангелия:

Однако Преслав так или иначе всплывает в начальной истории Руси. Туда планировал перенести столицу сын Ольги. Предславой звали некую представительницу княжеской семьи из договора Игоря с греками 944 года. Предславой наречёт одну из своих дочерей Владимир. Один из источников называет Предславиным село, куда Владимир поселил свою первую жену Рогнеду. Город Переяславль возникает в нескольких русских княжествах, увековечивая память о столице Первого Болгарского царства. Первые имена своим сыновьям Борису и Глебу Владимир также даст, ориентируясь на именованослов болгарской династии¹.

¹ Это имена «со стороны отца». Крестильные же имена — Роман и Давид — братья получили «со стороны матери», византийской принцессы Анны (см. далее с. 34, 36).

Взятие Плиски императором Василием II Болгаробойцей. Миниатюра из славянской рукописи «Хронографии» Константина Манассии. Рим, Апостольская библиотека Ватикана

Как заклинание повторяют историки, что Владимирово крещение 988—990 годов диктовалось интересами внешней политики. Хмм... Великое княжество Литовское сохраняло язычество вплоть до XIV века и дискомфорта, похоже, не испытывало. Нет, на кон внешней политики было поставлено как раз Ольгино крещение 957 года. Осуществись оно, конечно. Если не принимать во внимание её болгарские корни, то помпезный вояж княгини в Константинополь — мероприятие совершенно иррациональное. Ольге же скандинавские саги присудили звание «умнейшей из всех женщин». Она не просто отправилась в паломничество, но выбрала точный момент, чтобы предложить Восточному Риму династический союз. Осенью 957-го принцесса Феодора ещё не была просватана и могла стать невестой Святослава Игоревича. Имея права на болгарский престол, с которым у Империи вечно возникали проблемы, Ольга набросала перед ромейским базилевсом изумительную перспективу. Федерация Восточный Рим — Болгария — Русь рывком превращалась в абсолютного гегемона.

Крещение великой княгини Ольги в 957 г. Миниатюра из рукописи «Обзрения истории» Иоанна Скилицы. Мадрид, Национальная библиотека

Ольгу приняли со всеми подобающими почестями, она стала крестницей императрицы Елены, но цели своей не достигла. Это была роковая ошибка византийской дипломатии. Неудача посольства отбила у Святослава последнее желание слушаться мать и, тем более, креститься. Старшие дети Святослава были приобщены бабушкой к её вере. Однако в 962 году, вопреки расчётам Ольги, рождается ещё один, младший сын, который сразу же противопоставляется остальной семье и рассматривается отцом в качестве главного наследника. Его имя, дословно переводящееся «великий в своей власти», арабские историки считали нарицательным титулом правителя Руси. Новой Руси, открыто враждебной христианству.

Жестокий дебют

В «дошкольном» возрасте Владимир был посажен Святославом на княжение в Новгород, который оставался наиболее важным стратегическим постом в норманнском завоевании Восточного пути. Начиная с Рюрика новгородские земли служили плацдармом для дружин викингов, приплывавших с Севера. Это прекрасно понимал и старший брат Владимира, киевский князь Ярополк, занявший Новгород

в 977 году. Тринадцати- или четырнадцатилетнему Владимиру пришлось спастись бегством в Скандинавию.

Варяжское гостевание Владимира задержано непроницаемой шторой. «Образовательно-воспитательные» обмены поддерживали единство между варяжскими кланами, с годами отдалявшимися друг от друга. Так, норвежский конунг Олав Трюгвассон (969—1000) после гибели своего отца воспитывался в Гардарики при дворе «конунга Вальдамара Старого», т.е. Владимира. Однако в случае последнего «курс молодого бойца» был дополнен неким эксклюзивом. Сын Святослава прошёл зловещую инициацию, давшую о себе знать сразу после его возвращения.

Началось переформатирование страны в запредельно жёстком режиме. Леденящая расправа над семьёй невесты брата Ярополка, Рогнеды, в Полоцке: первая жена Владимира была изнасилована им на глазах у её родителей. Вслед за тем дядя Владимира надругался над матерью Рогнеды и только после этого казнили отца Рогволда с сыновьями. Полной ясности, как осуществлялся геноцид Рогволдовичей, нет, однако даже современники, выдавшие всякое, содрогнулись... Поход на Киев и убийство брата Ярополка. Устройство пантеона, половина богов в котором не имела никакого отношения ни к славянским, ни к варяжским культам. Разрушение христианских церквей, обломки которых были заложены в фундамент языческого капища... Всё это эпизоды биографии подростка, который сегодня

Фрейр, скандинавский бог плодородия. Бронзовая статуэтка из Lunda (Швеция)

бы едва закончил школу и отплясывал на выпускном вечере. Во всех действиях Владимира нет ничего стихийного, что шло бы от пылкости природы. Налицо холодный и откровенно бесчеловечный план. В чём же он состоял?

Ключом к разгадке может стать киевский пантеон 980 года. Историки-позитивисты честно признают, что не понимают, откуда он взялся, и не совсем честно делают вывод, что это выдумка летописца. Из всех шести богов только дружинный бог грома Перун известен по другим источникам, но его почитание никогда не имело того размаха, который придал ему Владимир. Почему туда не вошли любимые божества славян Святovit, Сварог или Род, но зато повыскакивали иранские Хорс и Симаргл? Вряд ли это способствовало объединению славянских племен, о котором толкуют специалисты, склонные доверять летописному сообщению.

Логика в структуре пантеона отыскать можно, но для этого необходимо отказаться от стереотипа, будто Владимир стремился «удовлетворить религиозные потребности масс». Он все-таки был не университетски-подкованным гуманитарием, а носителем архаичного мышления. Верховный жрец, князь — не столько священник в современном понимании, сколько заклинатель, шаман, поэтому он ищет не поддержки, а повелевания. Являясь в глазах подданных высшим олицетворением миропорядка, Владимир рассматривал богов, включенных в пантеон, как «залог» для управления территориями от Балтики до Каспия. Наследник Святослава хотел контролировать не только торговый путь «из варяг в греки» по Днепру и Волхову, но оседлать транспортный коридор «Восток—Запад», соединявший Европу через Хорезм с Ираном, Индией и Китаем.

Водружение пантеона на холмы Киева стало феерической оккультной акцией. Пожалуй, самой безобидной из устроенных Владимиром в 980—985 годах. Куда страшнее людские жертвы. Культ, от которого Владимир в итоге нашел силы отказаться, пронимал до костей не только фигурально выражаясь, но в буквальном смысле слова. Святослав вспоминал о подобных обычаях лишь в экстренных случаях: например, когда прибегнул к жертвоприношению пленных при защите Доростола. Владимир возвёл кровавый ритуал в систему.

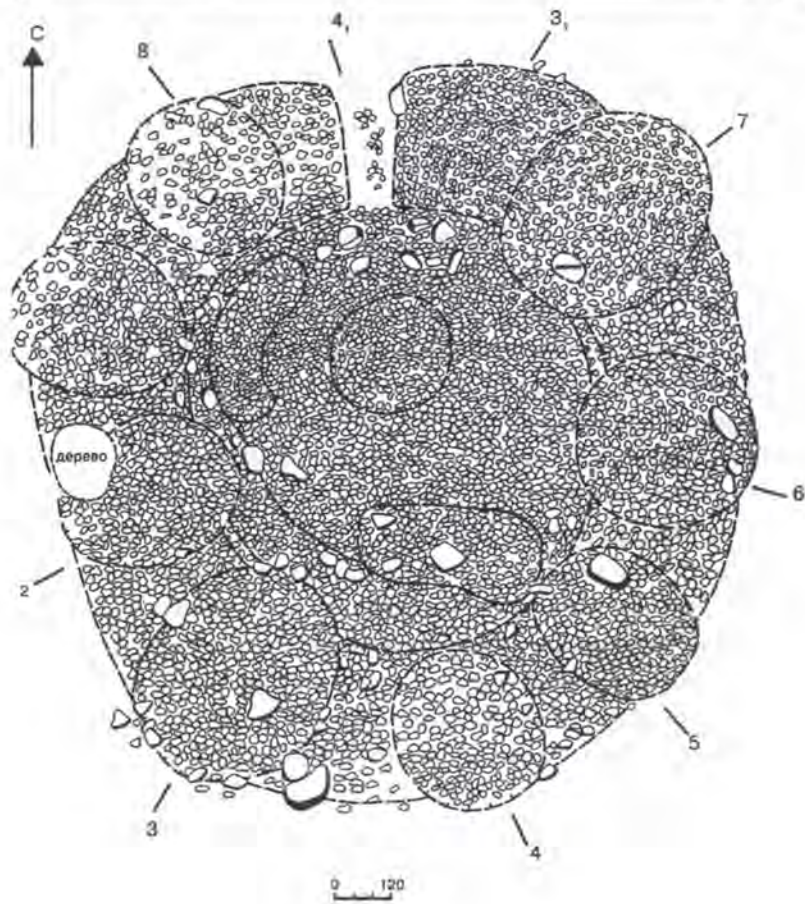
Конец сказки о «светлом» язычестве

В 1993 году были впервые полностью опубликованы материалы исследований Ирины Русановой и Бориса Тимошука. С 1984 года эта чета археологов вела раскопки языческих культовых центров на реке Збруч в Прикарпатье, куда бежали приверженцы язычества после 989 года. Археологи были поражены, обнаружив там настоящий склад расчлененных останков, принадлежавших людям всех возрастов. Особенно шокировал факт, что жрецы приносили богам новорождённых младенцев. Тело ребёнка, верили язычники-европейцы, обладало нерастраченной жизненной силой. Чтобы отобрать её у своих сыновей, конунг Аун регулярно приносил их в жертву Одину (см. исландские саги). Ритуалы с выпусканием крови и последующей кремацией обеспечивали их участникам «передачу» витальной энергии.

В городищах-святилищах Богита и Звенигорода хранились останки разных человеческих жертв. Одним из испытанных способов задобрить богов было заклятие перед их идолами врагов или преступников. В XI—XIII веках ими всё чаще оказывались христиане. Умерщвлённых оставляли связанными в скорченном положении или разрубали на части. Кроме того, расчленение несло издавна фертильную магическую функцию: витальность как бы рассеивалась по земле, увеличивая будущий урожай, приплод скота, долговечность селения. Отдельные кости или особенно черепа при необходимости заменяли целое тело человека, их оставляли богам в наиболее сакральных местах: на капищах, в прилегающих культовых сооружениях. Однако наиболее угодной богам жертвой, как уже упоминалось, считали детей. Такие приношения совершали в наиболее ответственные моменты жизни общины.

Открытия Русановой—Тимошука положили конец десятилетиями пестовавшемуся в академической среде СССР мифу о «прогрессивности» язычества славян. Заказчиком, как нетрудно догадаться, выступала коммунистическая партия. Внушалось, что народы России, традиционно исповедовавшие православие, ничего не приобрели от этого, а, напротив, потеряли. Возражать данному тезису в условиях диктатуры атеизма было просто-напросто опасно.

Ещё в 1920-е годы ряд лидеров Советской России — А.А. Богданов, Л.Б. Красин, А.В. Луначарский — выказывали недвусмысленные

*Каменная кладка на капище в Богите (материалы раскопок
И.П. Русановой и Б.А. Тимощука)*

симпатии язычеству. Известен исторический анекдот о командарме Михаиле Тухачевском, приведённый в воспоминаниях французского офицера Пьера Фервака. Он застал Тухачевского, увлеченного конструированием из цветного картона страшного идола. «Горящие глаза, вылезавшие из орбит, причудливый и ужасный нос. Рот зиял черным отверстием. Подобие митры держалось наклеенным на голову с огромными ушами. Руки сжимали шар или бомбу, что именно, точно не знаю. Распухшие ноги исчезали в красном постаменте... Тухачев-

ский пояснил: “Это — Перун. Могущественная личность. Это — бог войны и смерти”. И Михаил встал перед ним на колени с комической серьезностью. Я захохотал. “Не надо смеяться, — сказал он, поднявшись с колен. — Я же вам сказал, что славянам нужна новая религия. Им дают марксизм, но в этой теологии слишком много модернизма и цивилизации. Можно скрасить эту сторону марксизма, возвратившись одновременно к нашим славянским богам, которых христианство лишило их свойств и их силы, но которые они вновь приобретут. [...] После раздумий я остановился на Перуне, поскольку марксизм, победив в России, развяжет беспощадные войны между людьми. Перуну я буду каждый день оказывать почести”».

Тухачевский подал в Совнарком специальную докладную записку, предлагая уничтожить христианство и объявить язычество в качестве государственной религии. Разумеется, в этом присутствовал карнавальный, игровой элемент, но активная вражда по отношению к христианству регулярно проявляла себя в биографии маршала. «Латинско-греческая культура, — разглагольствовал Тухачевский, — это не для нас. Я считаю Ренессанс наравне с христианством одним из несчастий человечества. Гармонию и меру — вот что нужно уничтожить прежде всего. Мы выметем прах европейской цивилизации, запорошившей Россию, мы встряхнем ее, как пыльный коврик, а потом встряхнем весь мир. Я ненавижу Владимира Святого за то, что он крестил Русь и выдал ее западной цивилизации. Надо было сохранить в неприкосновенности наше грубое язычество, наше варварство. Но и то и другое еще вернется. Я в этом не сомневаюсь!».

К середине 1960-х воинственности у апологетов язычества поубавилось, но от своих планов возродить древнюю религию славян хотя бы в форме академической реконструкции они не отказались. Достигло апогея влияние ведущего специалиста по архаической культуре Бориса Рыбакова. Возглавив Институт археологии, академик Б.А. Рыбаков стал непререкаемым авторитетом. В «язычество» записывались все малопонятные советским исследователям формы средневекового христианства, да и вообще всё более-менее привлекательное.

Даже такой рафинированный интеллеktуал, как кинорежиссёр Андрей Тарковский, разделял установку о позитивной роли паганизма

Рогатый бог Gallehus. Дания. V в.

сравнительно с «мракобесным» христианством. В фильме «Страсти по Андрею» церковные богослужения блекнут перед буйством жизни языческого праздника. Пытавшийся доказать нечто противоположное своей картиной «Тени забытых предков», Сергей Параджанов вскоре отправился в места не столь отдалённые и больше славянскую тему не трогал.

Языческий милитаризм

Преодолев вялотекущее сопротивление коллег, И.П. Русанова и Б.А. Тимошук вписали недостающую страницу в хронику «милитаризации язычества» (термин J. Gąssowski), которая происходила в Европе

в XI—XIII столетиях. Всплеск насилия по отношению к Церкви среди скандинавов и славян аналогичен последнему гонению при Диоклетиане, вслед за которым последовал Миланский эдикт — официальное признание христианства равноапостольным Константином. Только в силу незрелости норманнских и славянских государственных образований по сравнению с Римской империей этот процесс продвигался медленно, рывками.

Набеги викингов на Ирландию в конце VIII—IX веков сопровождались планомерными погромами монастырей. Сегодня историки пытаются сгладить впечатление от этой настоящей войны с христианством, наделив норманнов психологией современных рейдеров. Однако сами ирландцы осознавали агрессию северных язычников по-другому. Даже Эльсе Роэдаль, профессор Орхусского университета в Дании, склонная к преуменьшению антагонизма между конунгами-язычниками и христианскими народами, вынуждена упомянуть о «Войне против чужеземцев». В этом произведении, записанном в XI в., беспощадный захватчик Тургесиус «представлен языческим супервикингом, который действовал повсюду и был предводителем всех викингов в Ирландии. Рассказывается также, что он захватил монастырь Армак, присвоил себе сокровища аббатства и попытался приобщить ирландцев к поклонению богу Тору, а его жена Ота совершала языческие ритуалы в главном алтаре монастыря Клонмакноисе».

Последний всплеск антихристианского насилия связан с эпохой датского конунга Харальда Синезубого (940 — ок. 986), когда в Вестрлонд (Англию) ринулись закоренелые язычники, недовольные политикой христианизации в своей стране. Оппозицию Харальду возглавил его сын Свейн Вилобородый (986—1014), который в конце концов изгнал несостоявшегося крестителя из Дании. В 1011 году датчане пленили аббата монастыря Св. Августина Эльфмера, архиепископа Эльфхи, епископа Рочестера Годвина, аббатису монастыря Св. Милдредра Леофрюн. На следующий год состоялось ритуальное убийство воинами Свейна архиепископа Кентерберийского.

Если в прежние столетия «рекордсменами» Европы по человеческим жертвам считали кельтов, то на излёте языческой эры вперёд выдвигаются скандинавы и славяне. Нельзя исключать того, что ряд

Бронзовая статуэтка бога Тора с молотом. Исландия. Ок. X в.

*Крещение Харальда Синезубого епископом Поппо.
Позолоченная пластина из Ютландии. XII в.*

ритуалов могли непосредственно заимствоваться славянами и викингами у кельтов в местах их совместного обитания. Так, находки человеческих жертв с отсечёнными головами и конечностями были обнаружены в священном колодце на кельтском святилище в Словакии (Proсна).

Широко применялись расчленения христиан в 1066 году, в ходе языческого восстания среди западных славян. В своей столице Ретре ободриты, убив епископа Иоанна, «отрубили ему руки и ноги, тело выбросили на дорогу, голову же отсекли и, воткнув на копье, принесли её в жертву богу своему Редегасту в знак победы». Точно так же был умерщвлён св. Войтех в Польше: его голову насадили на шест. Восставшие истребили множество священников и верных христиан.

По всей территории проживания славян, где ещё не завершилась христианизация, происходит эскалация человеческих жертв. Если к IX—X векам в крупнейшем святилище Аркона на о-ве Рюген было найдено 470 костей человека, то в XI—XII веках их число удваивается, достигая 905. Принесение в жертву новорожденных и детей считалось оправданным в чрезвычайных обстоятельствах, но религиозный конфликт с христианством стал неистощимым генератором подобных обстоятельств. Неурожаи, эпидемии, природные катастрофы приписывались вождями язычников возросшему влиянию Церкви.

Гог и Магог

Сам ли Владимир изобрёл киевский пантеон? Кто заманил князя столь глубоко по каменной лестнице, что даже его визави Олаву Трюгвассону в сагах мерещится, будто конунга Вальдамара ждёт геенна? Конкретных имен мы никогда не узнаем: эти люди канули в Лету вместе с проектом, который вынашивали. На севере Европы находились главные святилища норманнов. Их стражи чётко сознавали, что страх и ненависть возбуждать гораздо проще, чем милосердие и любовь.

Общая направленность «идеологии» легко прочитывается: мир должен принадлежать тому, кто во имя власти готов перешагнуть через все табу; ромеи — враги; христианство — отравы, с помощью которой Константинополь ослабляет дух соседних народов; боги —

могущественны, но заставить их слушаться можно только кровавыми требованиями. И они поддерживают не столько племя, сколько пространство, над которым дают власть своему избраннику.

Владимир образца 983 года (когда начались регулярные жертвы) был готовым кандидатом на роль Антихриста, появление которого с тревогой ожидали в Европе в 1000 году, а Восточный Рим в 992-м, т.е. 6500-м от Сотворения мира. Русь, как и предсказывали греческие патриархи, мутировала в страну «Роша, Мосоха и Тобола» библейских пророчеств. Оттуда из «обитатели зла» на севере дальнем должны хлынуть бессчётные полчища Гога и Магога, размалывая всё на своём пути.

Деталь носового украшения драккара викингов, найденная при очищении реки Шельды (Бельгия)

Практикующий мистик

Уместен вопрос: что заставило Владимира порвать с кровавым культом? Ответов несколько. Наиболее правдоподобен следующий: к религии, пусть языческой, Владимир относился не как прагматик, а как мистик. При таком настрое любое разочарование легко меняет «плюс» на «минус». А разочарования наличествовали.

Поход на Волжскую Булгарию в 985 году провалился, став первым серьёзным фиаско Владимира. «Боги восточных земель» оказались неспособны обеспечить Киеву контроль над торговыми артериями, связывавшими Европу с Азией.

Любопытно, что в следующем, 986 году православные болгары на Балканах нанесли византийцам сокрушительный удар и, перейдя в контраступление, поставили под сомнение само существование Восточного Рима. Успехи полководцев Болгарского царства были особенно

обидны на фоне тех поражений, которые понес от Империи Святослав 15-ю годами ранее. Победы болгар, воюющих за самостоятельность своей церкви, получили в Европе такой резонанс, что Владимир не мог не задуматься. Его прежние отношения к Болгарии базировались на постулате, что принятие христианства стало главной политической ошибкой её правителей, сделав их слугами ромеев... Оказалось, что христианство способствует сплочению народа, а отнюдь не разлагает его.

Безусловно запомнился Владимиру один частный случай, произошедший несколько ранее. Жрецы Поморья уверяли его, что особую радость богам доставляет кровь христиан. Ежегодно в храме Святовита на острове Рюген одного из них по жребию отправляли на заклание. Нечто подобное попытался ввести Владимир и в Киеве. Очередной жребий пал на сына варяга Иоанна, обратившегося в греческую веру. Отец наотрез отказался отдать ребёнка посланникам князя: «Если боги это, то пусть пошлют одного из своих и возьмут сына моего. А вам что за дело?» Язычники разнесли двор Иоанна, но одолеть его не могли. Квалифицированный воин, тот занял выигрышную позицию на галерее второго этажа. Варяга и его сына удалось умертвить, лишь подрубив сени, которые погребли исповедников. Такой финал не делал чести ни богам, ни Владимиру, ведь убийство

Часть поясной пряжки. Могильник в Акере, Норвегия. VI век. Серебро, золото, чернь

Серебренник Владимира. III тип. Лицевая сторона

не жертва. Князь воочию убедился, что христиане отнюдь не безропотные овцы: с Иоанном билось несколько десятков человек.

Все эти факты потихоньку наращивали критическую массу в выборе веры, который искренне беспокоил Владимира. Разочаровавшись в рукотворном пантеоне, Владимир повернул на 180° и всерьез заинтересовался тем, что его вчерашние наставники считали религией слабых.

Запона Философа

В летописи момент выбора Владимиром православия отражает диалог между ним и греческим Философом (миссионером). В конце проповеди тот показывает Владимиру запону (матерчатую икону) с изображением Страшного суда, подробно объясняя, кто и где там изображён. Интересно, что запона со «Страшным судом», написанная иноком Мефодием, фигурирует и в болгарской летописи как весомый аргумент, подтолкнувший к крещению царя Бориса.

«Страшный суд» — сложнейшая композиция христианской иконографии, которая отражает историю от начала до конца со всеми ключевыми событиями и персонажами. Там показаны мировые царства от Вавилонского до Римского, все народы, духовные и политические деятели... Так или иначе, ознакомившись с православной космологией, князь увидел совершенно иные перспективы своего правления. Владимир осознал, в каком качестве Русь может стать мировой державой, и это вдохновило его гораздо больше, чем вещания северных жрецов. Именно тогда в русской истории впервые возникает тема наследования Римской миссии Катехона¹. Все последующие шаги Владимира лишь подтверждают, какому архетипу он старался следовать.

Конечно, летописный рассказ о беседе с Философом есть попытка осмыслить *событие* личного обращения князя, а не изложение голых *фактов*. Мысль о предстоящем крещении Владимир принял мгновенно, в состоянии инсайта, и это больше, чем гипотеза. Постепенная

¹ См. подробнее: Багдасаров Р.В., Рудаков А.Б. Россия и государство Константина // Рудаков А.Б. Наследие Константина. М., 2007. С. 58—75.

Крещение русов в 987—988 гг. Миниатюра из славянской рукописи «Хронографии» Константина Манассии. Рим, Апостольская библиотека Ватикана

выработка решений не была свойственна тогда сословию воинов, тем более не в стиле такого непредсказуемого нарушителя устоев, коим проявил себя Владимир.

Если история с запоной — это притча о тайном оглашении Владимира, то испытание вер при киевском дворе больше напоминает пропагандистскую акцию, рассчитанную на его окружение. Определив стратегический приоритет, воин делает тактические ходы в зависимости от реакции среды.

Главным препятствием христианизации выступала княжеская дружина, о чём ещё Святослав открыто уведомил свою мать. Во времена Владимира ничего не изменилось: политическая элита русов по-прежнему сомневалась в пользе новой веры. Владимир не питал иллюзий, что люди, которым он сам ещё вчера внушал нечто иное, последуют за ним с песнями. В глазах элиты Крещение было равнозначно вассалитету по отношению к Империи, да и последняя, казалось, не оставляла других вариантов. Все предыдущие попытки обра-

тить Русь проваливались. Для Владимира выбор донельзя упростился: или ему удаётся крестить дружину, или дружина предаёт его смерти.

Владимир методично удобрял почву. Забавно читать исландские саги, где конунг Вальдамар Старый собирает тинги (вече) на тему смены религиозного курса. Сам конунг Гардарики демонстративно нейтрален. Ведь политика мудрого правителя состоит не в том, что он сразу высказывает своё мнение. Князь инициирует события, которые заставляют согласиться с его мнением остальных.

Штурм Херсонеса

Официальное принятие христианства хронологически связано со штурмом и взятием Херсонеса (Корсуни), греческой колонии в Северном Причерноморье. Невозможно реконструировать обстоятельства, предшествовавшие Крещению, не дав ответ, каковы были истинные причины взятия Херсонеса и его последствия.

Одним из главных итогов корсунской победы стала женитьба Владимира на греческой принцессе Анне. Версия об особом женолюбии Владимира, подвигшем его на захват имперского форпоста и последующий шантаж, сегодня не выдерживает критики. Ведь даже сакраментальные 800 «наложниц Владимира» на поверку оказались «дружинными девушками», которые по уговору с жителями содержались в городах, где квартировало воинство русов (т.е. в Вышгороде, Белгороде и на Берестове).

Тем более неясны обстоятельства, толкнувшие императора Василия II Болгаробойцу выдать свою порфирородную сестру замуж за северного варвара. Русские летописцы в голос уверяют, что поход на византийский Херсонес был актом шантажа: Владимир взял город, грозя добраться до Константинополя, а Василий Болгаробойца, мол, смирился с судьбой и отослал свою сестру «в подарок» князю-язычнику. Других данных наши летописи не содержат, и большинство историков им верит, поскольку привыкло опираться на письменные данные, даже если те идут вразрез с логикой и здравым смыслом. Рискуют возражать лишь византологи, ибо хорошо знают правила игры, принятые Константинополем. А следуя им, Владимир, вступив

в родственно-договорные отношения с владыкой Царьграда, мог быть только его «вассалом» (пусть чисто символически) и младшим геостратегическим партнером.

Отправить греческую принцессу варвару из соображений государственной пользы было просто невероятно. Ущерб, наносимый подобной акцией престижу Империи, не компенсировало бы даже предотвращение набега на Царьград. В 987 году французский король (христианин, но варвар по понятиям ромеев) Гуго Капет попытался просватать византийскую принцессу за своего сына и получил твёрдый отказ. И отказ этот проще всего объяснить тем, что в сентябре того же года Империя заключила стратегический союз с Русью.

Этот союз безуспешно пыталась заключить ещё Ольга (см. выше). Василию же деваться было некуда: война с Болгарией, затем восстание двух крупнейших военачальников, Варды Склира и Варды Фоки, требовали серьёзной военной помощи извне. Капетинги, сами нуждавшиеся в поддержке, были тут совершенно бесполезны.

Итак, между князем и императором был заключён секретный договор. Владимир соблюл все его условия: 6-тысячный корпус викингов помог подавить внутренние мятежи и в целом оказался полезен. Весь период, пока Василий вел опустошительную войну с Болгарией (почти 20 лет), Русь ничем ему не мешала. Владимир ушел из жизни в год, когда его греческий шурина полностью овладел ситуацией на Балканах.

Брак Владимира и Анны стал возможен только потому, что Василий получил стопроцентные гарантии от «князя Роша», что *тот уже стал христианином* и «цивилизованным человеком». Следовательно, личное обращение Владимира, скорее всего, произошло до этого момента, а в Херсонесе было лишь публично засвидетельствовано. Большинство историков называют дату 987. Но что же тогда случилось в Корсуни?

Взятие Херсонеса следует рассматривать под углом договора между князем и императором, все пункты которого теперь уже некому огласить. Прочные сепаратистские традиции Херсонеса позволяют считать поддержку им Варды Фоки естественным политическим шагом. При этом в городе существовала мощная проимперская партия, состо-

*Шахматы викингов из моржовой кости. 1135—1150.
Найдены на о-ве Льюиса (Шотландия)*

явшая главным образом из священников. Благодаря ей русам удалось в итоге овладеть мятежным полисом. Главный союзник Владимира в осаждённом Херсонесе, Анастас Корсунянин, был возведён в Киеве в чин настоятеля Десятинной церкви (центра христианского просвещения в столице). А первым киевским митрополитом стал бежавший от Варды Фоки в 987 году митрополит Севастии Армянской Феофилакт.

Зеркальность

Однако Василия Болгаробойцу и Владимира Крестителя связывали мистические узы ещё более тайные, чем сепаратный альянс, ещё более властительные, чем родство семей. Можно назвать это оноματοлогическим фактором, или симпатикой имени. В крещении Владимир не случайно нарёкся Василием. Правитель, принимающий христианство по греческому обряду, брал имя действующего византийского

императора или его супруги, если крестилась женщина. В IX столетии болгарский царь Борис взял имя правящего императора Михаила, а в X княгиня Ольга получила имя Елены, жены Константина Порфирогенита.

«Владимир — это северный Василий, как и Василий — цареградский Владимир», — писал пионер ономатологии, священник Павел Флоренский. Так же как имя Владимира обозначало новый статус русского царя, имя Василия (буквально «царский») соответствовало титулу греческого басилевса (βασιλεύς)¹. Психологическая эволюция Владимира I и Василия II зеркально противоположна, и это редчайший случай, когда конгруэнтные персонажи истории не только обнаруживают друг друга, но и налаживают коммуникацию...

Получив номинальную власть в раннем детстве, Василий напоминал поначалу добродушного сибарита, ценящего тёплую компанию, не озабоченного интересами государства и бранными подвигами. Известия же о благотворительных пирах Владимира относятся, напротив, к завершающему периоду его жизни.

Постепенно Василий менялся, его вынуждали отстаивать не только право на власть, но и на жизнь. Так же, как Владимир, он ощутил избранничество. Причём произошло это в 988 году, когда его зеркальный «двойник» крестился. Будучи «юношей с едва пробивающейся бородой», Василий лично участвовал в сражении с изменником Вардой Фокой. Тот, не сомневаясь, что победит неопытного царя, долго высматривал его, а найдя, галопом понёсся на Василия. Молодой человек поехал навстречу, сжимая в одной руке меч, а в другой — икону Богородицы, которая была его единственной надеждой на спасение от неминуемой смерти. И здесь произошло чудо. Не доскакав половины расстояния, Фока вывалился из седла и замятво рухнул на землю.

¹ Существует гипотеза Т.Н. Верещагиной и Н.Н. Никитенко, что у св. Владимира имелось к тому же тайное имя «Николай», взятое от константинопольского патриарха Николая II Хрисоверга (979—991). Вероятно, Владимиру было важно увековечить память о священнической функции, которой обладал великий князь русов на момент принятия христианства. Это напоминает сохранение равноап. Константином Великим языческого чина понтифика, усвоенного затем римскими папами.

Император Василий II Болгаробойца. Миниатюра из Псалтири. Византия

Правда, чудо произвело на Василия странное действие. Вместо того чтобы возблагодарить Провидение, он истолковал это как отпускную всем погрешностям, которые подстерегают человека, возведённого в сан императора. Это не про излишества или оргии. Напротив, аскетизм стал второй натурой Василия. Зато при подавлении врага он считал любую жестокость оправданной. Завоевав болгар, Василий постарался сровнять их национальную культуру с землёй: запретил богослужение на славянском языке, после чего славянская письменность в самой Болгарии была практически полностью уничтожена. Когда на Руси возникла потребность в книгах, то их пришлось доставлять из тех византийских монастырей, где они отложились со времён «золотого века» болгарской литературы (893—927), т.е. задолго до правления Василия.

За разрушение Первого Болгарского царства Василий удостоился прозвища Болгаробойца. Даже если рассказ об ослеплении им 15 000 пленных болгарских воинов — преувеличение, произведённая над целым народом экзекуция — труднозабываемая вещь. Двести лет спустя, когда Царьград был повержен крестоносцами, болгарский царь Калоян имел готовое оправдание для своей жестокости по отношению к грекам.

Путь Владимира Святого начинался иначе — он шел к власти через кровь, которой с каждым годом лилось все больше. Но превращение язычника в христианина произвело с ним разительную перемену — не только как с человеком, но и как с политиком. Последние двадцать лет жизни он вел только оборонительные войны и старался, насколько это можно, избегать любого насилия. Если Василий рубил головы направо и налево, беспрецедентно широко применяя смертную казнь, мог спокойно утопить епископа или вырвать у него язык, то Владимира первосвященники уговаривали, чтобы тот ради безопасности граждан ввёл смертную казнь.

Начав с вседозволенности, Владимир убедился в действенности евангельских заповедей и старался воплощать их на государственном уровне. Василий же, наоборот, считал, что в политике нет места милосердию. Как иронично замечает Михаил Пселл, император правил «не по писаным законам, а по неписаным установлениям своей необычно-

венно одарённой от природы души. Потому-то и не обращал никакого внимания на учёных людей...»

Судьбы Владимира и Василия, встретившись на миг и утвердив исторический путь России на 1000 лет вперёд, отправились по разным траекториям. Один пришел от яркого сопротивления христианству к проповеди Евангелия через политику. Другой же, став фанатиком войны, избрал путь человека Ветхого Завета, действующего по принципу «око за око» в буквальном смысле слова.

Красно Солнышко

Есть, впрочем, у истории В&В светлая сторона. Отправив царевну Анну в Киев, Василий, сам того не ведая, стал крупнейшим из всех греческих императоров-миссионеров. В лице князя русов он сопроводил к святой купели не один народ, а огромное, постоянно расширяющееся царство.

Крещение Руси отозвалось многократным эхом в Северной Европе. В 995—1000 годах христианство в Норвегии попытался насадить Олав Трюггвасон, согласно сагам считавшийся воспитанником Владимира. Однако подлинным крестителем норвежских викингов удалось стать только св. Олафу II Харальдссону (995—1030). В 999 году принимают христианство Фарерские острова. В 1000 году христианской становится Исландия, в 1001-м — Гренландия. В 1008-м погружается в купель король Швеции Улоф Шёткунг (980—1022). Хотя скандинавские сказания утверждают, что датчане стали христианами при Харальде Синезубом в 965 году, он (как упоминалось ранее) был

Самый древний из скандинавских крестов. Могильник в Birka (Швеция). Не ранее X в. Серебро

свергнут своим сыном-язычником Свейном. Реальная христианизация Дании наступает при Кнуде Великом (ок. 995—1035), правда, это не помешало ему иметь двух жён...

Все эти события происходят после знаменательной даты: 988. Напоминающая плетёный орнамент, христианизация Скандинавии лучшее доказательство того, что именно там находились самые упрямые враги новой религии. Только обращение могущественного конунга Гардарики и Бьярмланда, каким был Владимир, смогло пережать мерило их мрачной веры.

ПРАВО НА ЖЕРТВУ

Борис и Глеб¹

Современное общество готово обсуждать идеалы ровно до момента, когда заходит речь о возможности пожертвовать ради них человеческими жизнями. Заранее признавать необходимость какой бы то ни было человеческой жертвы запрещено. Только постфактум, когда жертва принесена, можно высказаться о её неизбежности.

Власть и жертвы

Именующие «жертвами» людские потери, т.е. погибших от землетрясений, цунами и прочих бедствий, как правило, не отдают себе отчёта, что принесение жертвы предполагает не случайную (пусть и трагическую) смерть, а сознательный выбор.

Пожалуй, единственной областью, где открытое употребление слова «жертва» функционально оправдано, осталась игра и связанное с ней моделирование. Здесь жертва выступает аналогом размена, выгодность которого обсуждается заранее, в отличие от политической оправданности жертвы, ныне предварительно не обсуждающейся.

Проблема жертвы осложнена двойным табу. Во-первых, запрет касается сознательного принесения людских жертв. Этот запрет отделяет мир власти от мира апатии. Стратеги, политики, идеологи и

¹ В соавторстве с Александром Рудаковым.

другие представители социальной инженерии, естественно, не уклоняются от этих тем, иначе бы они не соответствовали занимаемым постам. Одна деталь: подобные дискуссии, даже в эталонных демократиях, протекают в закрытом от остальной части общества режиме.

Клуб власти отделён от остальной части общества. Однако в традиционном обществе ни для кого не было тайной, что в состоянии крайней угрозы для народа правители могут пожертвовать его малой частью ради спасения бóльшей. Такие решения возможно осуждать лишь с позиции всеведения и всемогущества, которая по определению не принадлежит человеку и является прерогативой божественных сил.

Однако человек никогда не считался бы подобием Божиим, если бы уподобление не было полным. Единственная возможность для правителя обрести всеведение (в рамках его индивидуальности, разумеется) — переступить через второе табу, отделяющее мир слепоты от мира зрячести. Прежде, чем распорядиться жизнями подданных, правитель обязан рассмотреть целесообразность принесения в жертву себя самого. Только из этой позиции и возможно *сознательное* планирование жертв.

Здесь точно так же, как на войне. Воин — не просто тот, кто убивает, но кто сам рискует погибнуть. В противном случае он является палачом, душегубом и т.п. Так же и царь не только тот, кто распоряжается жизнями других, но тот, кто в любой момент готов принести в жертву собственную жизнь. Эту установку Иван Ильин называл «жертвенностью совестного правосознания», перечисляя монархов Средневековья и Нового времени, павших от рук противников христианской политики.

Властители России, начиная с Аскольда (в крещении Николая) и заканчивая Николаем Вторым, были осведомлены об обоюдосторонности своего права на жертву.

Вопрос без ответа

Важной вехой самоидентификации современной власти и её восприятия обществом является вопрос, заданный летом 2009 года премьер-министром Владимиром Путиным при посещении известного художника Ильи Глазунова. Остановившись перед картиной с изображением князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, В.В. Путин

спросил: могут ли они быть сегодня примером для нас? Внятного ответа на свой вопрос премьер-министр не услышал, и это показатель. В самом деле, почитая святых сыновей Владимира, сознаем ли мы, в чем состояла цель их подвига?

Венцы мучеников сами по себе на вопрос не отвечают: святость можно стяжать без всякого участия в государственной жизни. Между тем поступок Бориса и Глеба всегда рассматривался как пример служения русской государственности «даже до смерти». Неужели такое служение требует стать агнцем, кем-то «ведомым на заклание»? Слабо верится, ибо русские князья ничем не уступали по части воинственности западным собратьям. Вряд ли они возводили храмы, посвящённые Борису и Глебу, прославляя сдавшихся на милость узурпатора Святополка. Меч св. Бориса был русским «экскалибуром», гарантировавшим победу носителю моральной правоты. Полтора столетия он хранился в семье великого князя Андрея Боголюбского, но был похищен его убийцами накануне покушения.

Короче, без исторического расследования не обойтись.

Сразу бросается в глаза связь между Борисом и Глебом и их отцом св. Владимиром не только по части генов, но и политики. Для того чтобы разобраться, в чём, по замыслу Крестителя, заключалась будущая государственная миссия Братьев, нужно внести ясность в вопрос об их происхождении. «Повесть временных лет» сообщает, что Борис и Глеб родились от некой «болгарыни» до брака великого князя Владимира и византийской принцессы Анны, дочери Романа II. Однако в этом случае Борис и Глеб должны были появиться на свет раньше 988 года и к моменту мученичества (1015) достичь возраста зрелых мужей. Как согласовать это с юностью Глеба, на которой сделан особый акцент в его житии?

Эта неувязка волновала многих. Уже составитель тверской летописи XIV века пришел к заключению, что Борис и Глеб — сыновья Владимира и греческой царевны, со всеми вытекающими. Аргументы в пользу такого вывода обобщены в работах польского историка Анджея Поппэ, подробно проанализировавшего символику имён, данных Борису и Глебу при крещении¹: Роман — в честь отца Анны,

¹ Мирские имена Бориса и Глеба имели болгарское происхождение.

Великий князь Владимир с сыновьями Борисом и Глебом. Древнейший тип изображения. Прорись с миниатюры сгоревшего сборника 1414 г., принадлежавшего А.И. Мусину-Пушкину

византийского императора, и Давид — в честь ветхозаветного царя, бывшего самым младшим среди своих братьев. Многозначительны намеки церковной службы, где говорится, что св. Борис был украшен «цесарским венцом».

Борис и Глеб должны были положить начало новой династии правителей Руси. С точки зрения византийского права, только они имели законное право на престол Владимира и обладали преимуществом над другими, старшими братьями, рожденными вне церковного брака. Однако, по исконному обычаю, княжий стол должен был унаследовать старший в роде, каковым являлся Святополк (усыновлённый Владимиром племянник). Свои претензии имел и Ярослав, самый старший из родных сыновей Владимира.

В последние годы жизни родителя Святополк и Ярослав, готовясь к схватке за власть, начали подыскивать союзников за пределами Руси. И нашли их: Святополк заручился поддержкой папского престола и Польши, Ярослав привлек на свою сторону скандинавов. Владимир отреагировал жёстко: Святополка и его духовника, католического епископа Рейнборна, заточил в тюрьму, а Ярослава планировал свести с княжения в Новгороде. Последний поднял мятеж и пошел войной на отца. В обстановке надвигающейся междоусобицы Владимир скончался. Бориса, который последние годы был правой рукой отца, в этот момент в Киеве не оказалось. Воспользовавшись ситуацией, Святополк захватил княжеский престол. Перед Борисом встала дилемма: признать власть Святополка или бросить дружину на Киев, чтобы свергнуть узурпатора.

Тот факт, что Борис и Глеб — потомки византийских императоров, во многом объясняет обстоятельства их гибели. Святополк подослал к ним убийц тайно, опасаясь мести могущественного дяди князей-страстотерпцев, императора Василия II Болгаробойцы, воина-василевса, отличавшегося мрачной непреклонностью при достижении своих целей. Убийство венценосных родственников было в ту пору серьезным поводом для войны. Как, впрочем, и в новейший период: вспомним, что предлогом к началу Первой мировой стало убийство эрцгерцога Фердинанда.

Уровни жертвы

Для Владимира Святого принятие христианства было не политическим, а духовным актом. Даже скудные данные летописей подтверждают это: крестившись, Владимир серьезно задумался, должен ли он, как христианский государь, предавать преступников смертной казни? Священникам, прибывшим из Царьграда, пришлось потратить время на то, чтобы убедить князя не следовать доктрине Льва Толстого до рождения её автора. Этот эпизод красноречиво передаёт атмосферу, в которой воспитывались Борис и Глеб.

«Каких вам ещё доказательств? — воскликнут сторонники «безгласных агнцев». — Борис же отказался начать войну, принеся себя в жертву». Да, принёс, но кому и чему? Верил ли Борис в право Святополка на княжеский престол? Как человек, получивший греческое воспитание, едва ли. Была ли у Бориса возможность бросить Святополку вызов? Дружина ждала от него именно этого. К тому же его дядя, император Василий II, находился тогда на вершине могущества. Разгромив Болгарию в длившейся более 20-ти лет войне, Василий не заставил бы себя долго упрашивать, чтобы утвердить византийскую династию в Киеве.

Однако что ждало Русь в случае, если бы потомки константинопольских василевсов огнем и мечом отвоевали себе великокняжеский стол? Не стала бы их власть восприниматься на Руси как чуждая, навязанная извне? Не распространилась бы эта оценка на само православие? Ведь именно церковный брак, заключенный Владимиром, давал Борису и Глебу преимущество в борьбе за наследство Крестителя Руси.

И это мизерная толика вопросов, вставших перед князем Борисом. Отвечая на них, он отказался развязывать братоубийственную бойню. Глеб последовал примеру старшего брата. При таком раскладе выбор Бориса и Глеба — икона христианской власти, где ударение падает на слово «христианская», а не на слово «власть». Главным приоритетом для Братьев было распространение веры Владимира, и лишь потом «законные права».

Религиозная идея и национальная традиция

Риск был слишком велик. Христианство — универсально и обращено ко всем людям, но в конкретной исторической ситуации оно тесно связано с национально-культурной традицией «реципиента». Во времена апостола Павла большинство последователей Иисуса придерживалось ритуальных предписаний Ветхого Завета, из-за чего иудеи воспринимали христианство как «чужую» религию. Именно поэтому св. Павел, проповедовавший Евангелие среди язычников, склонен был даже увидеть Промысел в том, что большинство иудеев не приняло Благую Весть. Противодействие христианской проповеди в Палестине он объяснял тем, что «иудеи отвергнуты ради спасения язычников», следовательно, место для эллинского «дичка» на древе Народа Божия — вакантно.

Наступила новая эпоха, и вот уже сонмы языческих народов, живших в Римской империи, не могли помыслить себя вне Церкви. Однако на другой стороне ойкумены жили славяне и скандинавы, для которых христианство было религией враждебных соседей, а язычество — «родной» верой. Военно-политическое соперничество казалось непреодолимым препятствием для приобщения этих народов к цивилизации Нового Завета. Лишь равноапостольным Кириллу и Мефодию удалось создать культурно-языковую матрицу для славянского христианства, которое перестало после этого ассоциироваться с давлением извне. Православие укоренилось в Болгарии, соседней с Восточной Римской империей стране.

Почти одновременно с обращением Болгарии христианство приняли киевские правители Аскольд и Дир (864), что, однако, не привело к крещению Руси. Она была сильно удалена от Константинополя как географически, так и цивилизационно.

Есть основания полагать, что летописный рассказ о «выборе вер» отражает не столько личные мотивы Владимира, сколько аргументы, которые киевский князь использовал, чтобы убедить креститься своих воинов. Заключив союз с константинопольским василевсом Василием Вторым, Владимир сделал всё возможное, чтобы христианство в глазах дружинников выглядело трофеем, добытым в схватке с ромеями. И потому поход на восставшую против Василия Корсунь обставил именно так.

Свв. страстотерпцы Борис и Глеб. 1-я треть XIII в. Происходит из Рязанского Солотчинского монастыря

После Крещения Владимир правил еще 30 лет, немало сделав для утверждения христианства в крупных городах, среди знати. Однако считать, что к моменту его кончины Русь была полностью христианизирована — заблуждение. Любой конфликт с Константинополем мог вызвать сомесак язычества. Нечто подобное произошло в Болгарии после того, как царь Борис отрекся от престола и ушёл в монастырь (с. 7).

Для того чтобы привить побег христианства на древе прежде языческой культуры, требуется не только совокупное усилие ума и воли, как это было в случае со свв. Кириллом и Мефодием. Необходимо удачное стечение политических обстоятельств, позволяющее народу усвоить этот дар, который тогда становится поистине даром.

Что лежало на чаше весов?

Напомним, что в Средние века Китай и Япония имели все шансы стать христианскими державами. На стороне миссионеров, проповедовавших Новый Завет, были императоры, военачальники, за ними шла масса людей. Однако в конечном счете сработала реакция отторжения религии, принесенной чужеземцами. В немалой степени это спровоцировала алчность европейских колонизаторов, стоявших за миссионерами.

Если бы Борис и Глеб начали войну за княжеский стол, обратившись за помощью к своему могущественному дяде, то, возможно, одолели бы Святополка. Однако утверди они власть с помощью внешних сил, Русь вряд ли осталась бы православной. А если бы Святополк вышел победителем из конфликта и изгнал ромеев — превратилась бы в католическую страну.

Взвесив на чаше весов вопросы веры и вопросы власти, Борис и Глеб сделали выбор, приведший их к святости. Дальнейшее известно: Братья погибли, между Святополком и Ярославом началась спланированная война, в которой победил Ярослав. На этом, впрочем, усобица не затихла: на Ярослава ополчился Мстислав, ещё один сын Владимира. Он одолел брата, но проявил великодушие к нему, довольствовавшись землями на правом берегу Днепра. После

смерти Мстислава Ярослав стал единовластным хозяином Русской земли.

О Борисе и Глебе старались вспоминать поменьше. До тех пор, пока на их могилах не стали совершаться чудеса: годами болевшие люди получали там исцеления. Народ почитал Братьев как святых, не остался в стороне от этого культа и Ярослав Мудрый. Борис и Глеб стали первыми собственно русскими церковными именами. Однако акцентировать происхождение Бориса и Глеба никому не хотелось. Во-первых, Ярослав, в отличие от Владимира, постоянно враждовал с Константинополем. Во-вторых, вспоминать, что у Владимира существовали законные наследники, Ярославу (еще при жизни отца поднявшему на него меч) было невыгодно. Так Борис и Глеб получили «болгарскую» мать вместо византийской.

Однако в самой Византии в таких перетасовках не было нужды: ромеи без промедления увековечили память сыновей Анны. Внушительная икона Бориса и Глеба в Софии Константинопольской встала справа от алтаря. В городе Испигасе произошло даже чудесное явление святых Братьев, после чего там возвели посвященный им храм.

Без Бориса и Глеба не было бы Александра Невского

Политическая деятельность — это всегда сплав амбиций и идеалов. С одной стороны, политики-властолюбцы, как бы циничны они ни были, всегда нуждаются в идейном оправдании своей карьеры. С другой стороны, даже самые искренние политики-идеалисты обладают амбициями. В их сознании торжество идеи, которой они служат, сопряжено с личным политическим успехом. В деяниях Бориса и Глеба политический идеализм, готовность к самопожертвованию достигли чистоты ректификации.

Вот почему два века спустя после своей гибели Братья явились воинам великого князя Александра Ярославича перед Невской битвой, обещая свою помощь. Мало кто задумывается над тем, что их явление имело для благоверного князя программный смысл, приоткрывая, почему ему дарована победа и как сложится его судьба. Будучи гени-

альным стратегом, Александр, видимо, не раз испытывал искушение ударить не только по немцам и литовцам, но и по монголам. Но вместо этого провел долгие годы в изматывающей дипломатической борьбе в ханской ставке, ежечасно рискуя быть подвергнутым мучительной казни.

Если вникнуть в детали биографии Александра Невского, то становится ясным: его подвиг имел много общего с подвигом страстотерпцев Бориса и Глеба. Они отказались от «цесарского» триумфа ради целостности отеческого достояния; точно так же поступил благоверный князь Александр, который променял корону, обещанную папой, на посох ходатая, убеждающего ордынских ханов отказаться от разорения Руси. И в итоге принял из их рук чашу с ядом.

Мощи Братьев исчезли в сполохах Батыева нашествия, но их влияние только усилилось. Исследователи говорят о «ярко выраженном военном характере культа», о том, что святые князья пали «жертвами борьбы за власть». Трудно найти суждение столь верное и неверное одновременно. Как уже говорилось, Борис и Глеб — не обычные жертвы междоусобицы: они отдали жизни во имя христианизации Руси. Поэтому их чудесная помощь проявлялась в те моменты, когда опасность грозила целостности страны и русской веры: перед Невским сражением и Мамаевым побоищем, в войнах Новгорода Великого, который в XIII—XV столетиях служил оплотом для русского православия...

Благодаря почитанию Бориса и Глеба, на Руси не прижилась весьма распространенная в то время формула, согласно которой политическая власть является путем к славе и богатству. Открывая и захватывая новые земли, люди Запада немедленно провозглашали себя «королями», «баронами», «графами», а затем — отчуждали их в собственность Ост- и Вест-Индских компаний, русские же отдавали их своему государству «за просто так».

Сегодня мы, как кажется, далеко отошли от своих духовных корней, импульс Бориса и Глеба практически утратил для нас свою силу. Именно поэтому сегодня многие в нашей стране, от милиционера до министра, воспринимают власть не в традиционном жертвенно-державном смысле, а с чисто феодальной, корыстной точки зрения:

как повод для вседозволенности или источник семейного бюджета. Не связана ли пробуксовка социального развития России с тем, что икона святых Братьев оказалась временно скрыта от нашего духовного взора? Не пора ли взглянуть на Жертву, лежащую в основании Российского государства?

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ РАЯ

Аскетизм и космология Древней Руси

А.В. Притворову

Ещё столетие назад научную и религиозную публику будоражил вопрос о местонахождении библейского рая. Эдем искали на востоке от Египта и Синая, вблизи Месопотамии в бассейне рек Тигр и Евфрат, в Эфиопии и Абиссинии, в Армении и на Кавказе, в Сирии и Палестине, а также севернее — в долинах Гималаев или южнее — на острове Тапробана (Цейлон). Свыше 10-ти изданий выдержала книга В. Уоррена «Найденный рай, или Колыбель человечества на Северном полюсе». Однако ни одно из этих отождествлений так и не стало окончательным; волнения постепенно утихли. Под влиянием новой философии, противопоставлявшей духовное и материальное, даже в православной среде распространилось заблуждение о внетелесности земного рая. Современные христиане предпочитают не обсуждать этот вопрос. Для большинства верующих мысль о рае сливается с представлениями о посмертном бытии и жизни Будущего века.

Между тем Предание чётко различает духовный рай, грядущее Царство Небесное и земной парадиз («ограждённый сад»), откуда после грехопадения были изгнаны Адам и Ева. «...а о том, что в Иерусалиме нет рая, свидетельствует Адам, лежащий на Лобном месте. Известно ведь, что он был не погребён в раю, а изгнан оттуда. О том, что рая нет на небесах, свидетельствует Писание, говорящее “и насадил Бог рай в Едеме на востоке”, ибо научает нас, что рай [расположен] на крайнем востоке Земли. Из чего сведущие историки заключают, что все ароматные благовония [происходят] из земель крайнего востока, сиречь Индийских стран, так как они находятся вблизи райского места», — отвечает святой Афанасий князю Антиоху (вопр. 47).

Православная традиция свидетельствует, что окончательное вселение в духовный рай возможно лишь за порогом смерти, небесное царство наступит после огненного обновления всей земли, а доступ к эдемскому саду связан не столько с загробной участью или концом времён, сколько с границами человеческой среды обитания.

Именно в земном раю, как полагали, пребывает Пречистая Богородица и «множество святых, которые после воскресения Господа явились многим людям в Иерусалиме и вновь вошли в Рай». Такое убеждение базировалось на следующих словах Евангелия: «и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим» (Мф. 27: 52—53).

Блаженный Феофилакт Болгарский приводит три толкования настоящего места:

1) это аллегория перенесения «смотрения Божия»¹ от иудеев к язычникам. «Впрочем, такое истолкование слишком уже изысканно», — честно признаёт богослов;

2) «Воскресение мертвых [...] давало знать об освобождении и тех душ, которые находились во аде; а воскресли они собственно ради знамения, и явно, что они опять умерли». Такое натянутое объяснение не удовлетворяло дотошных русских книжников. Поистине, слишком «изысканным» должно быть мышление, чтобы уравнивать святых и узников ада. Ведь даже до Искупления святые пребывали не в аду, а в особом месте, «на лоне Авраамовом» (Лк. 16: 22);

3) «Впрочем, некоторые думают, что они воскресли по воскресении Христа, и в другой раз уже не умирали. Но я не знаю, должно ли это принимать», — пишет бл. Феофилакт.

Последняя интерпретация, позволяющая буквально понять евангелиста, и была, видимо, принята Русской церковью за основную. В отличие от современного человека, чья религия и повседневное поведение трагически разделены, люди Средневековья не могли игнорировать вопрос о локализации земного рая или отнести его целиком к умозрительной сфере. В XIV веке на этой почве разгорелась полемика, грозившая социальными потрясениями и реформой православной веры.

¹ Т.е. провидения, покровительства.

Рай аскезы

В 1313 году «явился в Новгороде еретик, протопоп новгородский. К нему присоединились многие из церковного причта, а тверской епископ Андрей помогал им, говоря, что “рай на земле погиб”; и святой ангельский монашеский чин обзывали безбожным и именовали учением бесовским. И многие, выйдя из иночества, вступали в брак. Пресвященный же митрополит Пётр созвал в Переяславле[-Залесском] великий собор. Там присутствовали все епископы, игумны, попы, диакона и чернецы, а от патриарха [Константинопольского] Афанасия — учёный клирик. И после многочисленных прений, едва пресвященный Пётр, митрополит Киевский и всея Руси, [опираясь] на божественное Писание, с помощью и заступничеством князя Ивана Даниловича [Калиты] одолел и проклял того еретика. А потом самолично пошёл по городам, поучая право верить и прекратил пересуды и прогнал дьявольское смущение».

Перевод земного рая из настоящего времени в минувшее (ересь неотеизма по святителю Димитрию Ростовскому) ведёт к отрицанию богоустановленности церковной организации на земле и обличению тех порядков, которые освящены Церковью. Недаром советские историки рассматривали учение о «рае мысленном и погибели земного рая» как самый значительный факт в предыстории русской реформационной мысли. Для нынешних людей (даже верующих) связь между реальностью рая и монашеством (костяком церковного организма православия) далеко не очевидна. В самом деле: сейчас ведь никто не отрицает право Церкви на существование, хотя в осязаемость райских куш верят куда меньше. Одна деталь, правда, упускается — законодательный авторитет Церкви. Если сейчас он заключён в хрупком консенсусе между государством и представителями верующих, то в традиционном обществе охватывал все сферы жизни. Его умаление в одной из них автоматически нарушало заведённый порядок в остальных.

Психологические мотивы, толкающие современного человека принять постриг, и причины ухода в монастырь в Средние века часто не совпадают. Разрыв между умственной, эмоциональной и физиологическими сферами у наших предков не был столь велик как теперь.

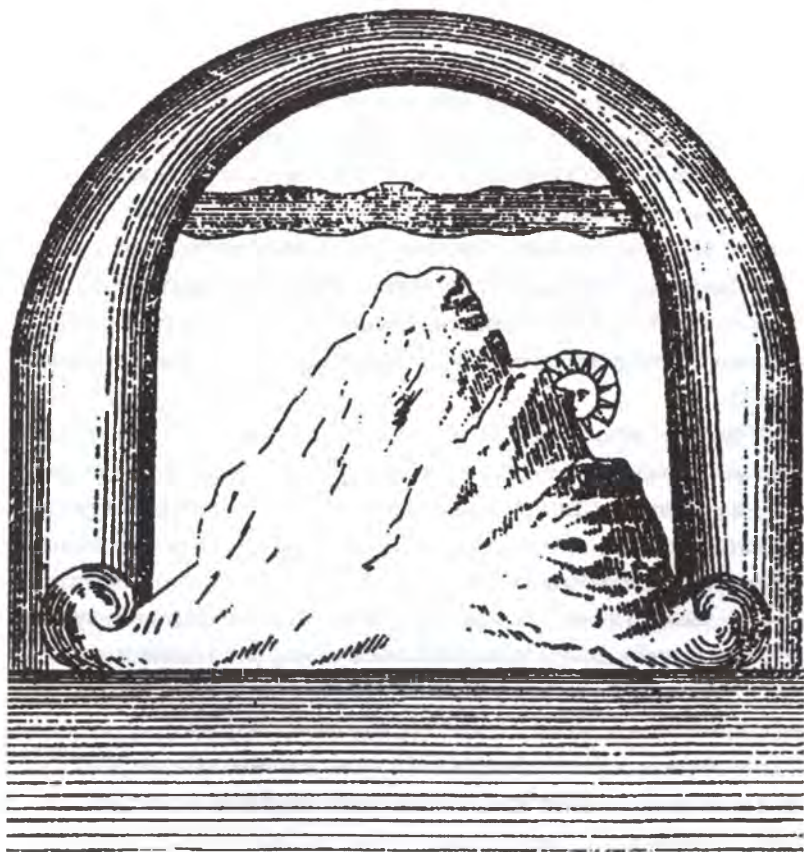
Покидая мир, иннок не только на словах (или мысленно) чаял вступить в «равноангельский чин». «Какое место красивее Парадиза, откуда был изгнан Адам?» — риторически вопрошал святитель Иоанн Златоуст. Граница между монастырём и миром превращала обитель в преддверие парадиза, где достойный вплотную приближался к райским вратам, которые «уже не охраняло пламенное оружие» и куда призывал войти верных Спаситель.

Вера в возможность заново обрести Эдем отражена в ряде сочинений о путешествиях в райскую область — «Житии Макария Римского», «Хождении Агапия в рай», «Хождении Зосимы к рахманам». По наблюдению В.В. Милькова, образы рая и монастыря в древнерусской литературе взаимозаменяемы: «Монастырь — по подобию рая — это изолированная часть мира, где пребывают праведники. Описания преград, которыми огораживается рай (стены с малыми оконцами, например), непосредственно ассоциируются с монастырской стеной. Если судить по “Хождению Зосимы”, то созданный там образ страны блаженных — это не рай изобилия, а рай аскезы». Чтобы проникнуть туда, авва Зосима (встречавшийся, по преданию, также со знаменитой пустынноницей Марией Египетской) затворяется на 40 дней и держит строжайший пост. С помощью ангелов преодолев Океанскую реку, переходящую в вертикальную водную грядку, которая теряется в просторах неба, он ступает на *потустороннюю* землю. Её обитатели, рахманы, полностью отделены от суетного мира. При этом они не забывают его в своих деннонощных молитвах, наблюдая за благими и губительными событиями¹.

¹ Филологи зачастую «успокаиваются», проведя нехитрую параллель между рахманами и обитателями островов Блаженных античной традиции. Следует заметить, однако, что параллель тут не должна перерастать в отождествление. Рахманы настолько же тождественны блаженным Гесиода, насколько эллинизм тождествен православию. В *христианском* представлении о рахманах параллель эта ничего по сути не проясняет, равно как и поспешное опознание рахманов в индийских брахманах. Скорее речь может идти о монотеистической традиции «рахманизма» в Йемене и ал-Йамаме. RHMN, в качестве основного и единственного имени Бога, типичного для всех южноаравийских религий конца V—VI вв. Автономная рахманистская традиция хронологически предваряет эпоху пророка Мухаммада.

Рахманы не употребляют мяса, хлеба и масла, не пьют вина, вкушая единожды за день (строго по часам) сладкий древесный плод, тут же отрастающий снова. Спят они на досках, не имеют никакого имущества или одежды; говорят лишь правду. Дабы не вымереть, рахманы поддерживают связь с жёнами, впрочем, лишь раз в году и до рождения второго ребёнка. Не следя за обычным течением времени, из всех праздников соблюдают лишь Пасху, накануне которой устраивают 3-дневное бдение. Их молитвенная песнь идеально согласована с ангельским хором, с которым они пребывают в тесном общении

Стены небесной воды преграждают путь к раю. Общий вид неба и земли в разрезе. «Христианская Топография» Козьмы Индикоплова

(«братия ангелом святым»). Так же как ангелы, они могут созерцать душевные тела людей («душевный зрак»). Божии посланники называют им дату кончины и неотступно при ней присутствуют. Рахманы не бессмертны и, как указано в «Хождении», умирают на небесах («на небеси же мрътвени»). Судя по всему, речь идёт о так называемой «второй смерти» или смерти души (Отк. 2: 11), ибо гибель физического тела перестаёт играть для рахман ту роль фатальной неожиданности, какую она приобрела для обычных людей. Конечно, «вторая смерть» (т.е. геенна) *угрожает* рахманам, но не *предопределена* им (как и обычным людям), ведь она отступает перед «побеждающими диавольские внушения».

Когда уставший от бесед Зосима попросил своего гида-рахмана сказать любопытным собратьям, что он якобы отлучился, тот возопил: «Что за Адамово искушение среди нас явилось?! Ибо когда-то Адама с Евой искусил диавол, а мой человек лжёт теми же словами: сам здесь пребывает, а мне велит лгать, чтобы сказал я: “Нет его здесь”. И сказал он ещё: “Уведите его от меня; если же не уведёте, то я убегу из этого места, ибо хочет он посеять семена мира суетного”». Свобода нравственного выбора у обитателей рая не отнята: они опасаются повторить ошибку прародителей и быть изгнанными оттуда.

Учитывая сопровождающую числовую символику, рассказ аввы Зосимы является аллегорией иноческого жития. Если верна гипотеза Е.С. Лазарева, что Зосима-«Хождения» и Авва Зосима Палестинский (память 4 апреля), — одно и то же лицо, то переданные им принципы блаженного жития могли оказать влияние на быт пустынножителей V—VI веков. Провозгласить постулаты райского бытия в суетном мире, установив харизматическую связь между рахманами и их последователями по сю сторону Океана, собственно, и были целью путешествия Зосимы. Именно поэтому ему помогают ангелы, общаются с ним обитатели рая и противодействуют демоны. «Потом жил я ещё 30 и 6 лет, переписывая житие блаженных для отцов-пустынников», — свидетельствует сам авва. Таким образом, Зосима (или же анонимный составитель «Хождения», если мы не склонны доверять тексту) хорошо сознавал направленность своего сочинения. Учение о рахма-

Манера изображать свв. пустынников в прорисях православного Подлинника (слева направо): Макарий Римлянин, Феодор Трихина, Онуфрий Великий, Марко Фраческий

нах вошло в иконопись: «Врахмани человецы суть, иже живут близ рая, в дрязгу древес, нази пребывают; и ни что же света сего имуще» (Подлинник из собр. гр. Уварова № 496). С этим описанием тесно связан иконографический тип обнажённых или обросших волосами пустынников¹.

Попробуем сопоставить. — Отказ от мясоедения (в ряде обителей — от вина), пост, непрерывная молитва и регулярное посещение службы, обеты нестяжания и безбрачия... Существенное различие между иноками и мирянами в дневном и годовом ритмах жизнедеятельности... Явное подобие между симфонией монашеского пения и звучанием ангельского хора... Молчаливость как крайнее средство избежать лжи и пустословия... Открытие духовного зрения у прозорливцев и дара пророчества у старцев...

Обращает на себя внимание обычай, принятый в монастырской субкультуре, выращивать цветы и овощи. Что же заставляло монашествующих окружать себя прекрасными растениями? Не только желание затворников общаться с природой или обеспечивать себя продук-

¹ Например, Макария Римского, см. далее «Куда Макар телят не гонял».

тами. Строго говоря, явления традиционной культуры почти никогда не объяснялись её носителями прагматическими, не-знаковыми причинами. Этот вопрос разрешает текст «Хождения». Вступая на землю блаженных, Зосима видит её усыпанной цветами, а в «Слове о рахманах» говорится, что там «никакие плоды никогда не оскудевают во все времена года, ибо в одном месте цветёт, в другом растёт, а в третьем собирают урожай. Тут же произрастают огромные и труднодоступные индийские орехи, с чрезвычайно приятным запахом». Не отсюда ли распространилось стремление монастырских насельников даже на Соловках круглый год выращивать не просто растения необходимые, но и диковинные, небывалые?

Естественно, аналогию «рай — монастырь» питало не только «Хождение Зосимы» (которое даже после занесения в индекс отреченных книг включалось в русские четьи-миней) или другие апокрифы. Подобное убеждение являлось общепринятым. Праведное сосуществование иноков («истинное общежитие») продолжало связываться с райским архетипом и в начале XX столетия.

Об этом восторженно повествует писатель-мистик Сергей Нилус, несколько лет проживший в Оптиной пустыни: «Погода сегодня дивная. Солнце по-весеннему греет и заливает весёлыми лучами наш садик, и чудный оптинский бор, с востока и юга подступивший почти вплотную к нашему уединению. Я вышел на террасу и чуть не задохнулся от наплыва радостно-благодарных чувств к Богу, от той благодати, красоты, которыми без числа и без меры одарил нас Господь, поселив нас в этом раю монашеском. Что за мир, что за безмятежие нашего здесь отшельничества! что за несравненное великолепие окружающей нас почти девственной природы! Так ведь соснам нашим, величаво склоняющим к нам свои пышно зелёные, могучие вершины, не по полтысячи ли лет будет?.. И стою я, смотрю на всю эту радость, дышу и не надышусь, не налюбуюсь, не нарадуюсь... А мой батюшка [преподобный Нектарий Оптинский. — Р.Б.], смотрю, стоит тут же рядом со мною...

— А известно ли вам, сколько от Сотворения мира до нынешнего дня было истинных общежитий?

Я стал соображать.

— Вы лучше не трудитесь думать, я сам вам отвечу — три!

— Какие?

— Первое — в Эдеме, второе — в Христианской общине во дни Апостольские, а третье... — он приостановился... — А третье — в Оптиной при наших великих старцах».

Нападки единомышленников епископа Андрея и протопопа Сеита (Вавилы, по другим источникам) на веру в земной рай подрывали прежде всего институт монашества. Неудивительно, что святитель Пётр отреагировал самым решительным образом: он обличил и предал анафеме Сеита-Вавилу. Собор 1313 году, о котором сообщает В.Н. Татишев, проходил в Переяславле-Залесском, где годом ранее (в 1310—1311, по мнению Е.Е. Голубинского) разбиралось дело самого митрополита Петра по навету в мздоимстве, поступившему от пресловутого епископа Андрея. Туда и был прислан царьградским патриархом упомянутый летописью клирик-эксперт. Собор тогда полностью оправдал свт. Петра, а тот милостиво простил обидчика, которого житие Петра насмешливо квалифицирует как «легка убо суца умом, легчайша же разумом».

Вражда с тверским владыкой имела и политическую подоплёку: архипастырь всея Руси откровенно благоволил Москве, куда и перенёс, в конце концов, свой престол. Трудно сказать, какие средства применял Пётр для борьбы с епископом Андреем, а вернее, с великим князем Михаилом Тверским, настроение которого тот, по-видимому, озвучивал. Андрей мог не иметь прямого отношения к Сеиту-Вавиле, а опрометчиво высказаться на самом соборе в 1313 году и

Видение преп. Иоанна Колова: инокі возносятся из земного рая в небесный. Фрагмент иконы «Страшный Суд». Русский Север. XVI в.

быть уличённым в неправоте митр. Петром. Однако даже после поражения в прениях о земном рае, владыка Андрей продолжал оставаться на кафедре, а кн. Михаил Ярославич теперь самолично атаковал константинопольского патриарха Нифонта доносами на Петра. Только в 1315 году (год кончины Нифонта), свт. Петру удалось вынудить епископа Андрея отказаться от кафедры и удалиться в монастырь на Шеши. Вместо Андрея тверской престол занял ставленник владыки Петра — Варсонофий.

Но административные меры — не доказательство богословской истины. Дабы наглядно закрепить параллель между иноческой жизнью и пребыванием в земном раю, в иконографию «Страшного суда» вводится видение преподобного Иоанна Колова. Вероятно к распространению этого сюжета был также причастен свт. Петр: в юности он прошёл школу иконной живописи и пользовался в этой области большим авторитетом. Сюжет видения рисует монахов-праведников, взлетающих на огненных крыльях в Горний Иерусалим *из земного рая*. Таким образом демонстрировалось различие между мысленным и чувственным раем, подчёркивалось, что истинный инок ещё при жизни испытывает райское блаженство. К тому же в Горний Иерусалим душа попадает лишь после того, как минует порог 2-й смерти, от которой не избавлены даже рахманы. Сподобившийся святости в иноческом чине даже превосходит обитателей парадиза. Ведь ему нужно преодолеть гораздо больше преград, чтобы достичь рая, который дан рахманам от рождения.

Экспедиция Моислава Новгородца

Однако на этом активность защитников монашества не иссякла. В 1347 году создаётся фундаментальная апология существования рая на земле, известная как «Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае». Спор ведут преемник линии митрополита Петра, известный церковный просветитель, архиепископ Новгорода св. Василий Калика (1332—1352)¹ и богослов-неотерик епископ Феодор Добрый (1342—1360) из той же Твери.

¹ См. о нём далее в «Символике пушкинских сказок», с. 276.

Желая аргументировать несводимость земного рая исключительно к «мысленной» области (на чём настаивал Феодор), Василий приводит сведения, любопытные настолько, что позволительно процитировать их полностью: «А то место святого рая находил Моислав-новгородец и сын его Иаков. И всех их было три юмы, и одна из них, долго про-блуждав, погибла, а две других ещё долго носило по морю ветром и принесло к высоким горам. И увидели на горе той изображение деи-суса, написанное лазорем чудесным и сверх меры украшенное, как будто не человеческими руками созданное, но Божьей благодатью. И свет был в месте том самосветящийся, сияющий ярче солнца. А на горах тех слышали они пение ликованья и веселия исполненное. И велели они одному из товарищей своих взойти на гору эту, чтобы увидеть откуда свет и кто поёт ликующими голосами; и случилось так, что когда он взошёл на гору ту, то, тотчас всплеснув руками и засмеявшись, бросился от товарищей своих на звук пения. Они же очень удивились этому и другого послали, строго наказав ему, чтобы, обернувшись к ним, он рассказал о том, что происходит на горе. Но и тот так же поступил, не только не вернулся к своим, но с великой радостью побежал от них. Они же страха исполнились и стали раз-мышлять, говоря себе: “Пускай даже до смерти дойдёт, но мы хотели бы узнать о сиянии места этого”. И послали третьего на гору, при-вязав верёвку к его ноге. И тот захотел так же поступить: всплеснул радостно руками и побежал, забыв от радости про верёвку на своей ноге. Они же сдёрнули его верёвкой, и тут же оказался он мёртвым. Они же устремились оттуда прочь: нельзя им было дальше ни смо-треть на это — на эту светлость неизреченную, ни слушать веселья и ликованья... А что, брат, говоришь: “Рай мысленный”, то так, брат, и есть мысленный, и будет. Но и тот рай, что насаждён [Богом], — не погиб, и ныне существует. В нём свет светит самосветящийся, а твердь его недоступна людям, только до райских гор дойти они могут».

Крупный филолог А.Н. Веселовский в 1875 году, отдавая дань ком-паративизму, поспешил подыскать ближайшую аналогию русскому тексту в германской литературе конца XIII века — стихотворный роман об Аполлонии Тирском. В позднейших пересказах этой легенды двое забравшихся на райскую стену также не возвращаются. Вынося

безапелляционный вердикт о заимствовании новгородским епископом немецкой легенды, Веселовский ссылается на «Путешествие» Иоганна де Мандевилля: «[Рай] лежит на горе, столь высокой, что, говорят, она упирается в небо, в круг луны. Рай обнесён стенами, расположенными крестообразно, обросшими плющом и мохом. К нему один лишь путь, по которому без помощи Божией, не может пройти ни один смертный, потому что ему угрожает там пламя, великая тьма и дикие звери. Говорят, что многие удалыцы отважились на это странствие и не могли совершить его: иные оглохли, другие ослепли или потеряли рассудок, либо вовсе не вернулись, погибнув на пути. Оттого я и не могу обо всём этом сказать что-либо положительное, кроме того только, что райскую гору можно видеть издали».

Подлинность свидетельства Моислава после трудов А.Н. Веселовского не обсуждалась, хотя от метода беспримесного компаративизма, каким он оперировал, отказались уже в начале XX века. В рамках церковной традиции мнение филолога о приписывании архиепископом Василием новгородцу Моиславу подвигов, заимствованных из немецкой литературы, абсолютно неприемлемо, ведь тот заключает их изложение фразой: «А дети и внучата этих мореходов и теперь, брат, живы-здоровы». Как отмечает В.В. Мильков, Василий Калика обращается к живым свидетелям как к «высшей санкции достоверности». Можно скрупулезно выяснять честны ли были в своих рассказах Моислав или владыка Василий, но по сути вопроса это мало что меняет. Сомневаться в показаниях этих свидетелей — значит сомневаться в их мировосприятии. Добавим лишь, что в начале 1540-х годов. «Послание о рае» было включено в Воскресенскую летопись, а затем — в Лицевой летописный свод и, наконец, в Степенную книгу. Таким образом, если верна версия о подлоге (или, мягко выражаясь, о заимствовании), то он имел общецерковные для Руси масштабы. Защищать правдивость или же догматическую безупречность взглядов, исповедуемых Русской церковью на протяжении нескольких столетий, не входит в наши полномочия. Интересней другое.

Если с Запада на Русь могли поступать сведения о райской земле (а это несомненно, в силу общего для средневекового мира интереса к данной теме), то почему не допустить обратного? Пословица «Нов-

городский рай нашёл» вряд ли была заимствована из Германии. Новгородские мореходы были не менее активны, чем прочие европейцы. Подобно ирландцам (с коими их объединяла общая эмблема — кельтский крест), они осуществляли активную миссионерскую деятельность как на побережье северных морей, так и вглуби материка. В XIV веке новгородские купцы достигали на своих юмах берегов Дании и Фландрии, Англии и Франции. С помощью Волжского пути Новгород был связан с мусульманским Востоком и Закавказьем, а через водную магистраль «из варяг в греки» — с Византией. Поистине немеряные просторы открывались перед новгородцами на северо-востоке, в Заволочье или Двинской земле. Для обозначения этих территорий они использовали символ Китовраса, царя потустороннего пространства. Тесные связи с Ганзейским торговым союзом помогали свободной циркуляции естественно-географических сведений, которыми располагали русские первопроходцы. В XV—XVI веках маршруты, добытые в ходе новгородских экспедиций, вызывали пристальное внимание в Европе (см. записки С. Герберштейна, отчёт Р. Джонсона и др.).

Интересно также, что помимо рассказа о рае архиепископ Василий приводит информацию очевидцев об адских муках, помещавшихся на крайнем западе: «Многие из детей моих духовных, новгородцев, видели это на Дышащем море: червь неусыпающий, и скрежет зубовный, и река кипящая Морг, и вода уходит там в преисподнюю и вновь выходит наверх трижды за день».

«Новгородцы, подобно всем древним путешественникам, любили, как видно, удивлять своих приятелей чудесными рассказами, побывав на Белом море, в окрестностях Лапландии. *Высокие горы*, где Моислав нашёл рай, именуются ныне Шемеханскими. Герберштейн пишет, что в его время норвежцы полагали там вместо рая чистилище, — рассуждал Николай Карамзин, снисходительно итожа: — Уважая гражданские и пастырские достоинства Василия.., осудим ли сего знаменитого мужа за то, что он искал рая на Белом море, и верил, что некоторые путешественники новгородские видели оный издали?». Но даже если приписать св. Василию локализацию рая на Беломорье (о чём он, кстати, не пишет) и забыть о его прочих достоинствах, осуждать вла-

дыку нет нужды. Ведь Н.М. Карамзин, как было принято в его эпоху, применяет к представлениям прошлого критерии современности, не учитывая различия в специфике мышления. Важно не то, что, по мнению потомков, могли наблюдать в своих плаваниях новгородцы, а то, что они опознали там райскую ограду и адское жерло.

Если верить словам новгородского святителя (а не верить им у нас кроме голого скепсиса нет оснований), то к моменту составления им послания (1347) «дети и внучата» спутников Моислава были «живы-здоровы». Значит, само плавание можно датировать началом XIV века. Напрашивается вывод: а не была ли эта экспедиция спровоцирована спорами с антимонашеской партией в Церкви и желанием новгородцев доподлинно установить правоту предания о рае? В Ирландии сходная инициатива была увековечена в специальном сочинении «Плавание святого Брандана». Известно, что Новгороду принадлежало первое место среди русских городов и по высоте богословских прозрений (учение о Софии Премудрости Божией) и по глубине отступничества (новгородско-московская ересь). Кто-кто, а новгородцы, кажется, не преминули бы разойтись хоть со всей Русью по вопросу о рае, если бы убедились в его «мысленности», т.е. внетелесности. Но сведениями о новгородских противниках земного рая, кроме упомянутых проповедей о. Сеита-Вавилы 1313 года, мы не располагаем. Удивительно также, что данный вопрос не поднимали на щит крупнейшие антицерковные секты, базировавшиеся в Новгороде, — стригольники и жидовствующие. Вероятно, после возвращения Моислава и Якова никто в северной столице больше не сомневался в существовании рая, ведь приводя сведения о знаменитой экспедиции, Василий Калика излагает их как нечто хрестоматийное.

Уже в императорской России писали, что первосвященник Новгорода «не был искусным богословом» (точнее «изысканным», как выражался блаженный Феофилакт). Ну а современные исследователи вообще заходят в тупик, сталкиваясь с его посланием. «О какой чистоте православных воззрений может идти речь, если своим реализмом Василий фактически обосновал доступность человеку сверхъестественных явлений, причём доступность в непосредственном физическом их восприятии. В онтологическом плане это означало,

что духовное не существует вне материального, а в доктринальном смысле можно ставить вопрос о преодолении архиепископом Василием христианского дуализма, постулирующего разорванность небесного и земного, исключаящего сущностное смешение духовного с материальным» (В.В. Мильков). Не стоит повторять, что оппозиция «духовное-материальное», принятая в классической немецкой философии, для православного богословия до XIX века не существовала. Вообще категории, которыми оперировали Святые Отцы, были сложнее на несколько порядков, ибо обнимали не одни рациональные понятия, а весь возможный и *невозможный* для человека экзистенциальный опыт (насколько он в силах его обозначить).

Недоумения легко развеять, если ознакомиться с православной «схемой мира» (σχημα), излагаемой «Христианской Топографией» Козьмы Индикоплова (545—547), Толковой Палеей (не позднее XII в.), Шестодневами, Хронографами, патристикой. Поняв, какое место там отведено чувственному раю, можно убедиться, что «христианский дуализм» утверждает не «разорванность» земного и небесного, но инаковость сотворённого мироздания по отношению к превышающему его Божественному бытию. По отношению к Творцу мироздание однородно и характеризуется наличием таких градаций, которые нельзя без грубого искажения назвать ни чисто «материальными», ни чисто «духовными».

Схема мира

Рассудок современного человека приучен слепо доверять теориям, выдвигаемым учёными для прикладного объяснения тех или иных феноменов. Он как бы не учитывает, что эти суждения зачастую носят условный характер, и тем самым вместо инструмента, предназначенного для исследования реальности, превращает их в объект веры, а подчас и суеверия.

В полной мере это применимо к адаптированной для масс гелиоцентрической картине Солнечной системы. Отсюда — закономерный интерес к альтернативным космогониям и космологиям, не угасающий с конца XIX века. Показательно, что многие из альтернативных схем,

выдвигавшихся за этот период, так или иначе соотносятся с картинами мироздания, сохраняемыми в древних традициях человечества (индуизме, буддизме, даосизме, герметизме, каббалистике, суфизме и др.). Нужно ли пояснять, что наименее исследованной в этом ряду является православная «ноуменальная натурфилософия» (термин А.П. Щеглова), распространённая на Руси в X—XVIII веках?

Древнерусская натурфилософия отвергает *категории*, необходимые для определения феноменального мира, но ограничивающие познание, когда речь идёт о ноуменах¹, и избирает *символы*. Метафизика, стоящая за этим, основана на возможностях субъективного восприятия человека, но им не заканчивается. В итоге она выступает за пределы субъективизма в область интуиции, откровения. Такой подход логически оправдан, ибо ничто из области объективного не может быть усвоено помимо субъективных каналов.

Ноуменальная натурфилософия предназначалась для обнаружения в бытии скрытых и ускользающих от рефлексии² абсолютных смыслов, чем кардинально отличается от европейского рационализма, сосредоточенного на выявлении и описании внутренней противоречивости бытия. Согласно православной традиции, непосредственный контакт Я с самим собой и с объектами взаимодействия (как в познании, так и в бытии) может существовать только в интенциональной³ связи с Абсолютом. Последнее обстоятельство порождает **универсализм** — первое свойство православной космологии.

Однако древнерусский универсализм не абстрактен, а предельно и в то же время пластично гуманизирован. Бытийный статус индивида не предопределён, он может меняться в зависимости от его личных усилий и благоволения высших сил. Человек — уникальное существо, чья деятельность должна правильно сочетать безграничные возможности бытия, доступные его сознанию, и ограниченные условия их

¹ Ноумен в философии Канта — непознаваемая «вещь в себе»; здесь употребляется по отношению к миру причин, в отличие от мира следствий (феноменов).

² Т.е. восприятия «с отставанием», когда воспринимается не сама вещь непосредственно, а её следствие.

³ Имеется в виду необходимость для этой связи свободного выбора и приложения усилий со стороны человека.

*Преподобный Козьма Индикоплов. Миниатюра
«Христианской Топографии». XV в.*

осуществимости. Человеческая деятельность не может протекать без уверенности в её состоятельности.

Эту состоятельность и осуществимость воплощает фигура Христа, который назван в Откровении Иоанна Богослова А и Ω, универсальной вертикалью. Богочеловек обладает имманентными и трансцендентными характеристиками. Движение по универсальной вертикали происходит через поэтапное усвоение так называемого «ума Христова» (1 Кор. 2: 16). Богочеловек связывает планы бытия между собой. Он рождён от Отца прежде творения мира, спускался на адское дно, а затем был вознесён превыше небес и ныне восседает вместе с Отцом на Его престоле.

Приобретение индивидом «ума Христова»¹ возможно в относительно фиксированной среде. Поэтому **неподвижность** является второй чертой древнерусской картины мироздания. Черпая из космологии каппадокийской школы (свв. Василий Великий, Григорий Нисский), книжники отдавали явное предпочтение антиохийской (препп. Ефрем Сирин, Севериан Габальский). Наиболее развёрнутую Схему рисует в своей Топографии антиохиец монах Козьма Индикоплов. Её переводчики на русский считали Козьму святым, о чём говорят золотые нимбы на его портретах и помещение Индикоплова рядом с праведным Симеоном и пророчицей Анной на иконе «Что Ти принесем» из Вологды. Если автор Толковой Пален вёл полемику с иудаизмом, то Козьма развенчивал убеждения эллинских философов.

Призматическая вселенная

Создателям Схемы важно было распределить стихии по массе в порядке убывания снизу вверх: земля, вода, воздух, огонь. Земля — тяжелейшая часть мироздания, под ней ничего нет. Это универсальное основание, четырёхугольная плоскость, на которой покоится все сотворённое. Ниже земли не просто пустота, а именно *ничто*. Такое восприятие земли опирается и на Библию (Иов. 26: 7), и на традицию

¹ В латинской версии послания ап. Павла — «Христова чувства» (*sensum Christi*).

индоевропейцев: *ksam (санскр.) — ‘низкий, расположенный внизу, земля’; za (авест.). Сравним: χαμαι ‘на земле’, χαμηλος ‘низкий’ (греч.); humus (лат.), zemas (лит.) и zems (лат.) ‘низкий’; а также названия ‘земли’ на славянских языках.

До конца XVII века, когда в России распространилось учение Коперника, земля не считалась планетой; не была она и центральной сферой, как у Птолемея. Историк архитектуры Г.К. Вагнер указывал на источник этой концепции в Древнем Египте с его представлениями о четырёхугольной форме мироздания и Земле-«ящике». Если искать родственные воззрения у древних греков, то ближе всего окажется ионийская школа, в особенности теория плоской земли и неподвижных звёзд (Fixstern) Анаксимена (585—525 гг. до н.э.). Сам Козьма ссылается на изображение четырёх стран света «по Ефору». «Трудно сказать, был ли прямоугольник стран света Ефора данью древневосточным концепциям Вселенной... В нём можно видеть отклик на числовые пропорциональные построения Платона, который, разрабатывая принцип симметрии¹, оперировал прямоугольниками, построенными на диагонали квадрата», — писал Алексей Лосев.

Единая вертикаль, лежащая в основе трёхчленного деления мира индоевропейских народов и православной вселенной, возникает тогда, когда модель космоса включает в себя не только пространственные, но и временные характеристики. Удивление, которое испытывает современный человек при знакомстве с этой моделью, объясняется тем, что он привык представлять себе вселенную в какой-то один, условно взятый момент. Древнерусская же метафизика оперирует не с «моментальным» срезом реальности, и даже не с её цикличностью (для описания которой обычно используют шар), а пытается охватить пространственно-временной континуум в целом. Для обозначения этого континуума применялась библейская формула Творения: «небо и земля».

Понятно, что построение такой метагеометрической фигуры возможно лишь с большой долей **относительности** (3-я черта древнерусской картины мира). Этой относительностью (а не «наивностью»),

¹ Под «симметрией» в Античности понималась соразмерность.

как полагают поистине наивные исследователи) продиктовано то, что для изображения вселенной в Топографии использовался не один, а несколько ракурсов в последовательной серии миниатюр.

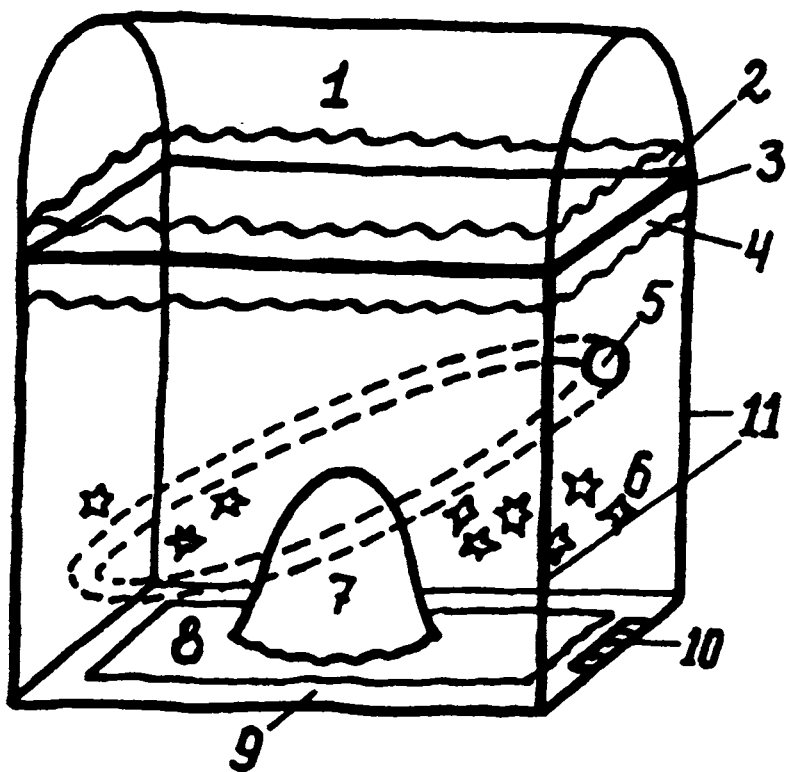
Итак, на четырёх концах земли стоят столпы, поддерживающие небесный свод, *камару*. Модель вселенной представляла собой род призмы (камеры, *каморы*), поделённой на внутренние этажи-перегородки (сверху вниз): престолы и другие ангельские чины в порядке нисхождения, первое или невидимое небо, населённое душами святых, воды над твердью, кристаллическая ледяная твердь, воды под твердью, второе или видимое небо — пояс планет (блуждающих звёзд), область неподвижных звёзд, воздушное пространство, сквозь которое на землю падает свет и, наконец, земля.

При составлении Великих Миней Четьих святителем Макарием Московским трактат Индикоплова играл стержневую роль: его миниатюры получили сквозную концептуализацию. Космологическая модель Скинии была тесно увязана с представлениями о природе царской власти и священной истории. События последней маркировали перемены в сознании человечества: изгнание из рая, плавание Ноева ковчега, Вавилонское столпотворение, вручение Моисею скрижалей Завета, пророк Иона во чреве Левиафана, побиение камнями архидиакона Стефана и др.¹

Хотя данная схема построена, исходя исключительно из текстов греческой Библии (Септуагинты) и её славянского перевода при их перекрёстном сличении, она по ряду параметров совпадала с дохристианскими и внебиблейскими представлениями индоевропейцев. Так, при последовательном анализе функций, которые усваивались «водам, яже превыше небес» в православии, можно убедиться, что они обозначают чистую потенциальность творения, соответствующую Причинному океану (*каране-джале*), разделяющему духовный и телесный мир в индуизме.

Каждый элемент модели обладает символическим кодом, согласующимся с современными понятиями, но отнюдь к ним не сводящимся. Плоская четырёхсторонняя земля — это аллегория четырёхсторонней

¹ См. нашу книгу: Творцы Священной истории (М.: «Вече», 2010).

Обобщённая схема «неба и земли» по Козьме Индикоплову: 1) первое или невидимое небо (здесь находится Престол Божий, ангелы, праведные души); 2) воды над твердью; 3) твердь; 4) воды под твердью; 5) Солнце и его орбита (4-й планетный пояс); 6) пространство, занятое неподвижными звёздами, над ними расположены планетные пояса (всего 7, на рис. не обозначены); 7) земля, где живут люди (ойкумена), на северо-западе её находится Мировая гора; в земле — преисподняя; 8) океан; 9) земля за океаном; 10) область рая; 11) колонны (поддерживают небо видимое, твердь и небо невидимое).

ориентации на геометрической плоскости. Равность земли и неба «по ширине»¹ — намёк на включённость фактора времени, ведь под планетой понималась не сфера в условный момент движения, а весь путь её прохождения по замкнутой орбите (наподобие тора). Чтобы подчеркнуть аспект вечного движения планет, их иногда изображали на колесницах.

Начинаясь как квадрат, необъятная призма где-то посередине (на уровне планетного пояса) переходит в цилиндр, а затем завершается незримым полусферическим навершием. Ледяная твердь — это метафизический символ отделения видимого и актуального мира от невидимого и потенциального. За твердью расположен престол Господень, т.е. высшие в иерархии силы, на коих почивает внеположное к сотворённому им зданию Божество. Вознесшийся за твердь Христос мыслится как посредник между миром и полнотой Святой Троицы, принципиально несводимой ни к существованию, ни к возможностям.

Создатели Схемы воспользовались ветхозаветной моделью мира — Скинией. Она считалась не жилищем Бога, а только местом Его явления (Исх. 34), поэтому была **незавершённой** (4-я черта). Такое условие отвечало состоянию мира на период до Второго пришествия. Благодаря ему, мир могла достигать благодать Всевышнего.

Разомкнутость земной метеорологии (5-я черта), её зависимость от глобальных космических процессов выглядит на Схеме гораздо более императивно и комплексно, чем это наблюдается в современной науке, тем паче массовом сознании. Многие части традиционной метеорологии, освещённые Топографией и Толковой Палеей, при условии должной интерпретации, могли бы послужить подспорьем для новейших планетологических теорий. К интересным идеям подталкивает, например, утверждение, что яркость «великого Светильника» (семи планет, видимых невооружённым глазом) зависит от вод, которые «превыше небес».

6-й чертой Схемы является **отрицание автономного движения звёзд**, которое делало невозможным глобальное прогнозирование

¹ Сходная модель рисуется в Коране: «Спешите (получить) прощение от Господа и (устремляйтесь) в Сад, ширина которого подобна ширине неба и земли» (57:21).

вание и предсказательный аспект астрологии. Планеты («блуждающие звёзды») управляются не актуальными, а потенциальными для нашего существования законами, или *ангелами*, на языке средневекового символизма. Думается, что это воззрение не столь уж отстало от современности. Хотя астрономические наблюдения и выявляют определённые закономерности в движении небесных тел, постоянно возникают новые факторы, меняющие общую картину: приближение комет, взрывы сверхновых звёзд, распад небесных тел и т.п. Концепция Козьмы Индикоплова, по сравнению с позитивистской замкнутостью на известном, более соответствовала реальному миру и, по сути, являлась более открытой, чем схоластические схемы, принятые западноевропейской наукой в Средние века.

И всё же ноуменальная схема это не то, что есть «на самом деле» (ибо такая точка зрения, будь она доступна, уравнивала бы человека с Творцом), а то, что доступно *человеческому* восприятию. «Говорю же “снизу” и “с боков”, насколько дело идёт о суждении нашего чувства, — поясняет по сходному поводу преподобный Иоанн Дамаскин, — так как, согласно с понятием последовательности, небо отовсюду занимает верхнее место, а земля — нижнее». Это лишь универсум, доступный целостному (т.е. одновременно сенсорному, интеллектуальному и эмоциональному) восприятию человека, расширенный за счёт принятых православием откровений (прозрений святых, сверхъестественных явлений и т.п.).

Человек сам по себе не может выйти за рамки трёхмерного восприятия (мира, как бесконечной сферы). Существует лишь то, что может быть окружено; то, что не окружается — не существует, учили Свв. Отцы. Но, с другой стороны, учение как о земном рае, так и о небесном царстве несовместимы с представлением о сферичности космоса. Отсюда — отрицание телесности невидимого (первого) неба, где пребывают ангелы и души святых, выключенные из актуального существования, но продолжающие оставаться частью пространственно-временного континуума в целом.

На Схеме хорошо видно, как под влиянием христианства трансформировались архаичные модели мироздания. К общей для многих народов Евразии 3-уровневой схеме вселенной небо — земля — пре-

Мировая гора. Миниатюра «Христианской Топографии». XVI в.

исподняя, был добавлен 4-й уровень — уже упоминавшийся «престол Божий», призванный утвердить трансцендентность Божества. Число 4 сближало (разумеется, условно) древнерусский космос с 4-ярусной вселенной аккадской и ассиро-вавилонской цивилизаций. Образ Мировой горы на северо-западе, вокруг которой обращается Солнце, поразительно напоминает индийскую гору Меру, роль которой ещё сильнее переосмыслена в исламе под именем горы Каф. Ведическая концепция космической Горы, использованная Козьмой, заменила на Руси дохристианское верование славян и балтов, по которому Солнце совершает свой ночной путь под Землёй.

Однако последняя картина так никогда и не исчезла из традиционной культуры русских, оставив след в представлениях о «ложе Солнца» на крайнем западе (роспись Золотой палаты Московского Кремля) и даже в православной гимнографии. Стих «Землею содержи дланю, умерщвлен плотию, под землею ныне содержится, мертвыя избавляя адова содержания» (похвалы на Великую субботу) ещё можно истолковать в том смысле, что имеется в виду не некое пространство под землёй, а сама земля (ср. икос из Канона на погребение... на с. 202). Однако в Службе на Великую субботу есть прямое указание на то, что её автор считал солнце скрывающимся *под* землю: «Под землею скрылся еси, яко солнце ныне, и ношью смертною покровен был еси».

Если совместить разбросанные по Библии метафизические указания, то схема космоса Индикоплова оптимальна. Странность получившейся картины происходит не столько от буквализма, сколько от золотого правила святоотеческого богословия: никогда не упускать из виду взаимосвязь между устройством мира и строением человека.

Врата милосердия

Спасение души напрямую зависит от **проницаемости** сечений мироздания. 7-ю черту древнерусской Схемы прекрасно иллюстрирует икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость», написанная мастером Оружейной палаты в 1680-х годах. На ней рекордное число небесных поясов — двенадцать и все они проницаемы при соблюдении

ряда условий¹. Высочайшим является «Небо эмпирейское престолу Божию», где Престол окружают 3 ряда ангелов, одетых в сановные одежды и архиерейские облачения. В центре Богоматерь предстоит перед Вседержителем. Его ноги не касаются высшей 12-й дуги, а покоятся на небесных силах, чем подчёркнута внеположность Творца. Эта область соответствует невидимому (первому) небу Топографии.

Ниже тверди идут ещё 11 поясов (сверху вниз):

11) «Небо неподвижное», где исходящая из непроявленного источника воля Божия впервые проявляется;

10) «Небо, привешенное от севера к югу и обратно». Полярная, или вертикальная ось мира;

9) «Небо, привешенное от востока на запад и обратно». Солярная, или горизонтальная ось мира;

8) «Небо звёздное», т.е. зодиак, проецируясь на который полярная и солярная оси образуют соответственно точки солнцестояний и равноденствий;

7—1) далее — семь планет, включая Солнце на 4-м поясе.

В самом низу — воздушная полусфера и подиум Земли («оземствие», термин А.П. Щеглова), где ангелы помогают семи родам страждущих (обиженным, странникам, нагим, болящим, тонущим на море, голодным, дряхлым).

Схождение ангелов — венец молитв, которые в форме словесных ручейков избегают от скорбящих к Царице Небесной. 7 ручейков, проходя через 7 ангелов-утешителей со свитками, по мере подъёма, сливаются в единый поток, достигающий Ходатаицы. Поток сужается кверху и расширяется книзу в виде конуса. В результате предательства пред Всевышним, другая семерица ангелов побуждена спуститься с небес, вернее, *сквозь* многослойные небеса. Шесть ангелов замысловато распределены на планетарных уровнях, а седьмой (под лунным поясом) пребывает на границе с облачной полусферой.

Если проследить за током ручейков-молитв, будет видно, что они, беря начало из разных точек пространства-времени, пересекают

¹ Важно отметить, что здесь сохранена идея дуг-полусфер (поясов), отвечающих Схеме Индикоплова, а не законченных сфер, что свидетельствовало бы уже о переходе к иной модели мироздания.

*Икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость».
Мастерские Московской Оружейной палаты. 1680-е гг.*

зодиакальный пояс между созвездиями Близнецов и Рака ровно посередине дски¹, после чего приобретают качество синхронности. Этот отрезок солнечной эклиптики соответствует летнему солнцестоянию (21—22 июня) и Рождеству Иоанна Предтечи (24 июня), которые до введения нового стиля представлялись единым репером церковного лета.

Теперь окинем взглядом годовой круг церковных праздников. Какие из них находятся рядом с датами пересечения Солнцем кардинальных точек эклиптики?

Даты пересечения Солнцем кардинальных точек эклиптики	Солнцестояния и равноденствия	Даты церковных праздников (в скобках по новому стилю)	Названия двенадцатых праздников
20—22 июня	Летнее солнцестояние	24 июня (7 июля)	Рождество Иоанна Предтечи
22—23 сентября	Осеннее равноденствие	8(21) сентября	Рождество Пресв. Богородицы
21—22 декабря	Зимнее солнцестояние	25 декабря (7 января)	Рождество Христово
20—21 марта	Весеннее равноденствие	25 марта (7 апреля)	Благовещение Пресв. Богородицы

Сопоставляя эти даты, видно, что разрыв между астрономическими датами и праздниками в трёх случаях минимален (2—5 дней) и небесные явления предваряют наступление праздников. Лишь в одном случае, Рождества Пресвятой Богородицы, церковный праздник значительно опережает прохождение Солнца через кардинальную точку эклиптики, и это также не случайно. Поскольку орбита Земли эллипсовидна, то Солнце на видимом небосклоне переходит от осеннего равноденствия до весеннего скорее, чем от весеннего до осеннего. Взаимное расположение экватора и эклиптики, меняющееся из-за прецессии земной оси, называется в астрономии предварением равноденствий. Однако церковные праздники ориентированы по годовому кругу, а не по годовому эллипсу. Отсюда — «ускорение» Рождества Богородицы относительно ближайшего равноденствия.

¹ Дска (доска) — церковнославянское название живописной площади иконы.

Трудно не заметить в этом распределении праздников и кардинальных точек эклиптики аналогии со схемой деисуса, где Вседержителю предстоят Предтеча и Богоматерь.

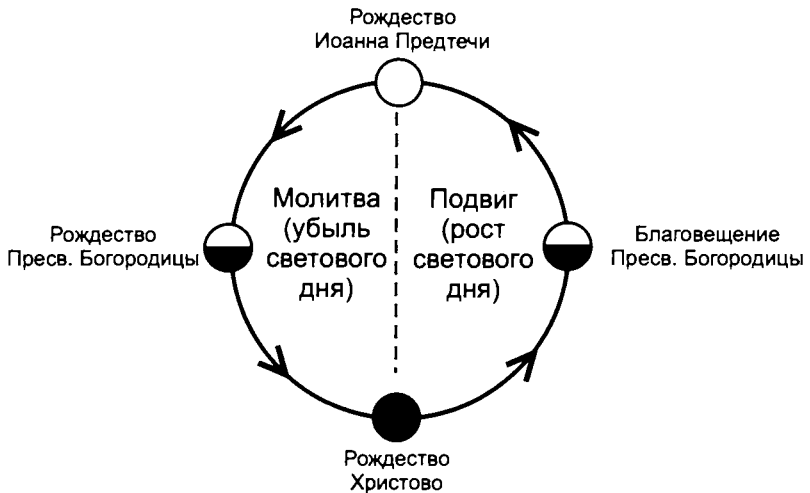
Солнцестояния принято называть зодиакальными вратами, соотнося с «входом» (летнее солнцестояние) и «выходом» (зимнее солнцестояние) за пределы мироздания. Вступление Солнца в тропик Рака открывало врата вертикальной оси Север—Юг, обозначая убыль и нисходящее движение. На зимнее солнцестояние, тропик Козерога, происходило обратное — прибавка дня и восходящее движение Солнца на горизонте. Эти переломные моменты отмечены в православном календаре постами: Петровским и Рождественским.

Следуя логистике церковных праздников, выпадающих на первую половину астрономического года, в ней угадывается восходящий поток человеческого духа. Ведь именно там расположен главный цикл праздников — пасхальный. Готовясь к Светлому Воскресению, верующий, по мере сил и в силу своего чина, *подвизался*, проявляя активность в области духа, что естественно сочеталось с ростом светового дня. Центр внутренней жизни заполнял собой образ Господа Иисуса Христа — исток духовного начала в человеке¹. Празднуя Воскресение Христово, православные в идеале получали мощный психологический заряд, с которым призваны были жить до следующей Пасхи. Светлая седмица — это «торжество торжеств», *акмэ*² церковного лета. Согласно преданию, в ночь на Воскресение открываются двери в рай (ср. стихиры Пасхи, где она называется «отверзающей райские двери»), что выражалось в распахнутом положении царских (или райских) врат храма вплоть до Вознесения.

Вторая половина года, начинающаяся после летнего солнцестояния, сравнительно с этим выглядит не столь торжественно, скорее настраивая на молитву. В этот период верующий должен был не столько проявлять активность и совершать подвиги, сколько усилить восприимчивость к благодати, посылаемой свыше. Имя св. Иоанна,

¹ Это рассуждение касается, конечно, не личного пути христианина, а его сознательного участия в церковных службах годового цикла.

² Вершина (*греч.*).

«Деисус» церковного лета и кардинальные точки эклиптики

чьё Рождество открывает нисходящую половину года, переводится с древнееврейского как «благодать Божия» или «милосердие Божие».

Но «Благодатным небом» и «Милующей» в превосходной степени выступала, безусловно, Пресвятая Дева, чьё Рождество отмечается посредине этой половины года. Её образ воплощал воспринимающее начало духа, а наименование «Радостью всех скорбящих» помимо общего имело вполне конкретный смысл, проистекающий из устройства церковного лета. Так, все богородичные двенадцатые праздники (кроме Благовещения) падают на 2-ю половину года. Если в 1-й половине отмечается память 90 чудотворных икон Богоматери, то во 2-ю — 155. Наконец, на переломе года, 23 июня, Русская церковь установила специальное празднование главнейшей для страны, Владимирской иконы Божией Матери, в честь избавления Москвы от нашествия хана Ахмата в 1480 году.

Сокращение светового дня (в итоге на треть) после прохода Солнца через летние врата зодиака связывалось с 4-м трубным глазом из Откровения Иоанна Богослова: «Четвёртый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца, и третья часть луны, и третья часть звёзд, так что затмилась третья часть их, и третья часть дня не светла была, так как и ночи» (Отк. 8: 12). В «Апокалипсисе толко-

*Миниатюра из «Апокалипсиса толкового» 1799 года
с точкой летнего солнцестояния*

вом» 1799 года (РГБ, 247.802) ангел с раскинутыми крылами стоит на зодиакальном поясе между Π и ♄ .

Через «летние врата» на московской иконе восходят молитвы к Богородице и ниспосылаются Вседержителем вестники. Молитвенные токи, семерицы ангелов, пронизывающие космические пояса и заоблачные выси, разбросанные по всему оземствию, — всё это попытка обрисовать условия свершения чуда. По мысли изографов XVII века, оно есть не нарушение мироустройства, но проявленность законов более высокого ранга для нижестоящих. Высшим законом же представлена любовь Небесной Царицы к роду человеческому и Сына Божия к своей Пречистой Матери.

Икона «Всех скорбящих Радость» была написана накануне или сразу после всероссийского прославления образа в 1688 году в непосредственной близости к инициаторам прославления — патриарху Иоакиму и его родной сестре Евфимии Папиной, которая была исцелена этой чудотворной иконой.

Восточная сторона комнаты

Какое же место отведено на Схеме раю?

Согласно Топографии, обитаемую землю (*γη πασα οικουμενη*) окружает непреодолимая для людей Океанская река, перерастающая в основание небосвода. За ней по всему периметру нижней плоскости тянется Заокеанский материк. Крайнюю восточную область кольцеобразной суши по ту сторону Океана и занимает Эдем, «сад сладости». Это место лежит вне стен мироздания, но продолжает оставаться его частью, неискажённой онтологическим падением Денницы. «Русский Хронограф» 1512 года определяет площадь рая как треть от совокупной площади суши. Лестница, *приснившаяся* праот. Иакову, благодаря которой сообщаются между собой все этажи Бытия, *наяву* пребывает в райском краю. Свидетельства бл. Феодоры, Симеона Дивногорца, преп. Евфросинии Суздальской и других святых о видении рая на востоке можно адекватно воспринять только в перспективе плоской поверхности заокеанского континента.

К началу Крестовых походов схема вселенской каморы была утрачена на Западе. Однако латинская церковь твёрдо хранила убеждение в неуничтожимости земного рая. С физической точки зрения оно обосновывалось тем, что Эдем расположен выше лунной орбиты, а именно благодаря Луне поднялись воды всемирного Потопа. «В действительности Рай выше вод, потому что он выше даже лунного шара. Поэтому и земные потопа не наносили Раю никакого ущерба. Енох, который тогда уже был в Раю, не почувствовал прибавления вод от Потопа», — писал Александр Неккам (De nat. rer. II: 49). Не было нужды губить рай и по этическим соображениям: ведь проказа греха была немедленно выдворена за его пределы.

Как полагали на Руси, жизнь допотопных поколений протекала на заокеанском материке. Невзирая на то что люди расселились по берегам рек, текущих из рая, проклятая земля (Быт. 3: 17) с трудом поддавалась обработке (ср.: «...в поте лица твоего будешь есть хлеб...» Быт 3: 19). Искушая первородную вину, 10 поколений от Адама до Ноя не вкушали ни мясной пищи, ни вина, ни растительного масла. «Потопное крещение» призвано было окончательно «отсечь грех» и перевести человечество в улучшенные условия жизни. Длительность Потопа диктовалась не беспощадностью Бога, вознамерившегося всех уничтожить, а расстоянием, которое должен был переплыть Ноев ковчег, двигаясь к земле «упокоения», соимённой праотцу. נֹחַ буквально означает «отдых», «успокоение». Это объясняет одно тёмное место из Книги Бытия, где его благословляет отец, патриарх Ламех: «Он [т.е. Ной. — Р.Б.] утешит нас в работе нашей и в трудах рук наших при возделывании земли, которую проклял Господь Бог» (Быт. 5: 29).

Конечно, схема изложенная преп. Козьмой была не единственно возможной в рамках православия. Так, св. Иоанн Дамаскин пытался уравнивать её в правах с учением Птолемея и других дохристианских философов. Однако даже он (склоняясь, в целом, к сферической модели космоса) вынужден был признавать по кардинальным вопросам примат Писания. Что же касается космологии Индикоплова, то, как уже говорилось, она строилась *исключительно* на Ветхом и Новом Завете, а потому была теологически неуязвима. Только она давала, к примеру, внятный ответ, куда же девались праведники и святые, *телесно* вос-

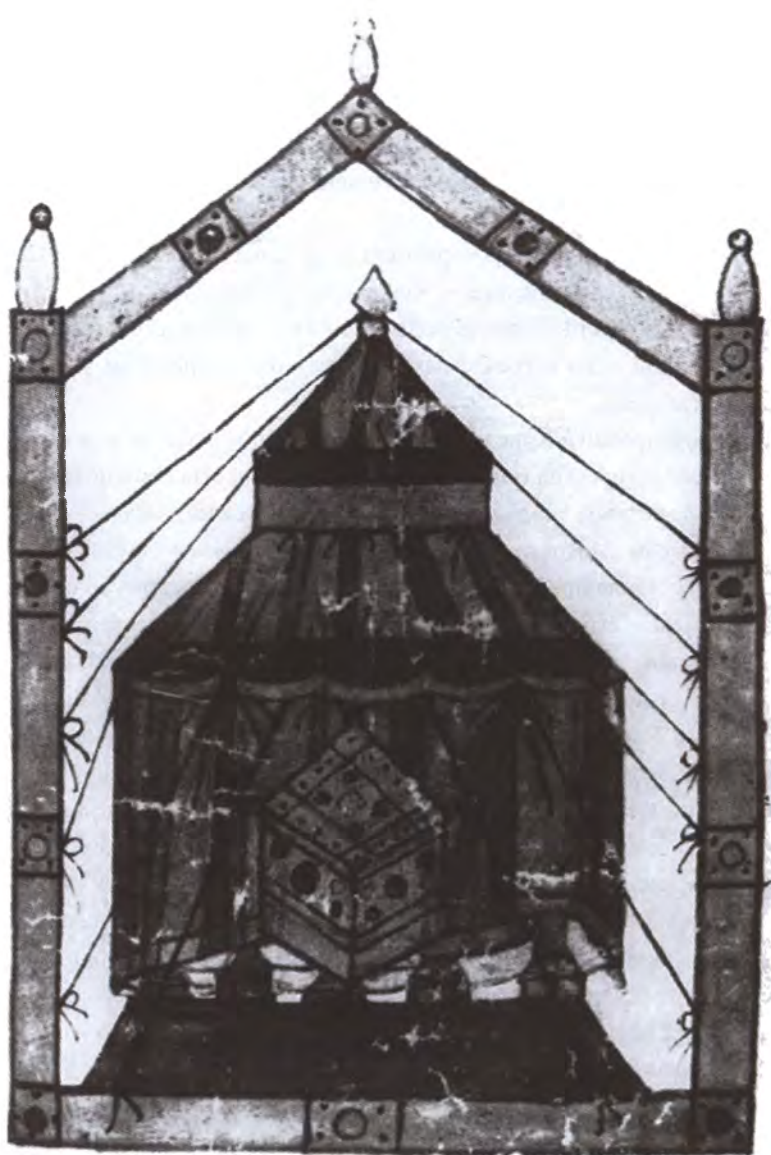
хищенные в рай: Енох, Илия, Божия Матерь, Иоанн Богослов... Эти, а также другие факторы (о которых речь пойдёт ниже) способствовали принятию схемы Топографии как главенствующей для Русской церкви. Концепция Скиннии-каморы лежит в основе ноуменальной натурфилософии Толковой Палеи, фундамента древнерусской экзегетики. Через призму Индикоплова читали Шестодневны, Хронографы, Азбуковники, Физиологи и остальные переводные памятники.

Сама ромейская учёность не сильно держалась за теорию преп. Козьмы, которая объективно тормозила эмпирическое развитие науки; в IX веке её открыто критиковал патриарх Фотий. Но на Руси не было ни желания, ни предпосылок двигать науку в греко-европейском варианте. Поэтому с падением Царьграда, когда Московская митрополия сделалась практически полновластной распорядительницей православной традиции, Топографии стала *sine qua non*¹ её метафизики.

Даже в начале «века просвещения», св.митр. Димитрий Ростовский учил, что «земной рай не без водворения в нём святых душ обретается», и что «кроме неба и кроме чувственного земного рая есть и другие светлые места, упокоивающие души святых» Так, душа св. Иоанна Златоуста предстоит Божьему престолу с херувимами и серафимами. Это отделение вселенской комары соответствовало святая святых Скиннии и располагалось за твердью, на незримых небесах. Во внерайских светлых областях покоятся и души прочих учителей. Часть из них, проявившая недостаток в совершенной правде, «от небесного царства отделяются некими обителями», другие же, «изшедшие из плотских уз в совершенной правде, тотчас же приемлются в небесные селения, это яснее даже Божьего дня». Говоря кратко, избежавшие телесной смерти населяют земной рай, а остальные праведники за порогом смерти поднимаются к вышнему Престолу словно по духовной лестнице. Завершение небесного царства было связано с исполнением времён.

Если на Западе схоластика, астрология, география и алхимия сначала канонизировали птолемеевскую систему, а затем толкнули учёную мысль в объятия Коперника, то в России до XIX века новые

¹ Без чего нет (*лат.*).

Двор Скинии. Миниатюра «Христианской Топографии». XV в.

открытия лишь укрепляли традиционное мировоззрение. Ведь устройство мироздания по образцу Скинии предполагалось сохранить даже в грядущем небесном царстве. «Царство небесное подобно скинии богозданной; ибо и оно в будущем веке, подобно Моисеевой, будет иметь две завесы, — из коих в первую внидут все освященные благодатью, — во вторую же только совершеннейшие», — писал Григорий Синаит (†1360).

Освоение русскими пространства за пределами Геродотовой Скинии (на современной карте — северо-восток Европейской России и Западная Сибирь) вплотную подводило их к «столпостенам» небесной хранины, а во встречаемых племенах они с трепетом узнавали «дивных людей».

Формулировки «Христианской Топографии» оседали в пословицах: «Небо — престол Бога, земля — подножие»; «На семи поясах Бог поставил звёздное течение»; «Небо — терем Божий; звёзды — окна, откуда ангелы смотрят».

При составлении Великих Миней Четых свт. Макария сочинение Индикоплова сыграло стержневую роль: космологическая модель Скинии была тесно увязана с идеей божественности царской власти. Эллинским прообразом мироздания, аналогичным шатру Моисеевой Скинии, в Топографии показан мемориальный трон царя Египта Птолемея III Эвергета (247—222 гг. до н.э.) и мраморная стела с греческими письменами, находившимися в городе Адуле Аксумского царства (Эфиопия). Трон «выполнен из высокохудожественного белого мрамора, представляет собой как бы основу белой трапезы и стоит на 4 тонких маленьких столбах по четырём углам и одном посередине, более массивном, украшенным затейливым плетением. Столпы поддерживают сиденье трона и спинку. Сзади трапезы и каждой стороны, слева и справа, на трон ведёт лестница». Стела четырёхугольной формы, раньше стоявшая позади него, завершалась остроконечной формой в виде греческой Λ.

Словесное описание престола Птолемея и стелы напоминает прообраз мироздания, Скинию, с её трапезой, делением на четыре угла и шатром. По сути, трон и стела являлись для Козьмы и его читателей атрибутами власти над ойкуменой (обитаемой вселенной). И здесь

*Престол («теремец») царя Птолемея с пятой ножкой.
Миниатюра из Синайского списка Топографии*

важно отметить, что греческое δ δίφρος (кресло) книжники Древней Руси истолковывали как «сень», «теремец», что отразилось при проектировании великокняжеских и царских мест в соборных храмах с их обязательной сенью (шатром), спинкой, сиденьем, подлокотниками и ножками. В фольклоре «терем» в значении сени, купола, балдахина выступает для космических аллегорий: «Над бабиным двором/ Рассыпался терём; / Никому не собрать: / Ни попам,/ Ни дьякам,/ Ни гороховикам» (*загадка*); *ответ*: небо и звёзды.

Вселенская символика престола и стелы из Эфиопии соотносится также с креативной формулой земли из ответа Иеговы праотцу Иову: «Кто положил меру ей [земле. — *Р.Б.*]?. или кто протягивал по ней вервь? На чём утверждены столпы её, или кто положил краеугольный камень её?..» (Иов. 38: 5—6)¹. Пятая витая ножка «теремца птолемейского», выступая опорой, соотносится с «вервью» из Книги Иова, да и рисовалась как распространённое архитектурное украшение — *валик*. Валик-вервь являлась прямой аналогией шнуров, скреплявших конструкцию Скинии. Русские зодчие применяли валик практически во всех архитектурных формах храма, что подчёркивало его конструктивное единство и роль верви как универсального медиатора. В монашеском обиходе «вервицей» называли чётки, перебирание которых объединяло идею вертикали (соединяющей «небо и землю» в душе молитвенника) с цикличностью временного отсчёта во внешнем мире. Вычитывание молитвы по чёткам напоминало движущуюся спираль, виток за витком взбегающую по склонам горы в центре вселенской призмы.

Начиная с эпохи патриарха Никона архитекторы стали соотносить витые колонки не столько с подвижной Скинией Моисея, сколько со стационарными колоннами Соломонова храма. Параллельно вервь отсылала и к новозаветной символике лозы как Церкви, «винограда Христова». Особенно это проявлялось в иконостасах, где витыми колонками обрамляются образы святых.

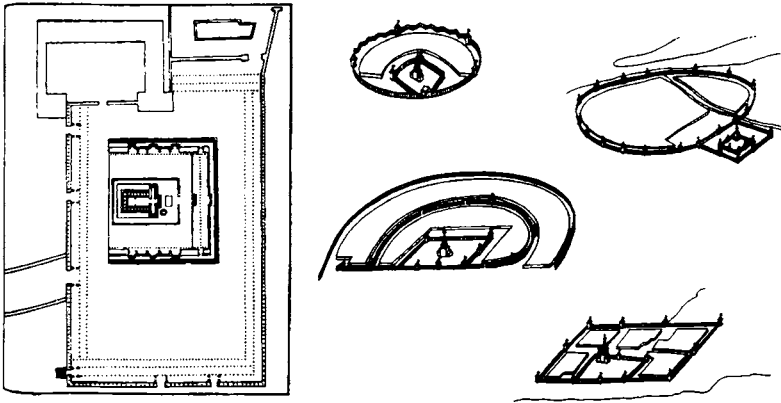
¹ Сокращённым вариантом того же является изречение Господа: «небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих» (Исх. 66:1; ср.: Мф. 5:34—35; Деян. 7:49).

Каждый элемент вселенской каморы находил отражение в Скинии, где пребывали главные святыни Ветхого Завета, вверенные народу Божию, Израилю. Поскольку русский народ признавал себя Новым Израилем, архетип Скинии был онтологически связан с его жизнью. Устройство Скинии, подробно описанное в Книге Исхода, имело значение священного образца для самых разных сторон жизни города, монастыря, селения, храма, видов жилища, поклонных крестов, предметов мебели и т.д. Система поэтапного ограждения Скинии с её *внешним, внутренним дворами* и «*святая святых*» по центру, неукоснительно воспроизводится в средневековых русских городах: Киеве, Новгороде, Пскове, Владимире, Суздале, Твери, наконец, наиболее совершенно и впечатляюще, — в Москве. Символическая структура хорошо прослеживается на начальном этапе застройки, а также при возведении крепостей в Сибири, когда на неё ещё не наложилось множество функций городской жизни (ср. схемы новоземельных городов XVI—XVII вв. Якутска, Тары, Берёзова). Наиболее священные места — монастырь, собор, алтарь, престол — подобно раю занимают крайнее ограждённое положение в восточной части.

Элемент валик-вервь в портале Покровского собора Александровской слободы. 1513 г.

Иерусалимский храм — проекция Скинии в оседлом жизнеустройстве Народа Божия: а) Святая Святых; б) святилище; в) притвор; г) жертвенник и двор внутренний («священников»); д) двор средний («народа»); е) двор внешний («язычников»). Символизм Скинии в градостроительном искусстве. На минимальной площади образ Скинии выявляется в чистом виде: последовательное обнесение стенами храма, расположенного в центре города, соотношение большого и малого «дворов». Схемы новоземельных городов XVI—XVII вв. (по В.В. Кириллову): ж) Кузнецк; з) Якутск; и) Тара; к) Самара

Затвориться внутри, чтобы выйти наружу

Показательно, что Григорий Синаит, придавший исихазму (аскетическому движению) форму школы, рассуждая о земном рае, употребляет аргументы, подобные тем, что приводит «неискусный» Василий Калика: «Рай двоякий есть — чувственный и мысленный, т.е. Эдемский и благодатный. Тот, который в Эдеме, — весьма высокое место, [поднятое] на третью часть небесной высоты, как говорят сведущие. Там насаждены Богом всякого рода благовонные растения. Он ни совершенно нетленен, ни совсем тленен. Поставленный посреди тления и нетления, он всегда обилен плодами и цветущ цветами, и зрелыми и незрелыми. Падающие на землю деревья и плоды зрелые превращаются в персть благовонную, не издающую запаха тления, как деревья мира сего. Это — от преизобилия освящающей благодати, разлитой там всегда. Также посреди него проходит Океан-река, которой повелено поить [рай]. Исходя за его [пределы], она разделяется на четыре потока. Персть и упавшие плоды сносит течением вниз, и

они попадают к индийцам и эфиоплянам. Пока Фисон и Геон¹ не разделились, они, запертые [плотиной], изливаются на их нивы, а затем напояют — один Ливийскую землю, а другой — Египетскую».

О мысленном рае преп. Григорий умалчивает, хотя и для земного уготована определённая параллель: райские деревья — мощи святых, обычные — простых смертных. Зато последователь Симеона Нового Богослова, Никита Стифат (XI в.), озаглавил своё поучение «Каков мысленный рай, каковы в нём растения и божественные плоды этих последних» («О еже кий есть мысленный рай» в славянском переводе). При всей соблазнительности аллегорий, которые можно извлечь из темы ὁ νοητὸς παράδεισος («умного рая»), среди греческих богословов не возникало полемики об исчезновении Эдема. Они могли бесконечно оттачивать теорию нетварного света, но прекрасно сознавали, что отрицание земного рая ведёт к отрицанию изначальной благодати Творения и дуалистическим ересям, типа богумилов. «Распрю» в Твери, скорее всего, учинили неучи, начитавшиеся исихастских сочинений. Не имея над собой правильного духовного руководства, они впали в заблуждение.

Так в чём же заключалось то неуловимое условие, отсутствие которого позволяло смешивать три разные вещи: грядущее царство небесное, мысленный рай и Эдем, на самом верху коего, как утверждал свт. Василий Калика, «рахмане живут»? Единственным ключом к различению этих областей религиозной метафизики было *духовное делание*, деятельный аскетизм. И это веская причина, по которой Русская церковь постоянно делала выбор не в пользу распространения университетов, а предпочитала множить количество монастырей.

Как уже говорилось, в трёхмерном пространстве Схема созерцалась как вселенская «камора», т.е. средневековая сводчатая комната. Она включала четыре отсека бытия: наверху престол Вседержителя, ниже — ангелы, люди и мертвецы, сливающиеся с землёй². Малым подобием космической камеры являлась келья (клеть) православного инока, в которой тот начинал и завершал процесс внутреннего

¹ Две из четырех рек, вытекающих из рая.

² Ср.: «земля еси и в землю отидеши...» (Икос по 6-й песне Канона на погребение мирских человек).

делания (творения в миниатюре), уподоблявший его Творцу вселенной. *Клеть* служила базовым модулем организации пространства для всей древнерусской архитектуры, начиная от крепостных отсеков (см. рис. на с. 153) и заканчивая простейшей — клетской — конструкцией храма (ц. Воскрешения Лазаря XIV в. из Муромского монастыря в Карелии).

Аналогия между внутренним и внешним космосом детально разрабатывалась монашеством, что отражено в аскетической энциклопедии «Добротолюбие». В русском житии Иоанна и Лонгина, яренгских чудотворцев (сер. XVI в.), сказано, что они, будучи неграмотными, умели читать книгу природы: «величественный небесный свод возносил их ум и сердце к небесному миру; бесчисленные сонмы звёзд и необозримое море обращали их мысль к Тому, Кто назначил всему миру свой порядок и положил предел морю; благодетельный свет солнца побуждал их в благоговении славить Свет самобытный — Господа; все явления природы возводили мысли и сердца их к Виновнику творения».

Тезис Топографии о том, что земля связана с небом по ширине, а небо за океаном приклонено к земле краями, использовался по отношению к внутреннему миру. Равность по ширине, **соразмерность горнего и дольнего** (8-я черта) обеспечивала правильность проекции неба на землю. Следование за Христом, восхождение в духе понималось не как космический «альпинизм», а как привидение бытия в соответствие с небесным архетипом. В случае успеха аскет проникал за внутреннюю завесу, отделяющую человека от царства возможностей.

«Умирись сам с собою, и умирятся с тобою небо и земля, — учил преп. Исаак Сирийский. — Потщись войти во внутреннюю свою клеть, и узришь клеть небесную; потому что та и другая — одно и то же, и входя в одну, видишь обе. Лествица оного царствия внутри тебя, сокровена в душе твоей. В себе самом погрузись от греха, и найдёшь там восхождения, по которым в состоянии будешь восходить».

Понятие о *внутренней комнате* (клетки или храмине) относится к числу метафор, высказанных ещё Христом в притче о выметенном доме и семи духах злобы, поселившихся там (Мф. 12: 44—5; Лк 11: 24—5). Поскольку объём вселенной от земли до границы неви-

Фрагмент иконы «Богоматерь Непроходимая Дверь». 2-я пол. XVII в.

димого неба считался до Искупления захваченным «Князем воздушным» (дьяволом), то 7 планетных («воздушных») поясов ниже уровня тверди рассматривались прежде всего как генераторы отрицательного влияния на душу падшего человека.

Свет и тени семисвечника

За каждым светилом закреплялся источник той или иной страсти: за Венерой — блуд, за Марсом — гнев, за Меркурием — лихоимство, за Гекатой (Луной) — мнительность и т.д. Краткие психологические портреты планет-богов входили в русские списки Топографии, но отсутствуют в греческом оригинале.

Хотя русские знали, что каждая планета соответствует дню недели, в их языке это, в отличие от западных народов, никак не отразилось. С другой стороны: кроме Солнца и Луны названия остальных планет до середины XVII века преимущественно были заимствованы из греческого. Со 2-й половины столетия начинают преобладать латинизмы: Меркурикс-Меркуриуш, Венус, Марш, Петер-Иовиш-Евиш, Сатурнус. Уцелевшие славянские названия планет не являются именами богов, как это происходило в греко-римской традиции. Они отражают частные признаки «подвигаемых светил»: время суток, когда можно

наблюдать планету (Заря, Утренняя звезда, Денница, Вечерница — в зависимости от годовой фазы — о Венере), или просто вербализуют условные значки «Девы» (Венеры) или «Скорпии» (Марса).

Это тем более странно, что вплоть до XIX века в языке сохранились древние названия созвездий: Конь на Приколе (Большая/Малая Медведица с Полярной звездой, вокруг которой она вращается), Власожельцы, Волосожары, или Стожары (Плеяды), Кружилия, или Проходня (Орион) (Иов. 9: 9; 38: 31). Причём в Геннадиевской библии 1499 года созвездия Плеяд-Власожельцев и Проходни-Ориона являются ориентиром на пути к Раю: «Творяй Власожельца, и Проходну¹ нарек ту раи южьна ложа» (Иов. 9: 9). В более поздних русских переводах Книги Иова эта загадочная фраза исчезает. Народные предания, однако, ещё долго считали Девичьи Зори (Пояс Ориона), расположенные по линии Млечного Пути, дорогой в Царствие Небесное.

Отказ соотносить дни недели с планетарным порядком перестанет удивлять, если вспомнить о языческих богах, неохотно перечисляемых даже летописями. Так же как в романских и германских языках (а ещё раньше у индусов и шумеров-«халдеев»), названия дней недели имели у славян аналогии в дохристианском пантеоне. От них-то Церковь и сочла разумным избавиться, тем более что в греческом языке дни носят чисто порядковые названия. Государь Иван IV даже побрезговал принять от датских послов часы, поскольку на них были изображены олицетворения планет.

Излюбленная формулировка древнерусских писателей об освобождении от прелести «эллинской» обретает тогда законченный смысл, ибо древние эллины почитали планеты как богов. «Идолские жертвы» рассматривались христианами как добровольная подпитка той или иной страсти.

После Крещения славянские имена планет-дней недели были, судя по всему, табуированы. Каждый день седмицы был приведён в

¹ Наименование звезды (созвездия) Проходной является многофункциональным. Так могли называть разные вечерние звёзды, служившие ориентирами. Поэтому в тексте Библии 1499 г. «проходна» могло одновременно читаться и как имя собственное, и как прилагательное, что ещё более оттеняло путеводную роль Плеяд по отношению к раю.

соответствие процессу Творения (Шестодневу) ¹. «Сложение мира» (термин Индикоплова) началось с вечера субботы на воскресенье («неделю»), когда «небо и земля» — всё, что включает универсум, — были созданы сперва неразделёнными, а затем Творец начал выделять из них элементы и качества, дробя на всё большее число «вещей». Живописуя первый день Творения, Топография провозглашает подобие вселенной и человека, а также обновление мира через Христово Воскресение. В богословском плане неделя переставала быть циклической единицей измерения, становясь мостом к бесконечности Будущего века или 8-го дня. Выход из вселенской камеры находился внутри неё, но был тщательно спрятан.

Семь планет назывались также Рожаницами, а натальная карта, составленная с учётом их влияния, «родословием». Узнав, кто под какой планетой родился, написано в «Азбуковнике», звездочёты предсказывают, какого ему быть нрава и станет ли он счастливым: кто появится на свет при восходе Марса — тому быть ярим, дерзким и гневливым, кто при восходе Венеры — того полагают лёгким на блуд. Фольклор долго сохранял убеждённость в зависимости характера человека от планеты-патрона:

*Ты скажи мне, скажи, моя матушка родная,
Под которой ты меня звездою породила.
Ты каким меня счастьем наделила.*

Былинный богатырь Василий Буслаев убеждён: «Недаром мне моя счастливая звезда дала силу богатырскую». Покровительницей замужних женщин, зачатия и деторождения у славян ещё долгое время считалась Утренняя звезда (Венера).

Однако использование астрологических знаний было возможно лишь на периферии православной культуры. Как отмечалось выше, прогнозирование отвергалось Церковью по нескольким причинам.

¹ Кроме того, каждый день получил новозаветное посвящение: неделя — Воскресению Христову, понедельник — святым ангелам, вторник — Иоанну Предтече, среда — Пресвятой Богородице, четверг — святым Апостолам, пятница — Честному Кресту, суббота — всем Святым.

Аллегории семи планет Святильника в замкнутых сферах
 (миниатюра русского списка «Топографии»)

Во-первых, «жизнь человека строится не звёздным движением, но промыслом Вседержителя»; во-вторых, поскольку влияние планет питает страсти, оно не могло быть включено в изначально благой план Творения. Третий аргумент цитируем по Толковой Палее: «Мы слышали, как некие пустословы говорили, что из-за того, что люди рождаются при определённом расположении звёзд, одни бывают русыми, другие белыми, третьи рыжими, четвёртые чёрными. Ещё существует ложное убеждение, что о росте тела, болезнях и смертях человеческих, о мужских качествах, о богатстве и убожестве можно узнать по движению звёзд. И о правителях распространяют свою ложь, совращая неверных подданных. Нам же подобает их ложь обличить. Ибо на четвёртый день сотворил Бог те светила, когда Адама на земле ещё не было. Чьё же рождение такое множество звёзд ознаменовало?! Обличим же их о русых и белых людях: неужели все эфиопы под одной звездой рождаются, ведь они все черны, как демоны? И о богатстве и о власти цесарей, князей и королей: ведь сын каждого из них наследует отцовскую власть, так что — и они все под одной звездой родились?..» Астральное влияние явно уступает, согласно Палее, качествам расы, механизмам социума и другим, возникшим после создания человека, феноменам.

Сказанное отнюдь не означает, что семь планет-«семь небес» воспринимались в сугубо негативном ключе. Поведав печальную притчу о выметенном доме фарисеям, Спаситель обнадёжил верующих другой аллегорией — о Входящем в «дом крепкого» (т.е. «князя бесовского») и расхищающем «сосуды его» (Мф. 12: 29), т.е. души грешников, которыми дьявол хотел овладеть. Необходимость бороться и побеждать страсти совершенно определённым способом сочеталась с последовательностью планетных поясов. Вот их порядок снизу вверх: Геката (Луна), Гермес (Меркурий), Афродита (Венера), Солнце, Арес (Марс), Зевс (Юпитер), Крон (Сатурн) ¹. Страсти, символизируемые

¹ Интересно, что данная последовательность имеет естественно-научное основание, например, рост орбитального движения: от Луны (самой быстрой; она проходит зодиак за 1 месяц) к Сатурну (самому медленному: время обращения почти 30 лет). Обратную градацию отражает электропроводимость металлов, которые в алхимии соотносились с планетами: от серебра (61,4; Луна) к свинцу (4,8; Сатурн).

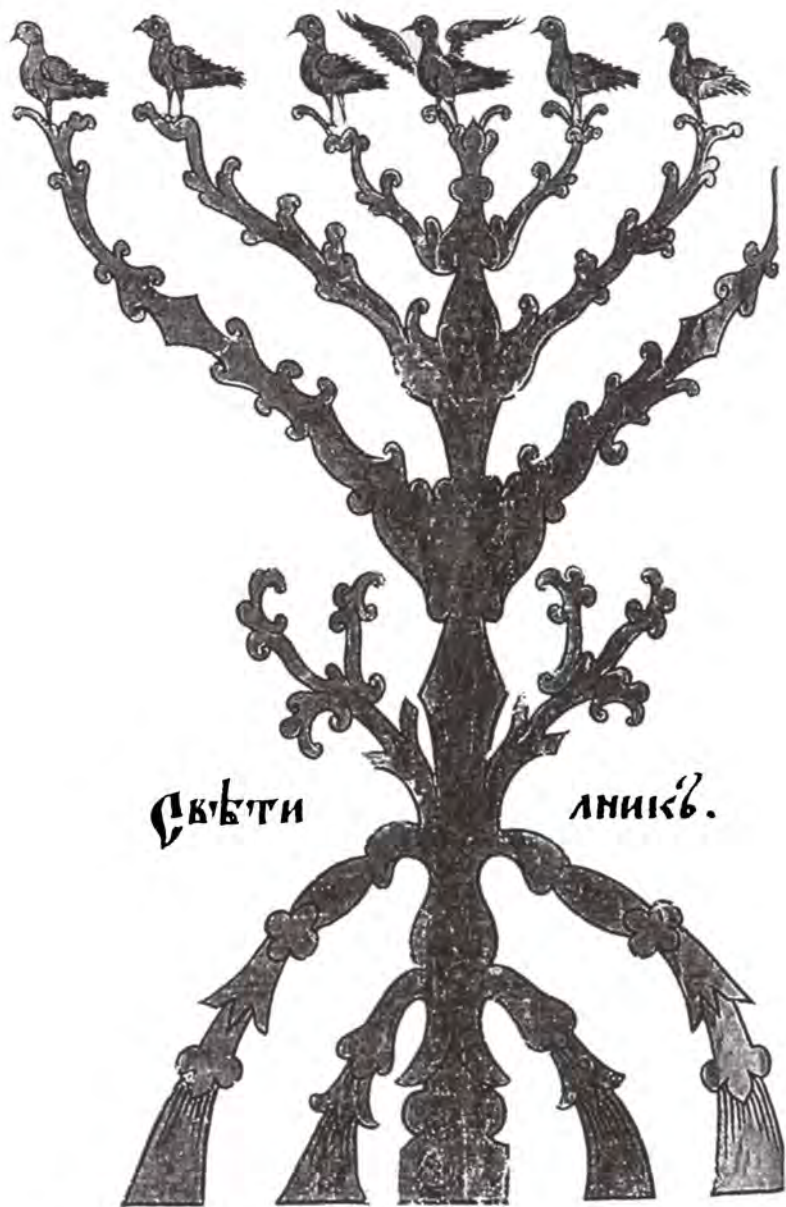

двумя последними фигурами, считались, вероятно, наиболее трудными для взбирающегося по лестнице добродетелей.

Занятие внутренней молитвой ведёт, полагали её делатели, ко вселению в телесно-душевную храмину Духа Святого, который вытесняет за её стены все прочие влияния. «Пусть Он войдёт в храм, который внутри тебя, — написано в раннехристианском “Толковании о душе”, — чтобы изгнать всех торговцев [Ин. 2: 14—15]. Пусть Он воссядет в храме, который внутри тебя, и ты станешь для Него жрецом и левитом, входящим в очищение. Блаженна ты, душа, если ты обретёшь это в своём храме. Блаженна же ты ещё больше, если будешь Ему служить. А того, кто будет осквернять храм Бога, Бог погубит [1 Кор. 3: 17]. Ибо ты, о человек, беззащитен, если удалишь Его из своего храма. Ведь когда враги не увидят Христа в тебе, тогда они войдут в тебя вооружённые, чтобы сокрушить тебя».

Образ душевного храма (храмины) появляется у свт. Кирилла Туровского (1130 †ок.1182) в его письме к печерскому архимандриту Василию: «Ты создал вокруг всего монастыря высокие и прекрасные каменные стены на твёрдом основании. Для этого, во-первых, заготовил ты денежные средства; потом при помощи огня, приготовил глину и, наконец, совершил дело при помощи воды и извести. Когда же ты хочешь создать духовную храмину, то положи в основание её веру, и на нём зижди надежду и любовь, как плиту; брение твоего тела смешай с водою — целомудрием, чтобы душа твоя возвышалась как храм. Поставь ей опору как столп — Божию помощь, чтобы если и сойдут на неё какого бы то ни было рода дождь и реки, она пребыла непоколебима, как наковальня, ни от добрых, ни от худых людей. Введи в свою храмину мать и жену, т.е. кротость и смирение. Обнеси свою храмину от воров отовсюду оградой, т.е. страхом Божиим и молитвою, и приставь к ней стража — ум любодурый»

Удивительно, как мало изменились символы внутреннего делания через 8 веков: «Если хочешь устроить дом души своей, — учил преп. Серафим Саровский, — то прежде приготовь вещество и всё потребное, чтобы художнику оставалось прийти и устроить. Потребное для такового здания суть твёрдая вера для устройства стен; деревянные окончины [т.е. оконные рамы. — Р.Б.], вводящие свет солнечный, который бы освещал

СВѢТИ

ЛНИКЪ.

Светильник. Миниатюра «Христианской Топографии» XVI в.

дом, чтобы не было в нём малейшей темноты. Оконца деревянные суть пять чувств, честным Крестом Христовым утверждённые, вводящие свет мысленного солнца правды и не позволяющие оставаться в доме твоём ни малейшей темноте. Потом требуется покров, да *ни во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию* (Пс. 120: 6). Наконец, требуется дверь, вводящая в дом и хранящая живущего в нём. Разумей мысленную дверь — Сына Божия, Который говорит: *Азъ есмь дверь*».

Аллегория душа-храм укоренилась в гимнографии, став краеугольным камнем аскезы, как видно из следующих слов Исаака Сирина: «Ибо осмеливаюсь сказать со святым Павлом, что мы *храм Божий* (1 Кор. 3: 16). Посему, как чист сам Бог, очистим храм Его, чтобы возжелал вселиться в нём. И как сам Он свят, освятим и храм... И, таким образом, облако славы Его приосенит душу, и свет величия Его воссияет внутри сердца, и исполнятся радости и веселия все обитатели селения Божия, а наглые и бесстыдные исчезнут от пламени Святого Духа». Используя эпитет «облако славы», преп. Исаак уподобляет внутренний храм — Скинии Завета, которую также осеняло облако и наполняла слава Господня (ср. Исх. 40: 34—8).

«Умное делание» заключалось в поступенчатом преобразении *внутреннего пространства* из простой каморы в келью, затем в храм и, наконец, в видимое селение Духа — Скинию. В этом плане келья соответствует человеку, очищенному от страстей, храм — добродетельному и Скиния — стяжавшему духовные дарования. Когда 7 пороков (зримым воплощением коих служили планеты) замещены добродетелями, человек сознательно вступает во взаимодействие с благой стороной Творения, заложенной в том числе и в светилах. «Великолепие тверди суть звёзды, а украшение бесстрастия — добродетели; ибо бесстрастие, как я думаю, не иное что есть, как сердечное небо ума», — писал Лествичник.

Уподобление добродетелей небесным телам имело символическое выражение. Семь планет называли одним словом: *Светильник*. Стоящему на плоской земле они представляли в виде семисвечника Скинии, знак которого часто встречается в орнаменте: ☩☩☩. Изготовив семеро светильников на свечнице в Скинии Завета, Моисей придал им число планет. Согласно Палее, вид алтарного семисвечника доказывает истинность

Схематическое изображение Светильника в орнаменте

святого православия, основанного на семи вселенских соборах. Поэтому фразы типа «возжги в душе *светильник* веры,/ вложи внутрь сердца огонь любви», как, например, в народной «Молитве по святом причащении», не столь отвлечённо-сентиментальны, как иногда кажется.

За стенами времени

Проницаемость сечений и соразмерность частей вселенской Каморы порождают её 9-е качество — **синхронистичность**. Козьма рассматривает её, сопоставляя кардинальные события священной истории с часами суток и днями недели. — Адам согрешил в полдень (6-й час) 6-го дня, а к вечеру был изгнан из рая. Христос также взшёл на крест в полдень 6-го дня. В обоих случаях — с момента согрешения Адама и до его изгнания и во время Страстей Христовых — от 6-го часа до 9-го — ангелы были опечалены, вследствие чего помрачилась вся природа. И как прародители были изгнаны из рая в 9-й час, так Христос и разбойник в 9-м же часу вошли в рай и т.д. Сменяющие друг друга события «привременной» жизни оказываются вложенными в одно вечное макрособытие, которое в существующем мире переживается через знамения синхронности.

Эта черта мироздания оказала глубочайшее влияние на жизнь Церкви и на монашеский быт. Синхронистичность, как смычка между временем и вечностью, лежит в основе миротворного круга церковных годовых праздников, суточной и недельной систем богослужения. Величайшая попытка синхронизировать коллективное сознание иноческой общины с кругом вечности была предпринята в Обители Неусыпающих на Евфрате (V век), где чтение Псалтири совершалось непрерывно в течение суток.

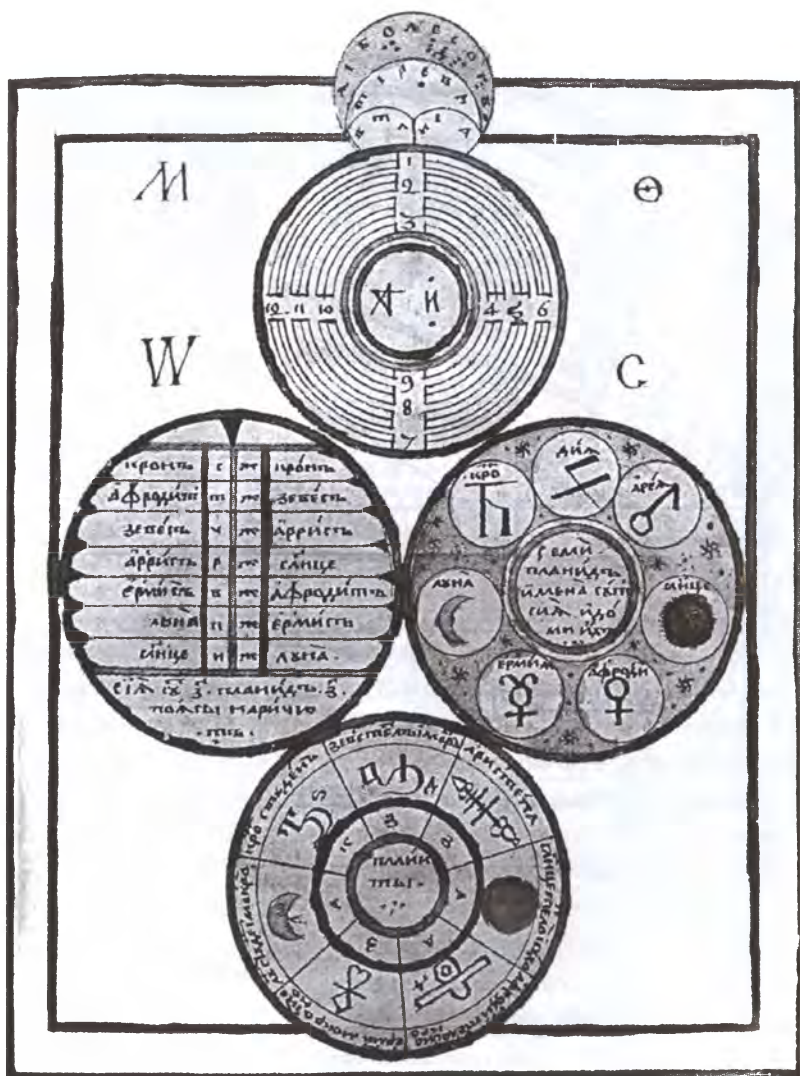
Для мира-призмы принципиально важно представление о её стенах или пределах, ибо Дух Святой, действующий на мир через Сына, исходит от Отца, из области Запредельного. В космосе, где по законам времени вещи складываются и распадаются, потустороннее «пространство» предстаёт как сверхнеподвижность (супрастационарность), но именно там, в области Отца, источник Духа.

За стенами каморы отсутствует привычное человеческое время, ведь ими ограничены даже планетные круги. Рай здесь видится земной протяжённостью, выведенной за рамки времени. Его края на миниатюрах Топографии выступают из-за клетских стен. Здесь праведники непосредственно покоятся «в руках Божиих», совпадающих с «концами земли». Любопытен в этой связи княжеский обычай устраивать подобие Рая за рекой, обтекающей столичный кремль (киевский двор-«рай» Юрия Долгорукого в Заднепровье и, позднее, Большой Государев сад в Замоскворечье).

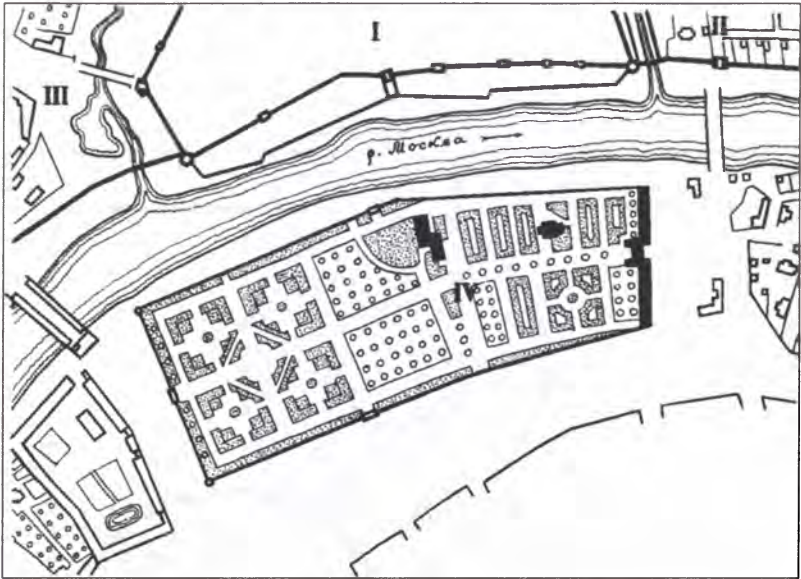
Итак, если во вселенской Скинии рай располагался на крайнем Востоке, то чему отвечал он в душевно-телесной храмине делателя молитвы?

На фронтисписе Фроловской псалтири XIV века¹ из Новгорода показаны две человеческие фигуры, выступающие справа и слева за границы некоего храма, но продолжающие стоять на поверхности земли. Маленькие модели того же храма они воздевают к небу. Это символы внутренних клеток, которые «делатели» молят освятить свыше. Домики напоминают важнейший орган тела (по средневековым воззрениям) — *сердце*, ибо его надлежало очистить прежде всего. «Даждь ми, сыне, твое сердце» (Прит.

¹ Б.А. Рыбаков напрасно рассматривал Фроловскую псалтирь как памятник, якобы свидетельствующий о еретических воззрениях его создателей. Ошибочность его взгляда разобрана в *Приложении*.

Синхроничность шкал времени на примере системы планет по «Кругу миротворному». XVII в.

Большой Государев сад в Москве XVII в.: I — Кремль, II — Китай-город, III — Белый город, IV — Государев сад. Схема из книги М.П. Кудрявцева «Москва — Третий Рим»

23: 26) — звучал призыв к христианину от Отца Небесного. Сердце хранили как место, куда обещал войти стучащийся в двери души Господь, где складывала святые слова Богоматерь (Лк. 2: 19-51). «Храм не в брёвнах, а в рёбрах», — до сих пор говорят в народе.

Многие духовные песнопения, исполнявшиеся благочестивыми верующими в дополнение к обязательному правилу, сжато описывают процесс преображения внутренней клетки:

Душе моя, решишь усердно
Труд покаянья совершать
И Троице Всесвятой старайся
Внутри сердца храм любви создать.
(Покаянная песня в Великий пост);

Душе моя! убойся:
Ты страшного Судью

Фронтиспис Фроловской псалтири. Новгород Великий. XIV в.:
 а) общий вид; б) «делатели» с изображениями духовных «храмин»

Сама ввести желаешь

В клеть бедную свою.

*[Великопостная песня на тему гостеприимства праведного
Заххя];*

Мой разум в клети сердца,

Владыко, заключи

И совершать молитвы

С любовью научи...

А если ум устанет

Жить в сердце, внутрь груди,

Тогда его, Владыко,

Ты в сердце Сам вводи

(Молитва ко Пресвятой Троице);

Вначале долго пребывать

Уму в сердечной клети трудно,

Его насильно возвращать

Внутрь сердца для молитвы нужно.

Но с Божьей помощью ум сам

От частых в сердце нисхождений

Возлюбит свой сердечный храм

Для непрерывных песнопений...

Потом во храме сердца ум

Возлюбит сам творить моления

И будет в сердце пребывать

Охотно и без принуждения...

И, наконец, в душе простой

Христово Царствие явится,

И Сам Бог в Троице Пресвятой

Навеки в сердце воцарится

(О молитве умной-сердечной);

Разум престанет уж суетиться

В грешном сем мире полном тревог:

Он в клети сердца весь погрузится, —

Цель его мыслей: Трисвятый Бог

(Воспоминание о минувшей жизни и воззвание к душе).

Посвящая своё сердце Богу, верующий словно отрезал от себя страсти и порождённые ими желания. На смену обрезанию крайней плоти в Новом Завете пришло «обрезание сердца». В «мире сем» сердцу по-прежнему угрожал плен нечистых помыслов. Чтобы внутренняя работа принесла плоды, мало затвориться в храмине души, необходимо было найти реальную точку опоры, над которой падшее естество не имело бы власти. Эту точку в аскетизме воплощала *сердечная молитва* — неподверженное разрыву звено, которое даже грешника соединяет с Творцом. Созерцание вещей при свете умно-сердечной молитвы даёт возможность видеть их в свете вечности. Молитва была тем крайним Востоком микрокосма, заветной пристанью, куда ищущий направляет свою душевную ладью, к чему обретший прилепляется всеми чувствами. «Мореходец, пока плавает среди моря, смотрит на звёзды и по звёздам исправляет корабль, пока не достигнет пристани: а монах взирает на молитву, потому что она исправляет его самого, и направляет шествие его... (Исаак Сирий).

Границы личной, во всех смыслах «привременной», жизни совпали со стенами вселенской камеры, сотканными из взметнувшихся волн «моря житейского». Ухитрившись раздвинуть их, делатель открывал сокровенный сад (именно это обозначает в русском языке «рай»), где обитают блаженные рахманы. Из Эдема тянется лестница и к «мысленному раю». Тот же, кто сумел взойти по ней, обретает святость, ускоряя наступление Небесного Царства, обещанного миру Спасителем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фроловская Псалтирь, Борис Рыбаков и «стригольники»

Современным исследователям, составившим своё представление о православии по академическому богословию последних двух столетий, когда оно прочно стало на рельсы позитивизма, часто кажется, что многие элементы православной веры Древней Руси «противоречат доктрине». Отсюда, с одной стороны, делается вывод о мнимых антиномиях внутри православной традиции, либо данные элементы приписывают творчеству «еретиков», никогда не существовавших в

действительности (в том виде, в котором их стараются представить подобные исследователи).

Для того чтобы изучение прошлого православной религии не превращалось в выуживание из неё таких вещей, коих там не было в помине, нужно соблюсти как минимум два условия:

1) воспринимать традицию в неразрывности Священного Писания (текст Библии) и Священного Предания (богослужение, иерархия, догматы, церковная литература и искусство);

2) отличать градации внутри единой по существу традиции: а) исторические периоды; б) локальные особенности; в) внешнюю и внутреннюю стороны учения; г) социальную адаптацию.

К сожалению, большинство советских и постсоветских учёных не сковывало себя такими «путами». Иначе это помешало бы изобретению ряда ложных теорий относительно Древней Руси и русского православия, часть которых уцелела поныне. Особая роль тут отведена древнерусскому гуманизму (трактуемому преимущественно как вольнодумство), где до недавнего времени учёная фантазия не сдерживалась никакими рамками. Хорошо иллюстрирует это интерпретация Борисом Александровичем Рыбаковым содержания и оформления Фроловской Псалтири XIV века в его монографии «Стригольники: Русские гуманисты XIV столетия» (М., 1993)¹.

Не имея места подробно останавливаться на его в высшей степени сомнительной гипотезе о «стригольничестве», разберём лишь несколько аргументов, которые дают исчерпывающее представление о доказательствах, коими Б.А. Рыбаков обосновывает свою гипотезу. Данный экскурс нужно сделать, поскольку миниатюры, прекрасно иллюстрирующие древнерусские представления о «внутренней клетке»², были созданы не еретиками, а вполне ортодоксальными церковными христианами, как бы пресно это не казалось для любителей религиозной экзотики...

¹ Данный вопрос поднимался нами ещё при жизни ныне покойного академика в докладе «Изучение христианской символики в русской традиционной культуре» на III Международном конгрессе этнографов и антропологов (Москва, 1999).

² Хотя это далеко не единственный пример изображений подобного рода.

Б.А. Рыбаков пытается доказать, что заказчик и первоначальный владелец рукописи, Степан, ранее был еретиком-стригольником, а затем частично раскаялся, что выразилось в составлении им «покаянных гласов», помещённых между псалмами. Это подтверждается якобы тем, что текст соответствующих псалмов (9-го, 74-го, 104-го и др.) в Фроловской псалтири XIV века не совпадает с каноническим переводом, осуществлённым в XIX веке: «Как видно из сопоставления средневекового текста с каноническим переводом... новгородский книжник... упорно стремился устранить разницу между глаголами “исповестить” (оповестить, прославить) и “исповедаться” (рассказать о своих грехах)». Исповедь в грехах там, где следует прославлять Господа, будто бы свидетельствует «о чисто стригольническом понимании этой стадии обряда причащения» (сразу обратим внимание на деталь, известную любому человеку, который хотя бы раз в жизни участвовал в этом «обряде» и о которой Б.А. Рыбаков, как видно, не подозревает: исповедь и причащение являются двумя автономными «обрядами», точнее, таинствами).

Вряд ли корректно применять перевод Псалтири XIX века, сделанный с иврита, для критики Псалтири XIV века, перевод которой (о чём следовало бы знать Б.А. Рыбакову) осуществлялся с древнегреческого. Но не в этом суть. Псалтирь на славянском (в отличие, кстати, от канонического русского перевода) активно используется в современной богослужебной практике. Она многократно переиздана и... содержит те самые формулировки (Пс. 9: 2; 74: 2; 104: 1 и т.д.), которые Б.А. Рыбаков относит к «еретическим»!

Используемый Псалтирю глагол «исповедывать(-ся)» Б.А. Рыбаков возводит к двум разным глаголам, значения которых будто бы кардинально противоречат друг другу. Но, во-первых, в тех случаях, на которые он указывает, глагол «исповестить» мы нигде в общепринятой Славянской псалтири не обнаружили. Поэтому его ввод туда является «авторской» добавкой Б.А. Рыбакова к устоявшемуся сакральному тексту. А во-вторых, никакого принципиального противоречия между значениями «прославить» и «рассказать о своих грехах» для глагола «исповедывать(-ся)» в контексте приведённых стихов Псалтири нет. Прежде чем пускаться в столь рискованные экзегетические штудии,

Б.А. Рыбакову стоило заглянуть хотя бы в популярную среди православного иночества компиляцию «Толковая Псалтирь», составленную Евфимием Зигабеном. Двойное значение глагола «исповедываться» чётко осознавалось христианским богословием ещё со времён Евсевия (IV в.). Так, о Пс. 74: 2 («Исповемься Тебе, Боже, исповемься...») Евсевий пишет: «Соответственно двоякому образу исповедания дважды употреблено речение “исповедываться”, из коих одно означает исповедывание во грехах, а другое — благодарность за дарование им благ». В том же русле это место толкуют Ориген, Исихий и Феодор. Сказанное можно распространить и на другие места, привлёкшие внимание учёного.

Далее Б.А. Рыбаков настаивает на «авторском» (т.е. еретическом) характере «молитвы, починая псалтирь»: «Это введение настолько интересно, что его стоит привести целиком... Это не общая молитва перед чтением Псалтири в храме, а личное обращение тех 19 покаянных гласов, которыми он покусился пополнить канонические псалмы». О 19-ти гласах чуть ниже, а пока о предначинательной молитве. Честно говоря, она не представляет особого «интереса», именно в силу отсутствия там сколь-нибудь значительной оригинальности. Однако, чтобы не быть голословными, приведём рядом два текста. Один — по Б.А. Рыбакову «еретический», другой — стереотипный из издания «Православный молитвослов и псалтирь» (М.: Изд-е Московской Патриархии, 1988):

Фроловская псалтирь XIV в.	Славянская псалтирь издания 1988 г.
Пресвятая троица, боже всего мира, поспеши, настави сердце мое начати с <i>разумом</i> и кончати дела благами... Господи Исусе Христе! Управи ум мой не о глаголании устен стужитиси, но о <i>разуме</i> глаголемого веселитеси и пригответиси на творение <i>делом</i> . Яже учюся или глаголю, да <i>добрыми делы</i> осиян — на судищи десные страны причастник буду... [здесь и далее в цитатах — грамматика и орфография как у Б.А. Рыбакова]	Всесвятая Троице, Боже и Содетелю всего мира, поспеши и направи сердце мое, начати с <i>разумом</i> и кончати дела благами... Господи, управи ум мой и утверди сердце мое, не о глаголании устен стужати си, но о <i>разуме</i> глаголемых веселитеси, и пригответиси на творение <i>добрых дел</i> , яже учюся и глаголю: да <i>добрыми делы</i> просвещен, на судищи десныя Ти страны причастник буду...

«Для XIV столетия, столетия критического, — рассуждает по поводу выделенных курсивом слов Б.А. Рыбаков, — “разумного” отношения к церковной книжности, весьма характерно двукратное

обращение к разуму в этом кратком тексте. Очень важна и другая, тоже повторенная дважды идея: начать с *разумного*, заново осмысленного восприятия священных книг, а затем перейти к благим *делам*. Как нам представляется, любой человек, сличивший приведённые выше два текста, обнаружит там какие угодно различия, но только не в акцентировании «разумного» и не в призыве к «добрым делам». Тут уж одно из двух: или в современной Церкви окончательно возобладали «стригольники», или Б.А. Рыбакову просто не знаком общепринятый текст Славянской псалтири. Тогда перестают удивлять и его странные манипуляции с глаголом «исповедывать(-ся)».

Наконец, учёный силится убедить нас, что 19 покаянных гласов (автором, коих, якобы являлся Степан) содержат указания на его «еретические» идеи: «Интересна и наивная попытка Степана уговорить Иисуса Христа не разглашать его грехи на страшном суде, чтобы ему, Степану, не было стыдно за содеянное им». В подтверждение Б.А. Рыбаков приводит следующий фрагмент, который мы помещаем для наглядности вместе со стереотипным 6-м гласом по 9-й кафисме:

Фроловская псалтирь XIV в.	Славянская псалтирь издания 1988 г.
Во удоле плачевне... егда сядеши, милостиве, створити праведный суд, не обличи моих тайн, ни посрами мене пред ангелы!	Во юдоле плачевне... егда сядеши, Милостиве, сотворити праведный суд, не обличи моя сокровенная, ниже посрами мене пред Ангелы...

Воистину же наивен следующий пассаж: «Покаянные псалмы Степана [напомним, что их авторская принадлежность Степану не доказана. — *Р.Б.*] дают основание считать, что много путешествовавший автор мог в какое-то время оказаться под влиянием тех или иных антиринитарных толкований, столь распространённых тогда во многих странах, а особенно на Ближнем Востоке. Степан сам говорит о себе, что он “осквернил божественное крещение”, “согрешил на Небо”, “осквернил церковь божию” и более конкретно: согрешил против Иисуса Христа, “устранившись от его крова”... В третьем “покаянном гласе” Степан недвусмысленно пишет: “Господи Иисусе Христе, сыне божий... Дай же ми покаяние свершено, да изиду вседушно на възыскание твое... *Оставих тя, но не остави мене! Изидох от тебе* — изиде же на взискание мое и в пажить свою введи мя и

причти ко овцам избранного ти стада”. Это страстный призыв раскаявшегося ренегата, временно впавшего в одну из многочисленных ересей, отрицавших полное равноправие и идентичность бога-отца и бога-сына».

Хотя допущение Б.А. Рыбакова о «путешествиях» инока Степана является вымыслом чистой воды, к разбираемому вопросу оно не имеет прямого отношения, поэтому мы оставляем его в стороне. Но вот «раскаявшимся ренегатом», по-видимому, ощущает себя всякий, рискнувший прочесть общепринятую молитву по окончании Покаянного канона: «...Господи, Иисусе Христе... даруй мне покаяние всецелое и сердце люботрудное во взыскание Твое... *Оставих Тя*, не остави мене; *изыди* на взыскание мое, возведи к пажити Твоей и сопричти мя овцам избранного Твоего стада...» (Православный молитвослов... М., 1988, с. 29.) Общеприняты в Церкви и прочие следы творчества «еретиков», которые с энтузиазмом перечисляет Б.А. Рыбаков.

Все доказательства, выдвигаемые им в поддержку «стригольнической» атрибуции Фроловской псалтири, имеют тот же характер домыслов, а чаще феерического невежества, которым отличается монография, посвящённая «русским гуманистам».

ЛЕСТНИЦА-КЛЮЧ

Практика заповедей и духовное восхождение

Православная религия рассматривает человека как изменяющееся во времени и пространстве существо, а не как нечто раз и навсегда заданное. Возрасты человека считались законченными, самостоятельными циклами бытия, с каждым из которых связан свой набор качеств, прав и обязанностей. Но изменения в бытии диктуются не только возрастом. В любой момент жизни люди (в принципе) могут пребывать на любом из четырёх этажей мироздания: в преисподней или в животном начале, на земле или в мире повседневного существования, в воздухе или в тонком мире, и на небе или в мире духовном. Развита древнерусской культурой, эта концепция проявляется в традиционных воззрениях до сего дня. Согласно им, в течение земной жизни душа человека не может длительное время сохранять статичное положение:

Четыре яруса бытия по Топографии Козьмы Индикоплова 1495 г.

она либо поднимается к небу, либо уступает греховным страстям и бывает низвергнута в пропасть адову.

Сюжеты, связанные с различными путями движения души, представлены в серии рисованных листов 2-й половины XIX века из коллекции протоиерея Владислава Провоторова (Павловская Слобода, Московской обл.)¹. Эти листы вкладывались в рукописные сборники душеполезного содержания. Изображения на них по своей стилистике относятся к типу северодвинских лицевых миниатюр, создававшихся главным образом староверами. Они проясняют многие традиционные воззрения русского народа на аскетизм. На примере этих изображений как нигде становится ясным, что в традиционном искусстве не бывает случайных или чисто декоративных деталей.

Особого внимания заслуживает сюжет «Лествица 60-ти заповедей (Ключ к вратам от Царства Небесного)». Видение праотцем Иаковом небесной лестницы стало в христианстве символом духовно-нравственной трансформации. «Сообразив свои недостатки, станем мало-помалу исправлять их, — учил святитель Иоанн Златоуст. — Определим для себя исправить в настоящий месяц один недостаток, в следующий за тем — другой, а ещё в следующий — третий. Таким образом, восходя как бы по некоторого рода ступеням, мы достигнем неба по лестнице Иаковлевоу; мне кажется, эта лествица [...] указывает и на постепенное восхождение по лестнице добродетели, по которой можно взойти от земли на небо, — не по ступеням чувственным, но чрез исправление и улучшение нравов». (Беседы на евангелие от Иоанна LXXXIII, 5.)

Эту аллгорию Златоуста подхватил преп. Иоанн Синаит, построив на ней руководство к монашеской жизни — «Лествицу» (VI в.). Преп. Иоанна включали в число *боговидцев*, что ставило его в один ряд не только с Иаковом, но с Моисеем и Давидом. Творение Лествичника — это «богописанные скрижали» нового Народа Божия. Поэтому врата в Небесное Царство на листе из коллекции о. В. Провоторова —

¹ Впервые выставлена в Музее «Палаты Строгановых» (Усолье, Пермский край) в составе экспозиции «Движения души: Рисованная картинка XIX века. Из коллекции протоиерея Владислава Провоторова» (проект АРТ-ДЕКАЛОГ XXI) в 2010 г.

10-частные, что напоминает о Декалоге, данном пророку Моисею на Синае. Иоанн Синаит — законодатель нового монашеского «Израиля», который прирастает не плотским размножением, а «исходом» подвижников за пределы суетного мира («Египта»). Если Моисея изображали получающим скрижали Ветхого Завета из рук Божиих, то Иоанн сам вручает Христу свой труд (Синайская рукопись Лествицы, XII в., гр. 418). Если сравнивать Моисея и Иоанна, то возникает зеркальное отображение: Моисей внутренне восприимчив к откровению, а внешне занят государственными реформами, Лествичник же уходит от социальной деятельности в пользу внутренней активности, которой требует аскетизм.

На Руси Лествица Иоанна Синаита приобрела особую популярность во время аскетического подъёма XIV—XV веков (его крупнейшей фигурой стал св. Сергий Радонежский). По данным Э.С. Смирновой, ныне в библиотеках России хранится не менее 84-х списков Лествицы XV века, т.е. больше, чем творений каких-либо других свв. отцов. Цитаты из Лествицы заполняют древнерусскую книжность. В то время как в православном мире

«Лествица 60-ти заповедей Божиих». Рисованные листы конца XIX в. Коллекция о. Владислава Провоторова. Общий вид.
1 — головка, 2 — стержень, 3 — бородка

рукописи Лествицы иллюстрируют всё реже, на Руси, наоборот, складывается их уникальный лицевой тип. В ранних рукописях перед оглавлением помещали схему из 30-ти ступеней (по числу глав), однако затем всё более популярным становится изображение взбирающихся по ступеням монахов и мешающих им бесов. Композиции из Лествицы входят в росписи храмов, пишутся отдельные иконы.

В России возникали и оригинальные «лествичные» композиции, например, «Лествицы трудолюбная и пагубная», составляющая правую треть иконы «Плоды страданий Христовых» конца XVIII века (из Троицкой церкви с. Толгобль Ярославской губ.). На ней изображено две лестницы по 37 ступеней каждая. На первой перечислены добродетели, на второй — пороки. Так же как «Лествицы трудолюбная и пагубная», «Лествица 60-ти заповедей» адресована не только монашествующим, но и мирянам, вступившим на путь аскезы.

Непременным атрибутом всякого монаха, а также благочестивых мирян, вычитывавших молитвы по той или иной системе, являлась *лестовка*. Этот специфически-русский вид кожаных чётков в XVIII—XX веках сохранили преимущественно староверы¹, хотя лестовку могли использовать иноки, принадлежащие к Синодальной церкви (с ней изображался, например, преп. Серафим Саровский). Молитвенное правило, вычитываемое по лестовке, подкрепляло архетип восхождения по ступеням совершенства.

Много общего между изображениями Лествицы и посмертных мытарств (вспомним также обычай печь лесенки из теста на поминках), однако есть между ними фундаментальная разница. Лестница предполагает движение по ней поднимающегося аскета, что подчёркивает русская манера рисовать взбирающихся монахов со всей возможной экспрессией. Мытарства же проходятся душой обездвиженно: её несут в спелёнутом состоянии ангелы. Подвижники карабкаются, падают, их пытаются сбить демоны, но карабкаются они *сами*. Что же касается души покойника, несомой ангелами, то она выглядит абсолютно зависимой от своего окружения и безвольной.

¹ Паства Синодальной церкви предпочитала *вервицу* (чётки из узелков). См. также с. 80..

*Лествица небесная. Миниатюра из новгородской рукописи «Лествицы»
Иоанна Синаита, со словами. 1480-е годы*

На иконе «Лестницы трудолюбная и пагубная» первая ведёт вверх, вторая — вниз. Позитивный символизм восхождения и негативный — спуска — закрепился в народной памяти. В вертикальном разрезе бытия путь к Богу просматривается исключительно как движение снизу вверх.

«Лестница 60-ти заповедей» имеет общий вид поставленного вертикально ключа с бородкой влево¹.

В левой половине **бородки** (нижней части) ключа изображён стол, на котором стоят 16 малых и одна большая чаша. За ним на удалённой от зрителя стороне сгрудилось множество народа в шляпах. В руках у двоих юношей — надкусанные красные плоды. Перед большой чашей выделяется фигура бородатого человека с разведёнными в сторону руками. Это аллегория «сладости мира», сконцентрированного на земных благах консьюмеризма, праздника потребления.

По всей длине нижней «бородки» разбрелось пятеро людей, отошедших от стола и в той или иной мере приблизившихся к изнѣжью лестницы. Это искатели, отстранившиеся от бездумного потребления. Они разного возраста: четверо молодых и один средовек (с бородой). К каждому приставлено по бесу. Цель демонов не допускать, чтобы люди могли воспользоваться своей свободой выбора для вступления на духовный путь. Одному бес вцепился в правый локоть. Другого бес приобнимает за левое плечо и подталкивает к пирующим. Третьего (средовека) чёрт тянет изо всех сил за верёвку, накинутую тому на шею, четвёртому (самому юному) что-то ласково шепчет, придерживая за левый локоть и направляя к столу (в руке у беса багор). Пятого, подошедшего к лестнице, бес оттягивает от неё багором.

Может создаться впечатление, что пировать безопасней, чем карабкаться по лестнице, но это иллюзия. Сгрудившиеся вокруг пищи объята тягостным саспенсом, их позы скованней, чем у искателей пути и делателей. На иконе «Лестница небесная с притчами и поучениями» середины XVII века из собрания В.А. Бондаренко, показана «отсутствующая» в нашем сюжете часть. Стол «сладости» размещён на кроне

¹ Научное описание памятника см.: *Багдасаров Р.В.* За порогом. М., 2003. С. 50—57.

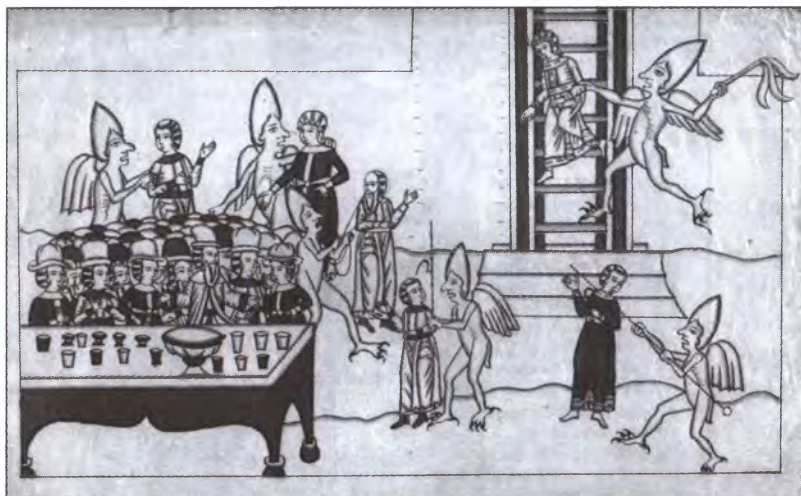

а)

б)

Движение по духовной вертикали согласно сюжетам рисованных листов конца XIX — начала XX вв. из коллекции о. В. Провоторова: а) активное («Лестница 60-ти заповедей», фрагм.); б) пассивное («Хождение бл. Феодоры по воздушным мытарствам», фрагм.)

Праздник потребления («сладость мира»). Бородака ключа в сюжете «Лестница 60-ти заповедей». Фрагмент

дерева, ствол которого служит мачтой для корабля. Удивительное судно со всем этим хозяйством раскачивается на волнах моря житейского. Вдобавок пирующих время от времени отстреливает смерть, стоящая вровень с деревом. Таким образом, рискованность положения потребителей показана со всей очевидностью. Если сопоставить место, которое пирующие на «Лестнице 60-ти заповедей» занимают композиционно, с 4-уровневой схемой мироздания, то обнаружится, что они расположены в ярусе мертвецов (нижний предел бытия).

Средняя часть ключа (**стержень**) представляет собой лестницу из 60 пронумерованных ступеней. Справа от каждой ступени написано начало новозаветной заповеди. На разной высоте по ним взбираются 9 человек. Пятеро поднимаются успешно, трое в опасности (их пытаются столкнуть бесы), а один падает по собственной вине.

Соблюдение одной заповеди подводит к необходимости исполнить следующую. Несоблюдение означает остановку и угрозу падения. Ноги и руки людей расположены обычно напротив разных ступеней. В среднем, рост людей накладывается на высоту 4-х ступеней, однако у наиболее успешных деятелей — на пять. Наложение ступеней представляется не случайным, но свидетельствует о возможности

*Аллегория безумного потребления («Притча о сладости мира сего»).
Фрагмент иконы «Лествица небесная с притчами и поучениями».
Середина XVII в. Собрание В.А. Бондаренко*

исполнить их лишь в комплексе, иначе теряется равновесие и следует срыв.

На картинке приведено лишь начало каждой заповеди, подразумевалось, что окончание читателю хорошо известно. Очередность вытекает из текста Писания. Так, 1-ю заповедь «Возлюбиши Господа Бога твоего» сам Спаситель называет «первой и наибольшей» (Мф. 22: 38), о второй («Возлюбиши искренняго твоего яко сам себе»), он говорит, как о второй, подобной первой. 3-я заповедь выражает суть Нового

Завета и часто приводится на иконах в раскрытом Евангелии Спасителя: «Да любите друг друга». 13-я заповедь логически предшествует заповедям Моисея (14—18 зап.)¹. Хотя Десятисловие было дано ещё в Ветхом Завете, здесь его части согласованы с новозаветным учением. Об этом свидетельствует повторная заповедь 19 («Возлюби искреняго»), к которой сводится половина Декалога. Речь идёт не просто об исполнении Моисеевых заповедей (что для христианина подразумевается автоматически), а о способности *научить* их исполнению другого («и научив» — 13).

Остальные заповеди касаются: самоумаления (4—5), милосердия (6—12), всепрощения (20—26), поношения Христа ради (27—28), нестяжания (29—33), упования на Господа (34—36), бдения (37), спонтанности («аще не будете яко дети» — 38), евхаристического приобщения Тела и Крови Христовых (41—42), отвержения себя (43—44), неосуждения (45), самонаблюдения (46), самоограничения (47—48), преданности (49, 54—55), терпения (50—53). Верхом исполнения заповедей оказывается дар чудотворения: «Веруй в Мя аще и умреть, оживеть» (56, а также 57—59). Последняя, 60-я заповедь, отсылая к креационной формуле «небо и земля» (см. с. 62—65), обозначает разделитель Тверди. Взойдя по ступеням заповедей, христианин соединял внутреннюю землю и внутреннее небо между собой.

Головка ключа показывает Царство Небесное, во врата коего упирается лестница заповедей. В центре Небесного Града возвышается престол с Господом, *главою* спасения (ср.: Еф. 1: 10 и др.). В левой руке Спаса раскрытое Евангелие, правая благословляет, ноги босы, на голове — венец. Перед вратами стоят юноша и старец. Интересно, что в рукописи Лестницы 1418 года небесные двери показаны в виде храмовых царских врат, которые раскрыты.

Сюжет отражает системный подход к исполнению заповедей, применявшийся аскетически продвинутой частью верующих. Символика и форма картинки прозрачны. Царство Небесное открывается

¹ Здесь и далее по тексту в скобках приводятся порядковые номера заповедей).

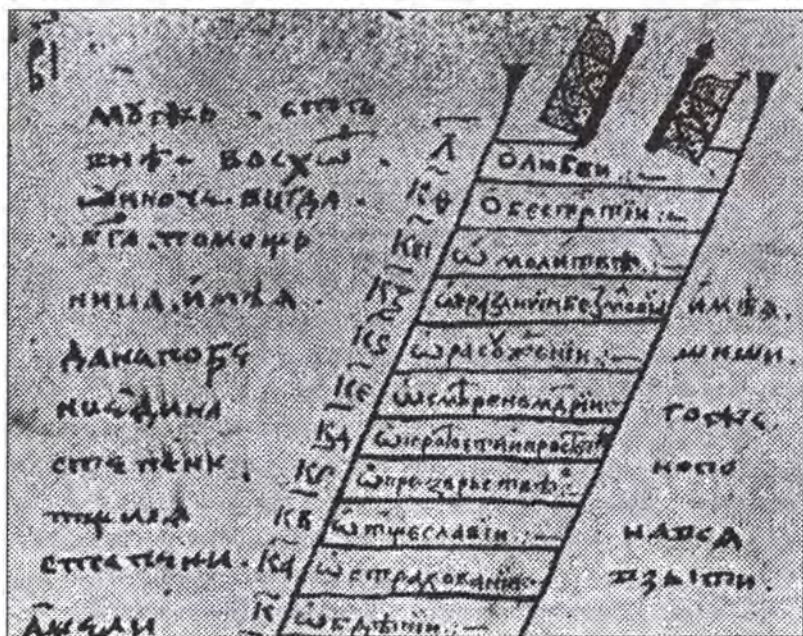
Делатели заповедей на Лествице.
 Стержень ключа в сюжете «Лествица 60-ти заповедей».
 Фрагмент

Делатель, проходящий заповеди чудотворения, последние на пути к Небесному Царству. Фрагмент сюжета «Лествица 60-ти заповедей»

*Царство Небесное (головка ключа).
Фрагмент сюжета «Лествица 60-ти заповедей»*

Врата в Царство Небесное изображены как царские врата
в православном храме. Лестница 1418 г.

ключом Божиих заповедей. В Евангелии сам Господь неоднократно указывает на первостепенную важность их соблюдения — для желающих вечной жизни. Ключ предназначен для двери, и можно не сомневаться, что составителям сюжета была хороша известна эта «дверь». Главная цитата из Евангелия не написана, но её присутствие, безусловно, подразумевалось: «Я есмь дверь: кто войдёт Мною, тот спасётся, и войдёт и выйдет, и пажить найдёт» (Ин. 10: 9). Вершина заповедей — уподобление Творцу, стяжание через подвиг и молитву ума Христова (см. с. 60). Наделённый им, способен совершать чудеса.

В композиции заключена и более тонкая мысль, связанная с понятием *синергии* (взаимодействия человеческой воли и божественной благодати в деле спасения). Восхождение по ступеням заповедей предполагает личные усилия верующего. Ключ устроен так, что основной нажим производится на его головку, которую поворачивает открыва-

ющий. Но ведь Небесное Царство изображено именно на «головке»! Значит, решающее усилие в деле спасения не принадлежит самому человеку. Ключ вставлен с обратной стороны двери.

КУДА МАКАР ТЕЛЯТ НЕ ГОНЯЛ **Инициатическое путешествие** **в древнерусской традиции**

Душа, жаждущая вырваться за границы существования, сохранив при этом своё личное начало, задаётся вопросом: «Где приклонится к земле небо?» Чтобы найти это райское место (а оно действительно таково, ибо лишь в области Эдема мира соединяются), душа готова «обойти все концы земли». Путешествиям к раю был посвящён определённый тип сказаний, неизменно востребованный среди русских монахов: «Слово о трёх монахах, как они нашли святого Макария» (или «Житие Макария Римского»), «Хождение Агапия в рай», «Хождение Зосимы».

Этот жанр (и сопутствовавший ему опыт) далее будет рассмотрен на примере так называемого «апокрифа о Макарии Римском». Филологи отмечают, что ещё на греческой почве это произведение объединило два сюжета — житие преп. Макария Римлянина (пам. 19 января ст.ст.) и рассказ о путешествии иноков в поисках земного рая.

Вопрос о том, кем являлся Макарий Римский, остаётся загадкой. В русские святцы он попадает из Византии вместе с церковным календарём, самые ранние изображения подвижника датируются XIII веком. Его отождествляли то с Макарием Великим или Египетским (†390—391), то с Макарием Александрийским (†394—395). С другой стороны, «Римлянином» звали игумена Макария (XVI—XVII в.), настоятеля одноименного монастыря в 110 верстах от Новгорода на р. Лезне (Грезне), чья память также отмечалась 19 января. На основании последнего отождествления в XVII веке создаётся особый извод «Слова о монахах», где они являются новгородцами.

При сравнительном анализе сюжет распадается на множество мотивов. Дробя его, как правило, забывают о главном — о цели, кото-

рой руководствовались переписчики, соединяя эти мотивы между собой. В лучшем случае специалисты намекают на желание сообщить рассказу дополнительную занимательность, чуть ли не сказочность.

Удаление во мглу

В «Слове о трёх монахах», открывающем житие Макария, как явствует из заглавия, речь идёт не об одном путешественнике, а о трёх. Правда, индивидуальность трёх братьев нигде (за исключением 2-х эпизодов) не играет роли: они действуют *единодушно*. Само их число призвано подвести читателя к некоей аллегории. Братьев-молчальников зовут Феофил («любящий Бога»), Сергей («слуга») и Югин или Угин («здоровый»). «Отметив 9-ю годовщину [своего поступления в монастырь], мы сидели в уединённом месте [“на месте молчаливе”] и стали вопрошать друг друга о посте, о воздержании, о чистоте и честном Имени [т.е. об имени Иисусовом, о молитве]. И пришла к нам добрая мысль, и сказал Феофил братьям Сергию и Югину: “Хотелось бы все дни своей жизни ходить и странствовать по земле, дабы видеть, где соединяется она с небом, ибо говорят книги, что небо стоит на железных столпах”».

Идея путешествия исходит от Феофила. В ответ на его предложение остальные братья соглашаются и избирают его старшим (буквально: «во отца место»). Это естественно — только имя Феофила включает в себя имя Божие (Θεός) и слово «любовь», соответствующее ценностной ориентации христианства. В другом эпизоде выделена роль Сергия, когда он изобретает способ избавиться от нападения пигмеев. Если Феофил проявляет себя в устремлённости сердца, то Сергей в работе ума, подчинённой этой устремлённости. Поэтому Феофила можно рассматривать как символ *сердца* (ср. иерейский возглас на литургии: «горé имеем сердца!») или эмоций, а Сергия — как *ума* или интеллекта. Что касается Югина, то этимология его имени напоминает вопрос «*здрав ли еси?*», часто задаваемый взыскателю рая из другого произведения, Агапию; следовательно, третий инок олицетворяет *телесное здоровье*, без которого путь за пределы существования значительно осложняется. Тройное число героев условно — оно

отражает разные функции *одной* личности, рискнувшей добираться до рая.

Тайно покинув монастырь Асклепия в «Месопотамии Сирийской», монахи правят путь к Иерусалиму, центру цивилизованного мира. Сообщение о *тайном* (без разрешения игумена) *уходе* из монастыря должно было сразу настораживать, ведь даже самовольная отлучка из обители считалась тяжёлым нарушением устава. После такого введения благочестивый читатель, если только он не относился к тексту, как к заведомо вредному, не мог не воспринимать его как аллегорию.

В Иерусалиме иноки поклоняются святыням Распятия, Рождества и Вознесения, что скрепляет их решимость следовать по пути умерщвления страстей, духовного перерождения и непрерывного возведения своих мыслей к небу. От средоточия ойкумены они «обращаются на восток солнца». Крайним пунктом христианского мира показан город Ктисифон, где почивают мощи трёх отроков, учеников пророка Даниила, горевших, не сгорая, «в печи вавилонской». Святые отроки воплощают безраздельное упование на Бога, и подражание им явно прослеживается в дальнейших эпизодах.

Углубившись в землю Индии, иноки попадают в царство андрогинов. *Αυδρόγυνοϛ* переведено как «мальжень», что буквально значит «супруг» (иногда — «молодой супруг»). Как отмечал А.Ф. Гильфердинг, похожие соединения часто встречаются в санскрите: *dam-pati* — супруги; *pitara-matarau* — родители. Описание царства андрогинов подтверждает правильность такой аналогии. Их «общество» исключает любые формы общежития, за исключением парного, будь то город или село: «и нет города в той земле, но каждый имеет собственный кров». Войдя под одну из таких кровель, казавшуюся необитаемой, иноки смогли прожить там лишь два дня. Затем явились двое андрогинов с дивными венцами на головах. Завидев чужаков, хозяева приняли их за вражеских лазутчиков («исходатаев») и привели к боевой готовности две тысячи людей. Найдя странников молящимися, туземцы решили сжечь их, а когда те побежали, поймали и заточили в «тесное место», где 10 дней не давали ни еды, ни питья. Убедившись, что монахи ещё живы, андрогины стали гнать их, хлеща прутьями, вплоть до границы своих владений.

Странного тут мало: супружество и монашество — взаимоисключающие формы существования. Неслучайно рассказчик подчёркивает: «мы не понимали их языка, а они нашего». Другое обстоятельство, о котором стоит упомянуть, то, что путешественники не различают пола у «маложенов», которые, не зная на это, образуют брачный союз. Этим подчёркнуто восточно-христианское понимание андрогинности. В отличие от Европы, где андрогином называли человека, сочетающего в одном лице мужскую и женскую природы, в аскетической антропологии православия это супружеский идеал, где взаимодополнение превращает пару в одно существо (ср.: 1 Кор. 11: 11—2). Таким образом, существовало два андрогината: монашеский (соединение двух начал в одном лице) и супружеский (объединение двух личностей в духе).

Самодостаточность каждой пары «маложенов» определяет их отделённость друг от друга. К совместному проживанию андрогинов толкает не социальная или духовная потребность, а ограниченность территории, нежелание вступать в контакт с другими народами. Выйдя за рубежи их владений, путники фактически прощаются с человеческим миром. Создания, встречающиеся далее, людьми, в их восприятии, уже не являются.

Ситуации, в которые попадают Феофил, Сергей и Югин, представляют ту или иную трудность в устремлении к «породе» (древнерусская звуковая калька с «парадиза»), а их преодоление обогащает духовный опыт. Число дней, проведённых на разных отрезках пути, символизирует *стадиальность* процесса: расстояние и смена пейзажей соответствуют затраченным усилиям и радикальности личностных изменений. Отсюда можно сделать вывод, что андрогинность (тема которой возникает в начале пути) являлась не вершиной монашеского подвига, а его обязательным условием. «Андрогинизация — это лишь один из аспектов всеобщего процесса соединения противоположностей», — считал религиовед Мирча Элиаде.

Переход до следующей области длится 40 дней, в течение которых иноки не вкушают никакой пищи. Число 40 возникает ещё три раза за всю дорогу до макариевской пещеры. Она составляла 565 (по списку XIV в.) или 581 (по списку XVII в.) дней. Общий срок, потребный для достижения эдемского сада с течением веков, несколько увеличился.

Нельзя не увидеть в «Слове о монахах» глубинного сходства с другим описанием христианской инициации — «Плаванием св. Брандана», созданном в VI веке в Ирландии и записанном по-латыни в IX веке. Брандан и его спутники также отправляются на поиски Раю (он именуется «обетованной землёй»). Парадиз, согласно ирландской традиции, расположен не на востоке, как у православных, а на *западном* острове, но съестными припасами монахи запасаются точно так же на 40 дней. 7 лет скитаясь от острова к острову (аналог перехода от территории к территории в макарьевском сказании), св. Брандан в одних и тех же местах встречает Великий пост (длящийся 40 дней) и главные праздники (Рождество, Пасху и Троицу), словно по спирали времени восходя к Земле Обетованной. Как «Житие Макария», ирландский памятник изобилует и другими цифровыми символами, но чаще остальных встречается всё же 40. «Число 40 имеет значение “примирения”, “возвращения к истокам”. По преданию, известно, что Сиф провёл в земном Раю сорок лет; сорок дней продолжался Потоп; в течение сорока лет иудеи блуждали по пустыне; Моисей провёл на Синае сорок дней; наконец, сорок дней постился в пустыне Христос», — указывает Д.В. Жуков.

Миновав земли псоглавцев и трёхпядцев, которые гротескно высвечивают животную изнанку Homo sapiens, монахи вступают в царство змей. «И взобрались на высокую гору, где ни солнце не сияет, ни деревья, ни трава не растут, разве что гады да змеи свистят и скрежещут зубами — аспиды, ехидны, удавы («ували») и василиски. И видали множество иных змей, имён коих не ведали».

Наличие в перечне пресмыкающихся «увала» знаменательно. Употребление этого слова в макарьевском сказании едва ли не уникально. В русском языке увал одного корня с *вал* и обозначает «уступ почвы», «склон горы», «кряж», «гряду», «гребень»; другое значение — «падаль» вряд ли подходит, ибо увал фигурирует в ряду живых тварей. Уместно вспомнить о Змиевых Валах на западных границах Руси и Северных Увалах, водоразделе северных рек. Последние, как убеждена этнолог Светлана Жарникова, отождествлялись с Рипеями на античной карте мира. Движение от центра ойкумены на восток (*въсток*) вело средневекового человека к *истоку* времён. Ползающие

на чреве змеи испускают нестерпимое для слуха шипение, погружая странников в хаос неформированных инстинктов, существовавших до создания человека.

Описание очередной стадии пути подкрепляет такую интерпретацию. Если в греческом оригинале встреченный олень проводит монахов сквозь слоновье стадо (кстати, в славянском Физиологе притчи о слоне и олене соседствуют), то в русских вариантах этот момент утерян. Хотя олень и помогает путникам перебраться через пропасть, слоны не упоминаются. Гораздо важнее для русских книжников описать «пустую землю», куда попадают иноки: «и не было в той земле ничего, ибо ещё никогда не ступал сюда человек». Получается, что олень (символ души, напоенной Словом Божиим) вывел путешественников из пустыни лишь затем, чтобы ввести их в землю, сплошь покрытую мглой. «И не было на том месте солнечного сияния, но [одна] тёмная мгла».

Психологически мгла отражает состояние потерянности. Проблуждав 70 дней, монахи останавливаются, не видя дальнейшего смысла двигаться вперёд. 7 дней они молятся и плачут, пока с высоты к ним не спускается Голубь. 10-кратная разница между двумя числами намекает на отсутствовавшее ранее смирение — проявись оно сразу после вступления в тёмную область, быть может, и не понадобилось бы бродить столь долго. Мгла обозначает крайнее обособление, когда внимание субъекта предельно сжимается, переключаясь с внешнего мира на внутренний. Объектом наблюдения становится сам наблюдатель (который в «Слове...» троичен, ибо состоит из тела, сердца и ума). Именно в этот момент пробуждается духовное сознание или самосознание, сознание *духа*, которое символизирует сошедший с чёрного неба Голубь. Вот как описывает аналогичное состояние современный богослов, протоиерей Михаил Труханов (1916 †2006): «В обособленности тела дух воспринимает себя как субъект, а всё окружение мира — как объект по отношению к себе. Такое субъективное восприятие себя в теле и объективное восприятие окружения по отношению к себе с адекватным пониманием состояния личного обособленного бытия в данный момент и есть сознание духа. Сознание духом своей тварной исходности от нетварного Духа Господа Творца и совершен-

ное признание своей ограниченности есть наиболее полное сознание духа, обращённого на самого себя. Иначе говоря, деятельность духа, сознающего самого себя пребывающим в какой-то материальной обособленности, есть самосознание».

Пробуждение самосознания делает возможным выход за грань внутреннего *тварного* мира, который совпадает с приближением к границам *внешних возможностей* человека, олицетворяемых в христианстве фигурой царя Александра Великого. Голубь провожает иноков до крайней точки, куда ступала нога властелина вселенной.

По ту сторону мглы

«И обнаружили колонну с карнизом (*столпъ и комару*), по которому шла надпись “Сей столп поставил Александр, царь Македонский, идя от Халкидона и победив персов, воевал до сего места, которое называется Тьма. Кто желает миновать это место, да идёт налево, ибо все воды мира сего текут с левой стороны, и кто будет держаться тех вод, выйдет на свет. А с правой стороны — высокие горы и озеро, полное змей”».

Смрадное озеро со змеями и мучающимися отступниками — принадлежность западного конца земли. Путники же неизменно двигались на восток. Каким же образом они достигли крайнего запада? Движение по кругу исключено, ибо земля по схеме Скинии квадратна. К тому же иноки нигде не пересекали Океанскую реку. Остаётся предположить, что они потеряли ориентацию — лишь таким парадоксальным способом можно достичь полюса телесного существования. Вернее, НЕсуществования, если следовать современному философу Гейдару Джемалю, использующему в своей метафизике категории потерянности, тьмы («ночи») и полюса («севера»).

«Потерянность есть универсальная ситуация субъективного духа, — пишет Г.Д. Джемаль. — Север — это полюс несуществования [...], точка, в которой кончается космос. Этот полюс не является выводом из всех возможных ориентаций. Север представляет собой разрыв внутри сплошного бытия. Перед этим полюсом бытие останавливается и поворачивает вспять. Ни одна ориентация внутри космоса не

ведёт туда, это полюс невозможного. Все узлы бытия развязаны на севере. В небе севера отсутствует свет». Доступные формы пространственной ориентации (верх и низ, внутрь и наружу) последовательно отрицаются. Человек, движущийся к полюсу несуществования, отказывается от поисков «отцовства» (покровительства), «материнства» (опоры), от «совершенного я» и даже от спасения («проводника»).

Как ни странно, действия Феофила, Сергия и Югина, исходят из тех же принципов. «Любовь к Богу» (Феофил), избранная ими «во отца место», уже не руководит троицей, рискующей никогда не превратиться в единицу совершенного Я. Монахи безнадежно сбиваются с дороги, т.е. теряют всякую опору в бытии. Дух (голубь), служивший им проводником поначалу, исчезает, а свернув налево, они всё равно выходят к геенскому озеру.

Адские муки грешников оказываются полосой, предваряющей область сверхчеловеческих противоречий, олицетворённых титанами. «Пройдя ещё немного, мы встретили великана высотой в 100 локтей, прикованного меж двух гор веригами из меди. Вериги [тянулись] по всему его телу, которое обжигало пламя». Вопль Прометея разносился в округе 30-ти поприщ. Число наводит на мысль о критическом возрасте «средовека» (30 лет), до которого личность раздирается жизненными антиномиями, а затем освобождается от них тем или иным способом, существуя далее в относительно спокойном режиме.

На Руси были известны не только описания Прометеевых мук, но и соответствующие изображения. На IX колене архиерейского посоха из моржовой кости (XV в., хр. в Оружейной палате) наряду с другими античными мифологемами помещён Прометей с Орлом, клюющим ему печень. Выдающийся московский мастер, изготовивший посох, не копировал западные образцы. Если зарубежное влияние и прослеживается, то с более ранней эпохи: византийской или непосредственно греко-римской.

Следующая аллегория столь выразительна, что могла бы конкурировать с картами таро: женщина с распущенными волосами стоит на краю бездны. «Чудовищный змей обвил её с ног до головы. Когда она хотела вымолвить слово, змей бил её по устам хвостом и не давал говорить. А из глубокой пропасти доносились многочисленные

голоса, взывающие “помилуй нас, Господи! помилуй нас, Сын Бога вышнего!”». Учитывая пассивное свойство, приписываемое женскому началу, это, скорее всего, антиномия беззащитной сущности человека (которая сотворена безгрешной) перед Змием-искусителем, желающим ввергнуть её в «ров погибельный». Век от века дьявольское обстояние нарастает: если в списке XIV столетия Змий зажимал уста женщины «хоботом», то к XVII веку он уже хлещет им по губам.

Для демонстрации третьей группы нравственных противоречий избрана аллегория птиц, говорящих по-человечески. «На том месте находились деревья, похожие на смоквы. На деревьях сидели многочисленные стаи птиц, и речь их была подобна человеческой, и все они в один голос вопили: “Оставь нам, Владыко! помилуй нас, Господи, ибо мы согрешили больше всей твари!” Услышав и увидев такие чудеса, мы, убогие, поклонились Господу, прося: “Господи, открой нам чудеса сии, которые мы видели и слышали!” И когда мы молились Богу, пред нами расступилась земля и раздался голос: “Не дано вам знать этих дел, но идите своим путём”». Полуптицы «Слова о трёх монахах» это не сирины, опасные обитатели райской кущи, скорее они сами являются жертвами фурий — угрызений совести. На это намекает и присутствие смоковницы, чьи листья обозначали стыд, объявший прародителей по грехопадению.

Знакомому с учением индуизма о перевоплощении душ нетрудно сделать выводы. Однако христианство ещё на раннем этапе отказалось от доктрины реинкарнации. Картина душ, оказавшихся недостойных бытия в человеческом чине и пребывающих в положении низшей твари, так и остаётся до конца нераскрытой, хотя голос, раздающийся *de profundis*¹, свидетельствует за себя сам. Впрочем, как и ответ свыше «ни есть вы дано видети дел тех».

Черета аллегорий нравственных противоречий на этом завершается. Её сменяет загадочное видение, напугавшее странников гораздо сильнее. Четверо ангельских мужей, «образ которых невозможно описать», увенчанные коронами, с острым оружием стерегут скопище жут-

¹ Из глубин (*лат.*). Начало покаянного 130 псалма, который читается над усопшим.

ких змей. Эти фигуры сопоставимы с грозными посланцами VI трубного гласа (Отк. 9: 13—6), «связанными» при Евфрате. Однако, им доверена страшная сила, которая буквально *подстрекает* («стрекать», укусы змей) народы к войне (см. Хронику Георгия Амартола)¹. «Мы блюдем змей до Судного дня... Поднимитесь и идите с миром», — ободряют они монахов, павших перед ними ниц.

В руках небесные мужи держат золотые *палицы*, которые напоминали читателю шитую золотом одноимённую часть архиерейского облачения. Ελιγονάτιον или υλογονάτιον (наколенник) получил в Русской церкви имя более близкое к своей богословской символике, т.к. оно обозначало известный вид оружия и соответствовало месту Писания, читавшемуся при надевании «палицы»: «Препояши мечь Твой по бедре Твоей, Сильне» (Пс. 44: 4—5). Н.И. Троицкий отмечал, что помимо орудия духовной «защиты, отражения и поражения» палица несла символизм 4-х стран света, запечатлённый в форме квадрата. Число ангелов (четыре) и их оснащённость палицами указывают, что когда наступит Судный день, полчища змей, охраняемые ими дотоле, ринутся в отступивший от Евангелия мир сразу с 4-х концов. «Мы поклонились издалека и миновали их со страхом, *не чуя под собой души*».

Удивление, преобладавшее на первом этапе путешествия, за столпом Александра сменяется страхом. Причём страх смертный, связанный с угадыванием своей участи в мучающихся грешниках, — ничто по сравнению со священным ужасом, который излучает святыня. После нового 40-дневного перехода иноки окунаются в волны мирры и фимиама, разливающиеся от голоса величественного хора (ср.: Отк. 7: 9—10). Метафора «сладкоголосое пение» становится реальностью, когда странники ощущают, что их уста буквально слипаются... от мёда.

В невольном молчании они приближаются к собору изо льда. Его алтарь расположен не на востоке (как в обычных церквях), а посередине. Из ледяного престола бьёт белый как молоко родник бессмер-

¹ См. подробнее нашу статью «Вехи Страшного суда» (Волшебная Гора, 2002, № VIII, с. 317).

тия. Вокруг сверкающими колоссами возвышаются поющие мужи. Это не ангелы, хотя поют они «ангельские песни», но и не совсем люди — бессмертные возвело их на новую ступень иерархии. Это — венец синергии Бога и человека, «дети Церкви», и они вызывают трепет у простого смертного.

Разрешая сомнения путников, один из Бессмертных признаёт их достойными и велит испить воды из источника: «Вкусите и насладитесь». Фраза явно вторит слову «Кто благочестив и боголюбив» свт. Иоанна Златоуста, читаемому после христосования на пасхальной утрени. Слово Златоуста помогало собравшимся на праздник верующим «войти в радость Господа своего». Оно снимало психологический барьер, который возникал у человека, не удовлетворённого своим греховным состоянием перед ликом воскресшего Спаса. К радованию призывались все: первые и последние, трудящиеся и ленивые, постившиеся и непостившиеся.

Ближайшие подступы к источнику бессмертия также окрашены пасхальным символизмом. По церковному календарю за Светлым Христовым Воскресением следуют недели «о Фоме» (2-я неделя по Пасхе), «свв. жен Мироносиц» (3-я) и «о расслабленном» (4-я), в среду коей отмечается Преполовление, т.е. половина срока от Пасхи до Пятидесятницы. Двигаясь к ледяному храму, иноки, подобно любопытному Фоме, чувственно удостоверяются в реальности духовно-нравственных достижений: они «насыщаются *мирра* от гласа поющих», в изнеможении от благоухания засыпают и стряхивают с себя *расслабленность* лишь в преддверии белого престола.

На Преполовление в Русской церкви были установлены крестные ходы к местным *источникам* для малого освящения воды (великое производилось на Богоявление). Этот обычай, с одной стороны, восходит к словам Христа, который уподобил благодать Св. Духа — воде, спасающей жаждущих, и себя — источнику, а с другой — к иудейскому празднику Кущей. Ветхозаветный первосвященник выходил из Храма Соломона к Силоамскому роднику у подошвы Сиона, откуда черпал воду золотой чашей, а затем при звуке труб возвращался в Храм, смешивал воду с вином и возливал на жертвенник. Во время этого обряда народ не умолкая пел «великое аллилуйя», т.е. 6 псалмов

*Икона «Видение Иоанна Богослова» (деталь). XVII в.
Государственная Третьяковская галерея*

с 112-го по 117-й. Праздник Кушей, в свою очередь, был установлен в память о чудесном напоении древних евреев водой, которую извёл из скалы Моисей.

Страх, испытанный монахами перед лицом Бессмертных, ведёт их отныне по пути нарастающей радости. Сладость святой воды опять замыкает им уста на 3 дня. Иноки выходят к берегу широкой реки, на которой в 9-м часу разливается свет, семикратно превышающий своей яркостью обычный.

Семь здесь снова указывает на пасхальный цикл богослужений, открывающийся *Светлой седмицей*. 7 недель или 7×7 суток отделяет первый день Пасхи от Пятидесятницы. Этот праздник служит календарной аналогией для следующего эпизода из хождения: «И помолились мы на четыре стороны моря, и поднялись ветры в той земли, каждый особого свойства: западный ветер — зелёный, с востока солнечного, от рая — рыжий ветер, как бы с желтизной, от полунощи ветер — словно чистая кровь, а с полуденной стороны — ветер белый как снег. Солнце [в том месте] теплее обычного в семь раз».

Молитва пилигримов будит пневматический перводвигатель. Эта сцена удивительно похожа на Сошествие Святого Духа, описанное в Деяниях Апостолов. Будучи бестелесным, Дух обнаружил своё присутствие через чувственные знаменья ветра, шума (бурного дыхания) и огня¹. Согласно традиции, огнецветные языки распределились по числу апостолов и имели разные свойства, дабы огласить Благоую Весть в разных концах вселенной. В конце инспирации Сергей, Феофил и Югин ощущают себя в обновлённом мире высоких гор, чудесных деревьев и пёстрых птиц. Чудесного пресуществления не избежала сама земля — она стала двухцветной: красной и белой.

Одухотворённость окружающей среды подталкивает иноков к очередной метаморфозе. Путь к отступлению отрезан: странники могут либо добраться до рая, либо расстаться с жизнью. Это едва не случается с ними при столкновении с кочующим народом пигмеев. «... внезапно напало на нас множество мужей и жён и детей, взявшихся неведомо откуда. Юнцы их грозились победить нас, другие только

¹ См. нашу книгу «Мистика огненного креста» (М., 2005, с. 173—174).

дивились, и все они были чрезвычайно низкого роста. Завидев их, мы уstraшились, говоря между собою: “что, коли съедят они нас? ”».

Чтобы правильно расшифровать аллегорию, нужно вспомнить, что иноки не воины и в обычных боевых действиях, предполагающих победу или поражение, участвовать не имеют права. Речь о «невидимой брани» с помыслами, донимающими устремлённую к святости (земному раю) личность (состоящую из тела, ума и сердца). Низость *прилогов*¹-пигмеев указывает на вектор их приближения к душе — снизу, т.е. из области, психически отвечающей неоформленным инстинктам. Ведущая роль в отражении помыслов принадлежит уму-Сергию: «И сказал Сергей ко братии: “Давайте растрясём волосы у себя на голове и бросимся на них. Если же победим, то съедят они нас”». Обескураженные пигмеи вынуждены отступить, «скрежеща зубами» и «забирая своих детей», т.е. унося вместе с собой ассоциативные связи, которые были порождены первичными помыслами.

Победив пигмеев, странники находят белое растение (*лядину*) высотой с локоть. Последний этап путешествия они минуют, пожёвывая веточки этого растения, оказавшегося очень сладким. Но, самое главное, — «грызя ту лядину, мы изменились в лице, повеселели и стали прославлять Бога». Под действием загадочного растения личность, которую символизируют Феофил, Сергей и Югин, меняется. В списке XVII века сказано: «мы начали *мочь*», что следует понимать как расширение *полномочий* трансформированного сознания.

«Той землёй» иноки шли много дней. Данный отрезок пути единственный, длительность которого не оговорена точно. Для препон духовного роста ещё можно подыскать числовые эквиваленты, но окончательная перемена личности, следующая за перегруппировкой элементов сознания, с трудом укладывается в определённый срок. В финале хождения, когда монахи, совокупно символизирующие душу,

¹ «*Прилог* — помысл прост, или образ прилучившагося, новоявленне в сердце вносим, и уму объявляющся, — писал преп. Нил Сорский. — Еже просто реши: кая либо мысль на ум человеку принесена будет. И сие (прилог) глаголют безгрешно, и ниже похвалу имуще, ниже укор: понеже не в нашей силе есть. Невозможно бо есть, еже не быти к нам прилогу вражия помысла. Предупевших убо и совершенных есть сие, еже непоколебимым пребыти: но и сим бывает на время».

приближаются к пещере Макария, душа эта зримо превышает обычный уровень существования, воплощая его потенцию.

От предела возможностей человека их отделяет ровно восемь дней.

Пещера Макария Римского

А.Л. Никифоров, изучавший минейные и проложные редакции Жития Макария Римского, вычленил 22 эпизода хождения иноков в поисках парадиза. 21-м являлся приход в пещеру Макария и беседа с ним о земном рае, а 22-м — возвращение монахов в свой монастырь. Иероглифичность картин, возникающих на пути троицы-единицы, а, главное, — их число напоминает 30 ступеней «Лестницы» Иоанна Синаита: 22 эпизода дополнены эпизодами автобиографии Макария, рассказанной монахам¹.

До встречи с Макарием-пещерником душа, олицетворяемая тремя иноками, не имеет духовного руководства. Лишь боголюбивое сердце (Феофил) ведёт по пути духовной реализации. Не следует, правда, спешить, делая вывод, что авторы Слова отвергают институт земного наставничества. Обретение учителя связано в этом сочинении с входом во внутреннюю клеть — пещеру св. Макария. Семь эпизодов его жизни суть непосредственное подключение к аскетическому опыту, поэтому они вынесены в отдельный блок.

Штрихи, коими нарисован портрет Макария, действительно отражают предел человеческих возможностей, недаром его жилище расположено от рая всего в 20-ти поприщах. Пилигримы, забравшиеся в грот, натолкнулись на «человечье метание», т.е. экскременты (*метати* — «извергать», «выбрасывать»), и даже они — благоухают.

Тела святых представлялись выключенными из кругооборота природы, поскольку их составляющие достигли конечной точки трансформации. Так, в 1561 году преподобные Иоанн и Лонгина Яренгские, возвращаясь с материка в Соловецкую обитель, попали в бурю и

¹ В западноевропейской герметической традиции число 22 связано со старшими картами таро, отражающими разные стадии алхимического делания.

утонули. Их тела были обретыены нетленными на Карельском берегу в устье реки Сосновки за 120 вёрст от Соловков. Птицы, рыбы, другие морские или наземные звери не причинили им никакого вреда.

Вечером иноки познакомились с самим смиренным хозяином. С ног до головы Макарий оброс волосами, «и были власы его белы, как снег». Последняя деталь вызывала к жизни длинный ряд ассоциаций из Ветхого и Нового Заветов. «...омыши мя и паче снега убелюся», — читалось ежедневно в 50-м псалме на утреннем правиле. И, наконец, об апокалиптической фигуре Ходящего посреди Семи Светильников сказано, что «глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег» (Отк. 1: 14). Образ Ходящего — одно из высших человеческих подобий Божества. Безусловно, Макарий не «архиерей по чину Мелхиседекову» (отсутствует ряд признаков: подир, золотой пояс и т.д.), но — ближайший его аналог. Во всяком случае, нахождение мест райского блаженства не является секретом для старца. Его имя, Μακάριος, переводится как «блаженный». Макарий — тот, на ком почивают блаженства евангельские.

По его словам, плотский человек, рождённый от женщины, не может дойти до рая и зреть чудеса и силу Господню. Много сокрушавшийся о сём Макарий удостоился лишь явления ангела, который сообщил о непреодолимых препятствиях на пути к Эдему. Два ограждения, железное с медным, опоясывают рай за 20 поприщ отсюда, сказал ангел. Там сосредоточена страшная сила, лики херувимов и серафимов стерегут подступы к планетным кругам. Ангелы вооружены смертоносным пламенем, один их вид способен ужаснуть пришельца: от ступней до пупа они похожи на людей, грудь — львиная, голова — иной твари (в I минейном переводе Жития — змеиная), а руки словно из льда (во II минейном переводе — из хрусталя).

Лёд, кристаллоподобные конечности сверхъестественных существ — характерные приметы православной ангелофании вплоть до видений поэта-мистика Николая Клюева: «А когда мне было лет 18, я черпал на озере воду из проруби, стоя на коленях... Когда начерпал ушат, поднял голову по направлению к пригорку, на который я должен был подняться с салазками и ушатом воды. Я ясно увидел на пригорке среди нежно-синего сияния снега существо, как бы следящее за мною невы-

разимо прекрасными очами. Существо было в три или четыре раза выше человеческого роста, одетое как бы в кристалловидные лепестки огромного цветка, с окружённой кристаллическим дымом головой».

В ходе беседы иноки сознают, что их стремление добраться до рая при жизни (обернувшееся многими скорбями) есть не что иное, как «безумная суета». До встречи с Макарием они двигались по бездорожью и лишь в преддверии пещеры «нашли некое место с отпечатками людских стоп, по которым и пошли». В I минейном переводе сказано: «едва различалась на той стезе стопа человеческая; ей-то и наставлялись они по пути к пещере». *Наставление* возникает буквально при первых же следах Макария. Только сейчас, найдя учителя, братия вступают на подлинную духовную стезю. В их лице инициативное, дошедшее до порога земных желаний, но остающееся *внешним*, человечество сталкивается со смиренным, никогда не прерывавшим общения с Творцом и его ангелами, обитателем *внутренней* сердечной кельи.

Зайдя под своды пещеры, иноки глубоко сопереживают исповеди старца живописующей его собственное становление. Фактически это тоже путь к раю (ведь и Макарий задавался «суетным» вопросом), но вступил он на него не по личному желанию (пусть благочестивому), а по естественной потребности сохранить целомудрие. Эта нужда сливается для Макария с *слышанием* Бога и вытекает из послушания воле родителей. По их настоянию юный римлянин женится, но и они не вправе помешать спасению его души (что напоминает житие Макария Египетского). Жених сбегает в разгар брачного пира и скрывается у знакомой вдовицы.

Мотив побега будущего подвижника с собственной свадьбы весьма популярен в христианской агиографии: наиболее известный пример — житие Алексия, человека Божия (†411, пам. 17 марта). Расставшийся с молодой супругой Алексей также римлянин (его могила находится на Авентинском холме). В католических странах он стал патроном монашеского ордена алексанцев. На Руси в его честь из века в век слагали духовные песнопения, которым псковские калики успели научить Александра Пушкина (с. 274—277). Вдовица, однако, упомянута лишь в житии Макария, к тому же срок задержки у неё святого подробно оговаривается — 7 дней.

Если брачное пиршество — апофеоз жизни социума, блистающее навёршие родоплеменного мира, то дряхлая вдовица — нечто противоположное. В средневековой книжности в разных контекстах часто употребляли словосочетание «вдовствующая Церковь», например, в записи Рязанской Кормчей, 1284 г.: «Церковь вдовствующь сиречь без епископа и без ученья святых отець». Первообразом вдовствующей Церкви являлись скорбные дни Страстной седмицы с Великой пятницы на Великую субботу, когда Спаситель претерпел смерть. И поныне в храмах в эти дни выставляется плащаница — символ его положения во гроб.

Но Распятие Христово воспринималось не только как ежегодная дата. В каждом верующем, порабощённом страстями, Христос распинался ежечасно, а Церковь теряла в лице такого члена потенциального мистического Жениха. Сокровенный брак Спасителя со своей Невестой заключался через человеческую душу. Если же человек оказывался недостоем, духовно мёртв, Христос с ним спогребался, а Церковь-Невеста оплакивала вдовство. И наоборот: умерщвление страстей, восстановление в себе утраченного Образа, зримо выражавшееся через пострижение в монахи, встречалось Церковью с торжеством. В лице верного члена с неё снимались ризы вдовства.

Неслучайно, описывая в житии Сергия Радонежского его пострижение, Епифаний Премудрый указывает 7-дневный срок: «Когда [преп. Сергей] постригался, он не только постригал волосы на голове своей, но вместе с бесчувственными волосами он плотские отсекал желания; а когда одежды мирские сбрасывал, он с ними отвергал от себя эти желания. Это был тот, кто с себя ветхого человека совлекал и удалял, а в нового облачался. И, крепко подпоясавшись, приготовился он подвиги духовные мужественно начать, оставив мир и отрекшись от него и от всего, что в миру, от имущества и всех прочих житейских вещей... Находился блаженный в церкви *семь дней*, ничего не ел он, разве только просфору, взятую из рук игумена; от всего отстранившись, только лишь в посте и молитве пребывал». 7-дневным пребыванием Сергия в храме последний как бы обновляется, превращаясь в очаг божественного присутствия.

На это намекает и подбор псаломских стихов, вложенных в уста Преподобного: «Желает и скончается душа моя въ двory

Господня; сердце мое и плоть моя върадовастся о Бозе живе. Ибо птица обрете себе храмину, и горлица гнездо себе, иде же положи птенца своа. Блажении живушии в дому Твоем; въ веки веком въсхвалят Тя. Яко лучше есть день един въ дворех Твоихъ паче тысушь; изволих привметатися в дому Богу моего паче, нежели жити ми въ селе грешничих». Жизнеописатель преп. Сергия, еп. Никон (Рождественский), специально останавливается на особой радости возвращения в духовные пенаты, открывающейся иноку: «Мир не знает и не может знать тех благодатных утешений, какие ниспосылаются от Бога трудникам спасения. Мир видит только жестокость и тесноту пути иноческого, и, не желая расстаться со своим широки путём, отвращается подвига монашеского, называя его бесполезным, неразумным, даже преступным самоистязанием. Не будем говорить ему о том, что ему неудобопонятно: слепому бесполезно говорить о красоте цветов; но пусть бы мир внимательнее присмотрелся хотя бы только к плодам подвигов иноческих, и тогда бы он познал их великую силу в жизни нравственной и не стал бы называть их бесполезным упражнением».

Поскольку постриг Макария не описывается ни до, ни после этого эпизода, 7-дневное пребывание у вдовы можно считать аллегорическим рассказом об этом. Принятие ангельского образа Сергием Радонежским свершилось уже в пустыне, куда он удалился; Макарию же ещё предстояло найти себе пристанище. Из дома вдовы святой отправляется в путь, «поднявшись в полночь, в мёртвое время». Сам архангел Рафаил под видом старца становится для девственника гидом.

— Куда бы ты ни замыслил пойти, я буду сопровождать тебя, — договаривается с ним божественный врачеватель (Рафаил с иврита — «врач Божий»).

— Наставь меня на путь жизни, господин, — отвечает Макарий, ещё не догадываясь, что перед ним ангел.

Трёхлетние странствия юноши и Рафаила — образец послушания старцу-учителю (изначально отсутствовавшему у Феофила, Сергия и Югина). «И пошёл я вслед ему по земле, и начали мы просить милостыню себе на пропитание». Приведя молодого человека в пустыню, архангел вдохновляет его: «вот ты вышел из тьмы и пришёл к свету».

Оставшись один, Макарий при помощи заклятия именем Божиим укрощает онагра (дикого осла) и оленя, т.е. плоть и душу. На каждого зверя у него уходит по 2 дня, в течение которых те заводят его всё дальше в пустыню, хотя тот не жаждет скрыться от людского общества («Приведи меня к месту жилища человеческого», — просит он онагра). Сталкиваясь с новым животным, предыдущее пугается и убегает.

На 5-е сутки к Макарию выползает змей (дракон в греческом тексте), который провожает его вплоть до дверей горной пещеры. Змей соответствует земной мудрости. Он не сбегает от Макария, а вдруг превращается в юношу, каким ещё недавно был сам святой.

В проложных редакциях онагр, олень и дракон заменены на льва, змия и голубя, которые нагружены несколько иным смыслом. Семь эпизодов, последовательно развёрнутые в других редакциях, в Прологе отсутствуют, из них оставлено лишь водительство ангела и животных. Следовательно, всё содержание этих эпизодов сведено к символам льва, змия и голубя, о чём ниже.

Усыновление скимнов

Юноша-змей сообщает Макарию новость: горная пещера была уготована для него уже 12 лет тому назад. Приход подвижника свершился как нельзя вовремя — ещё чуть-чуть и случилось бы непоправимое. В пещере Макарий обнаруживает мёртвую львицу и осиротевших львят, поникших от голода, «ибо не имели они молока, чтобы сосать». «И кормил я их желудями дуба, а мать их схоронил».

Образ двух скимнов (т.е. молодых львов), ставших верными союзниками святого, пожалуй, один из наиболее загадочных. «Львищица», «отроки» или «детища», как именует их пещерник в разных списках, навещают его ежевечерне (что в первый раз до смерти перепугало пилигримов). Звери присутствуют на богослужении, а молящихся вместе с ним иноков норовят обнять лапами за шею или облизать.

Может показаться, что это очередная идиллия на тему совместного проживания животных и человека, нарушенная грехопадением и вос-

становленная Новым Адамом-Христом (*paх profundis*¹ из Ис. 11: 6—8). Подобным образом «львиная» тема трактовалась в известных на Руси житиях преп. Герасима, мч. Маманта и др. В аскетизме хищники (особенно лев) олицетворяли личностные негативные установки — страсти.

Поговорка «жить в обидах, что со львом во рвинах» восходит к истории пророка Даниила, брошенного в львиный ров и оставшегося невредимым в течение 6 дней. На русских иконах Даниил часто изображён вместе со львами (клеймо южных дверей собора Рождества Богородицы в Суздале, 1222—1225). Причём число их (от трёх до семи) не просто отсылает к библейскому эпизоду, но декодируется образом Христа, принявшего природу человека, но непричастного страстям. В «Притче о пяти чувствах» XVII века говорится о первозданной бесстрастности человека: «Лютое и лукавое злодейство не вселилось ещё в его сердце. Так же как Даниилу, ввергнутому в львиный ров, Адаму покорялись лютые [звери], облизывая его ноги и никак не вредя плоти». На царских вратах того же столетия из Синозерской пустыни семеро Львов вокруг Даниила обозначают семь главных страстей, а их усмирение помимо пророческого имеет аскетический подтекст.

В Житии Макария Римлянина дело обстоит сложнее. К двум «львичищам», усыновлённым святым от мёртвой матери, позже добавляется ворон, носящий Макарию хлеб. Ворон считался в православии слугой пророка Илии, доставлявшим ему мясо и хлеб в пустыню (3 Цар. 17: 6). В этом качестве его помещали на иконах; сопутствовала эта птица и другим отшельникам. Вообще, крылатость и спуск с небес делали птиц символами божественных дарований. В окружении Макария ворон соответствует дару пронизательности: по его прилёту во время визита монахов пещерник уверяется, что перед ним истинные рабы Божии.

Львы Макария напоминают райских стражей (которые являются львами на треть) и частично исполняют их функцию. Одна из древнейших композиций со «стражем священного места» (термин Жерара де Шампо и дона Себастьяна Стеркса) представляет львиную пару, расположившуюся по сторонам от символа светила, Мирового древа или божества².

¹ Глубокий мир (*лат.*).

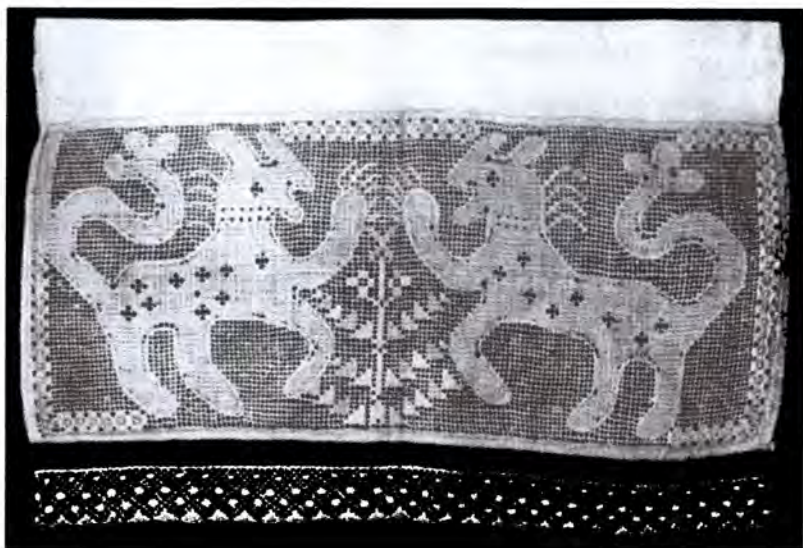
² Подробнее см.: Багдасаров Р. В. Христианская символика льва в русской традиционной культуре // Православие и русская народная культура. 1996. Кн. 6. С. 61—107.

Пророк Даниил во рву львином. Икона XVII в.

Скимны находятся за гранью людской среды обитания: «от земли человеческой пришла братия ко мне», «от мира человеческого пришли ко мне гости», — на всякий случай успокаивает зверей отшельник. В финале он наказывает львам проводить Сергия, Феофила и Югина «до тёмных мест», т.е. до столпа Александрова. Там оба льва раскладываются с путниками и поворачивают восвояси.

Макарий обнаружил львят в пещере, рядом со скончавшейся матерью, словно препоручившей ему детёнышей. И зовёт их «отроками», а то и напрямую «чадами». На портале собора в Мариентале Львица, заградившая лапами своего детёныша, символизировала неусыпную защиту от зла, которую обретают верующие в храме. Став приёмным отцом для львят, Макарий принимает попечительство над

Полотенце 1865 г. Рыбинского уезда Ярославской губернии

даром Божиим. Для его успешного возрастания необходима поистине отцовская бдительность (в аскетизме — *трезвение*). Думается, что под *скимнами* подразумеваются благодатные способности, которые могут проявляться вследствие духовного бодрствования, выводя их носителя за границы обычного опыта и сближая с высшими мирами. Так, о преп. Макарии Египетском говорится, что, когда ему исполнилось сорок лет, он получил от Бога три дара: чудотворения, пророчества и власть над нечистыми духами. История искушения Макария-пещерника убеждает в этом выводе.

«Отец Сергей» как антитрадиция

...Мотив адюльтера подвижника пришёл в европейскую книжность с Востока и прочно там обосновался. В начале XX века его перекроил Лев Толстой, создав своего «Отца Сергия» (повесть была опубликована после смерти писателя). Литературоведы с самого начала обратили внимание на перелицовывание Толстым эпизодов житий преподобных Иакова Постника и Мартиниана, историй Скитского

патерика, поучений Пролога. Впоследствии круг гипотетических источников «Отца Сергия» был максимально раздвинут. Туда при-тянули даже Моисея Угрина из Киево-Печерского патерика и прото-попа Аввакума Петрова. Литературовед Анна Гродецкая указала на отметки Л.Н. Толстого на полях истории искушения блудницей старца Философа и на житии Арсения Великого, где проскальзывает эпизод «соблазна женского».

Исследователи упускают одну деталь: Толстой не писал повесть о конкретном монахе, он создавал *антижитие*, принципиально заострённое против монашества как такового. Главным тезисом, который пытался оспорить писатель-философ, было традиционное представление о христианском посвящении, т.е. святости, как её понимало монашество, а вслед за ним вся Церковь. В истории князя Степана Касатского без труда обнаруживаются реалии Жития Макария. Создавая псевдожитийный текст, Л.Н. Толстой использовал разные приёмы агиографии, пытаясь собрать их в фокусе нужного для него образа. Житие Макария Римского появилось на заре монашеского аскетизма, поэтому искушение подвижника блудницей носит там характер матрицы. С ней-то и столкнулся гений Толстого, потерпев почётное поражение: Лев Николаевич так и не смог закончить «Отца Сергия».

Есть какая-то мрачная тайна в том, что два популярнейших проповедника христианских идей в России, о. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой, не захотели понять друг друга. Трудно судить, кто из них оказался более прав, ибо старый мир, которому они пытались дарить свою любовь, был обречён и рухнул вместе с началом великой войны.

Если внешне конфликт Толстого с Церковью выразался в критике её закосневшей структуры и догматизма, то внутренним камнем преткновения для Льва Николаевича служило православное старчество, над разгадкой которого он бился до конца жизни. Существование духовно сильной, по сути независимой от Синода, но не вступающей с ним в конфликт, к тому же монархически-верноподданной, горизонтальной линии посвящения в Русской церкви раздражало порвавшего с православием учителя жизни.

Начиная с 1841 года Толстой не менее семи раз посещал Оптину пустынь, мистический центр «преемственности, ведущейся из Валахии, монахов, безропотно подчиняющихся избранному руководителю и учителю». В последний раз он остановился перед калиткой, ведущей в Оптинский скит незадолго до кончины 28 или 29 октября 1910 г. И не решился толкнуть её. Толстой не вошёл в Оптинский скит, а скитоначальник, архимандрит Варсонофий, приехавший к писателю, чтобы исповедовать его, не был допущен к одру умирающего.

Пересказывать рассказ об искушении Макария нет нужды. Лучше сопоставить подробности, носящие, как и всё в Житии, аллегорический характер, с текстом «Отца Сергия». «Дьявольский соблазн» в образе девицы начал преследовать отшельника по истечении 12-ти (в минеях — 2-х) лет, указано даже время суток — 7-й час. Толстой тоже на каждом шагу отмеряет монашескую жизнь о. Сергия: в повести искушение с Маковкиной происходит на 14-й год после ухода из мира и на 5-й год затвора, а падение с купеческой дочкой на 22-й год ухода и на 13-й уединения. Если Макарий подвергается соблазну единой, то у Толстого (как и в более поздних житиях) дважды: начальная победа лишь укрепляет гордыню Касатского. Её разрушение становится финальной целью провидения.

И в Житии и у писателя воспроизводятся те же стадии классической «мысленной брани», заканчивающейся победой страсти над иноком. Наваждение подбирается к Макарию через беспокойство, нарастающее вместе с количеством предметов женской одежды, найденных им возле пещеры. За «прилогами» (которые иноки успешно отразили, воюя с пигмеями), если пустить их в сердце, следуют «сочетание», «сложение», «пленение» и, собственно, «страсть». Эти этапы выделяет преподобный Нил Сорский, принадлежавший к той же школе «умного делания», что и оптинцы.

Контакт с наваждением делается всё более плотным до полной материализации. Сначала Макарий замечает разбросанные повсюду предметы женского туалета (*прилог*), затем поднимает их с земли и вносит в пещеру, забывая перекреститься на ночь (*сочетание*). Утром он встречает самую прекрасную обладательницу вещей, плачущую перед входом в «позлащенных ризах». Пожалев девицу, Макарий «приях ю

за руку» — чёткая вежа 3-й стадии, *сложения* (ср. у преп. Нила: «Сложение же *приклонение* сластное души, к явльшемуся образу бываемое. Се же есть, егда кто представляемая от врага образы приемля, и с ними глаголя мысленне»). Чтобы накормить несчастную, подвижник отступает от привычного рациона и добывает для неё латук («бредок»). Ночуя с ней в одной келье, он по-настоящему *пленяется*: «Она же, встав, легла рядом и, сняв с меня пояс, ощупала руками всё моё тело. Я же лежал как мёртвый, не сознавая совершающегося зла».

Со времён архаических культов пояс интенсивно насыщался охранительной символикой, ибо воплощал честь и свободу. Каждый уважающий себя русский в Средние века не позволял себе пройтись распоясанным даже по избе. В аскетическом смысле отрешение пояса значило духовную расслабленность и порабощение помыслу. Пояс играл важную роль в иноческом облачении. Поступивший в монастырь становился послушником после того, как настоятель благословлял его носить подрясник с *поясом* и скуфью. «Поясы означают способность Небесных Сил охранять в себе плодотворные силы, и сосредоточенность их действия в одной цели, утверждённого навсегда в одинаковом состоянии, как в правильном круге», — писал св. Дионисий Ареопагит. Лишение пояса было равносильно пленению (что, кстати, до сих пор не потеряло актуальности в армии) ¹.

И, наконец, — сцена падения. «Тогда же я решил согрешить с ней и, проснувшись, обнял, для того чтобы сотворить грех, и возлёг на неё. Но её вдруг подо мной не оказалось. Она исчезла с глаз моих. Я же, грешник, лёг на землю и, опомнившись, осознал стыд произошедшего».

Насмешка Сатаны в том, что Макарий поверил искусительнице, будто она, как и сам святой, — «тварь Божия», хотя «она была лишь искушением» и «обманом» (*лестью*), бесовским наваждением. Вся суетная ложь, которой хотел убежать Макарий, воплотилась в этом фантоме, представившемся Марией, соотечественницей («я из Рима») и ровней по происхождению («дочь богатого человека», вариант:

¹ См. подробнее о символике пояса нашу книгу «Мистика огненного креста» (с. 299—301).

«государственного советника»). Сама причина, по которой та очутилась в пустыне, сходна с обстоятельствами жизни Макария: «Она же, горько плача, говорила: “Я, окаянная, понуждена была родителями на заключение брака. Не желая сего, я, втайне ото всех, сбежала от своего суженого и, блуждая по горам и пустыням, дошла досюда, не ведая, куда иду”». «В пустыни сей хощу и аз жити», — лопочет она Макарию, утирая слёзы.

Это уже не просто сходство, это почти идентичность. Недаром душа святого объята «трепетом». Римлянка Мария производит впечатление женской половины Макария Римлянина. Она кажется «анимой» его беспорочной души, если применить терминологию К.Г. Юнга. Это подделка той сущности, которую рыцари позже назовут «дамой сердца», не в смысле внимания к плотской женщине, а упорно взыскав второй половины себя.

Не всеу помянут и 12-летний срок: ведь именно столько времени ожидала пещера Макария. Пока тот странствовал, не дремал и дьявол: ложное alter ego созревало и готовилось к встрече с подвижником. Во II минейном переводе Макарий не просто ложится на землю рядом с девицей (как в I), а входит с ней во «внутреннейшую пещеру» после молитвы, дабы безмолвствовать. Он впускает её во святая святых своего сердца и, поверив в подлинность Марии, желает совокупиться с ней¹. Но в том-то и дело, что Макарий настоящий: он уже физически не способен принять иллюзию человеческого существа, лживую личину, подsunутую дьяволом.

Л.Н. Толстой тонко улавливает прототип, но его волнует не передача традиции, а её приспособление для трансляции собственных взглядов. Так, князь Касатский порывает с невестой, руководствуясь «естественным» порывом, как и Макарий, хотевший сохранить целомудрие, но к этому чисто психологическому мотиву писателю важно прибавить антицаристский пафос (невеста Касатского — бывшая любовница Николая I). Келья отца Сергия — «пещера, выкопанная в горе». Маковкина приезжает к Сергию, когда тому «за сорок», а св.

¹ В проложном «Слове о черноризце», в житиях препп. Мартиниана и Иакова соблазнительнице не удаётся проникнуть во внутреннюю келью, что предвосхищает победу над искушением.

Макария соблазн постигает на 48-м (по др. спискам — на 40-м) году жизни. Как и наваждение пустынноика, Маковкина всю дорогу кутается, но не в позлащённые ризы, а в белую собачью шубу. Когда её глаза впервые встречаются с глазами о. Сергия, происходит эффект «узнавания» друг друга, присутствующий в Житии Макария. «Я не дьявол, я просто грешная женщина, заблудилась — не в переносном, а в прямом смысле, измерзла и прошу приюта... Это бесчеловечно», — лжёт и притворно плачет Маковкина (ср.: «я тварь Божия» и т.п. в Житии).

В сценах соблазна Толстой мастерски даёт ощутить приближение инферно. Сергей вначале слышит колокольчики, стук, голос Маковкиной («ему хотелось слышать»), затем видит её сквозь стекло, вступает в беседу, толкает через дверь, видит непосредственно, обоняет запах духов. Те же 5 стадий невидимой брани, переложённые на язык сенсорики: слух, зрение, речь, осязание, обоняние. Возникает и само имя Марии, но не когда Сергей торжествует победу, а при его «побеждении». Купеческая дочь «взяла его руку и прижала её к своей груди [...] Она взяла руку и поцеловала её, а потом одной рукой обвила его за пояс и прижимала к себе». Толстому важно подчеркнуть, что на сей раз о. Сергия, доведённого до ручки ложной верой, не смущает прелюбодеяние с бесноватой: «Марья. Ты дьявол», — констатирует он. «Ну, авось ничего», — отвечает та, а Сергию уже море по колено.

Житие Макария породило монашескую традицию, повесть Льва Толстого была задумана, чтобы похоронить её. Но вот что поучительно. Храбро атакая на православную ментальность, Лев Николаевич сражался с собственными психологическими установками (мы имеем в виду Толстого-писателя). Он, по-видимому, так и не сумел освободиться от женофобии, свойственной восточнохристианскому монашеству и проистекающей из онтологического принижения женщины. Кроме того, писатель задался целью продемонстрировать ложность духовного авторитета, его бессилие перед лицом нового времени. «Горе их, что они живут чужим трудом. Это святые, воспитанные рабством», — критикует он оптинцев 28 февраля 1890 года, размышляя над повестью. В лице о. Сергия он попытался нарисовать

портрет православного старца. Старцы — продукт человеческого общества, хочет доказать писатель.

В книге покаявшегося спирита В.П. Быкова приведена любопытная история, которая проливает новый свет на историю создания «Отца Сергия»: «Как-то во время общесемейной беседы у Л.Н. Толстого коснулись разговора о старцах. Г. заявила, что она не боится никаких старцев и уверена, что она приведёт в весёлое настроение самого “елейного” старца... Вся компания, бывшая у Толстого, решила отправиться в Оптину к старцу Иосифу и стала просить Л.Н. поехать вместе с ними. Сам Толстой не особенно доброжелательно отнёсся к этой затее, но тем не менее согласился, и все поехали. Был хороший, очень ясный день. Когда прибыли в Оптину, народу у старца было видимо и невидимо. Компания расположилась шумным бивуаком у стен скита и терпеливо дождалась, когда очередь приёма старцем дойдёт до Г. Продолжительное ожидание сглаживала необычайная игривость девицы, которая должна была идти к старцу, и, несмотря на уговоры Л.Н., которому всё это очень не нравилось, твёрдо решила развеселить и старца. Наконец, девица скрылась в келье. Прошёл час. Девица не выходит от старца. Другой — её тоже нет. Третий — компания присмирела. Л.Н., страшно недовольный, уехал один. И спустя только 4 с половиной часа г-жа Г. вышла от старца Иосифа с опухшими от слёз глазами. И, к удивлению всех, заявила, что она с ними не вернётся, а поедет в Шамордино, где она и осталась навсегда в качестве монахини».

Толстоведы предпочитают не упоминать об этом эпизоде. Возможно, он им просто неведом. Возможно, слишком напоминает жития святых Иакова и Мартинаана, где некие мужи подговаривают блудницу прельстить подвижника. Этот случай стал известен Быкову после посещения Оптиной, которую воспевают его книга. В душе-спасительных целях оптинцы вполне могли соединить сюжет «Отца Сергия» с равнодушием писателя к своей обители. В таком случае перед нами — ответ традиции личности, дерзнувшей манипулировать ею. Ответ, не лишённый иронии, воссоздающий даже характерную для Толстого психологическую атмосферу.

Нельзя недооценивать честность художника — Лев Николаевич не описывал плодов аскетического подвига, потому что не видел их и не

понимал. То, что Толстой обычно преподносит как проявление Бога в человеке (не только в «Отце Сергие», но особенно в «Воскресении»), не выходит за рамки чисто человеческих настроений и чувствований и весьма далеко от тех действительно сверхчеловеческих способностей, которыми наделяется подвижник на высших ступенях духовной лестницы. Толстой путает душевные качества «чистоты, смирения и любви», которые должны быть естественно присущи христианину, со сверхъестественными *дарованиями*, получаемыми для определённой свыше миссии (чудотворения, пророчества, различения духов и т.п.). Старцем в православии мог считаться только носитель этих особых даров, получение которых, разумеется, зависело от положительных душевных качеств, но не столько от них, сколько от воли Божией. Толстой же пытается свести харизматическое служение к явлениям массового и персонального психизма («он делал всё больше и больше для людей, а не для Бога»). Если бы строгий апологет Традиции Рене Генон познакомился с содержанием «Отца Сергия», он немедля предъявил бы Толстому обвинение в подлоге «сверхсознания» — «подсознанием», и «надчеловеческого» — «подчеловеческим».

Угадав ряд психологических мотивов Жития Макария Римского, Лев Николаевич не смог продвинуться дальше, ибо, по свидетельству православного мистика М.В. Лодыженского, впервые познакомился с «Добротолюбием» только на пороге смерти, летом 1910 года. Когда Лодыженский прочёл ему отрывок о символике круга, радиусов и центра из Аввы Дорофея (VII в.), входящий в «Филокалию», Толстой «пришёл в восторг, побежал в другую комнату и принёс письмо, в котором был нарисован треугольник. Оказалось, что он самостоятельно почти схватил мысль Аввы Дорофея. [...] А через несколько дней Л.Н. приехал за 40 вёрст к М.В. Лодыженскому, живущему под Тулой, и читал у него разные места “Добротолюбия”, очень сожалел, что раньше не знал этих книг».

В Житии после падения Макария его приёмные чада, скимны, покидают подвижника: «А льявта разгневались и, взирая на мой грех, кивали головами. Я звал их, но они не шли ко мне». Благодатные способности исчезли, скимны не принимают корма из руки грешника. Их 10-дневное отсутствие толкает подвижника покинуть келью, но

архангел Рафаил снова вразумляет его: Макарий не вправе «бежать от лица грех своих» — он должен расплачиваться по счетам. Сергей у Л.Н. Толстого, наоборот, постоянно бежит от внутренней борьбы: из монастыря в затвор, из затвора к подруге детства Пашеньке¹, от Пашеньки — бродяжить, из бродяг — в Сибирь. Принятие ответственности за свои поступки подменяется броуновскими метаниями. Чтобы оправдать их, Толстой вкладывает в уста ангелу повеление о Сергию уйти из затвора.

Нельзя не обратить внимания на переплетение коллизий повести с биографией самого писателя, для которого побег из дома превратился постепенно в *idée fixe*². «Так и напишите: хотя он и Лев, но не мог разорвать кольца той цепи, которою сковал его Сатана», — скажет о Варсонофий постфактум.

Искушение у Л.Н. Толстого по сравнению с другими эпизодами выглядит совершенно размыто, ибо здесь окончательно рвётся нить, связующая писателя с традицией. Неубедительность финала и надежда найти для него верные краски послужили, видимо, причиной, по которой Лев Николаевич так и не закончил работу над произведением. В Житии, однако, именно искупление греха становится триумфом внутреннего делания Макария.

Светопреставление зимой

При помощи символического языка далее описан процесс, который называется исследователями посвятительной (инициатической) смертью. Макарий умоляет скимнов выкопать ему в углу пещеры яму глубиной в рост стоящего человека. Погрузившись туда, он в течение 3-х дней упрасивает их зарыть его с головой (в списке «Слова...» XVII в. число дней увеличено до 5-ти). Наконец, плачущие львы погребают живого мертвеца. В этом эпизоде излагается доктринальная истина, которую никогда не сможет осознать человек, рефлексии-

¹ Мотив праведницы в миру, превзошедшей своими добродетелями отшельника, также заимствован Л.Н. Толстым из агиографии раннего монашества.

² Навязчивая мысль (*фр.*).

рующий на темы аскетизма, но не практикующий его. Удостоенный духовных дарований, а затем потерявший право быть их носителем, либо окончательно теряет дары, либо *от них же* принимает смерть. Макарий выбирает последнее.

«И был в яме я три года, весь покрытый землёй, и не умер, ибо Господь — заступник мой. И настала Великая Зима по Божьему повелению, и разошлась земля над моею главою, и отверзлась яма. Встав, я увидел свет и прославил Бога, очистившего беззакония мои. И донёсся до меня голос, говорящий с небес: “Не пришёл Я для праведных, но — грешных спасти и к покаянию привести”. И вылез я из ямы и хожу до сего дня». В минейных переводах посвятительная смерть и второе рождение описаны иначе. После строгого 40-дневного поста отшельник видит пещеру, озарённую божественным сиянием. Ему является муж, одетый в порфиру (признак верховной власти в Римской империи). «...и золотой венец на главе его с многоценными камнями, и пел он чудную невыразимую песню, и голос его такой же, как у большого хора. И когда окончилось то божественное пение, пещера сразу исполнилась благоуханием, а затем явившийся стал невидим. Когда же он восходил на небо, произошло землетрясение, громы и молнии. Я же изумился и 70 дней пребыл безгласным».

И та и другая сцены выражают светопреставление индивидуального масштаба. Внутренние часы Макария бьют полдень Апокалипсиса. На нём исполнилось обетование Христово: «Претерпевший же до конца спасётся» (Мф. 24: 13). Описание Мужа, облачённого в багряницу, явно соотносится с Ангелом, снимающим 7-ю печать в Откровении Иоанна Богослова. Фимиам, дымящийся от его золотой кадиланицы, заполняет всё пространство. Голос многочисленного хора, «молнии, громы и землетрясение» явно напоминают «гласи и громы и блистания и трус» из 8 главы Апокалипсиса. По толкованию Андрея Кесарийского, разрешение 7-й печати означает переход от земного жительства к небесному, который и свершается с переродившимся Макарием.

«Великая зима», о которой идёт речь в одной из версий Слова, относится к весьма архаичным образам Конца времён, поскольку память о ней сохранялась до прихода христианства как на севере Европы, так и

в Средиземноморье. «Наступает лютая зима, что зовётся Фимбульветр (Великанская зима), — повествует “Младшая Эдда”. — Снег валит со всех сторон, жестоки морозы, и свирепы ветры, и совсем нет солнца. Три таких зимы идут сряду, без лета. А ещё раньше приходят три зимы другие». Затем перечисляются бедствия, грозящие вселенной. Обращает на себя внимание цифра 3, фигурирующая также в Слове. Хотя германская мифология вряд ли влияла на монашеские предания Восточной Церкви. Образ губительной зимы скорее коренится в православной эсхатологии, где всемирная катастрофа происходит после трёхлетнего царствования Антихриста. Сцена, когда над головой Макария расходуется земля и доносится голос, напоминает стихи Евангелия и пророчество Откровения: «Наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения» (Ин. 5: 28—29); «смерть и ад отдали мёртвых, которые были в них» (Отк. 20: 13).

В Прологе, где опущено хождение Феофила, Сергия и Югина (хотя сами они упомянуты), эпизоды биографии Макария, как уже говорилось, сведены к его встрече с ангелом-старцем и тремя животными (см. особенно III проложную редакцию). Их символику теперь разъяснить совсем не трудно. Архангел Рафаил безусловно обозначает Божие попечение об отшельнике, лев — телесные испытания, «страшный спутник» змий — духовную брань, а появление голубя совпадает с вселением Макария в окрестности Эдема. Осенение Святым Духом венчает подвиг.

Расставаясь с иноками, Макарий просит возложить руки на своих «детищ» скимнов и благословить их. Монахи, в свой черёд, спрашивают благословения у Макария. Так, недавно раздробленная душа обретает целостность через нравственную чистоту и благодатные дарования учителя. Согласно минейным переводам, иноки с края земли опять переносятся в её центр Иерусалим, а оттуда, поклонившись святыням, возвращаются в свой монастырь. На них (как на Зосиму в «Хождении к рахманам») отныне возложена миссия свидетельства о блаженном пещернике.

«Слово о трёх монахах» («Житие Макария Римского») включало два маршрута к Парадизу. Один, проложенный через 22 пун-

кта (нижний пролёт Лествицы Иоанна Синаита), совершает троица, образующая в финале единицу. Второй, под опекой архангела, лежит через 7 жизненных коллизий, через принятие ответственности перед высшими силами, через расщепление надвое собственной души и её нового восстановления в вечности (верхний пролёт Лествицы). Земной рай мыслился на протяжённости земли за пределами времени. В этом смысле надо воспринимать *невозвращение* спутников Моислава Новгородца, попавших в рай (с. 53), и Макария Римлянина, обитающего у его преддверия. Потому и путешествие в «Слове о трёх монахах» протекает вне времени (о чём свидетельствует возвращение иноков в свою келью). Автор жития лишь «забывает» добавить, что они вернулись не только в то же место, но и в тот же час.

ВЕЧНАЯ РЯЗАНЬ **Значимости Русской Атлантиды¹**

Невидимый стержень

Современная российская цивилизация — результат тысячелетней интеграции составляющих её культур. Сегодня её принято рассматривать под углом сопряжения разных этнических и религиозных укладов, забывая о том, что сам русский этнос и русская культура не являются неким железобетонным монолитом. Культура Руси, взятая в своём многовековом развитии, скорее напоминает деревянную северную церковь. Она производит впечатление удивительной слаженности, но практически каждый из её элементов — крыльцо, трапеза, клиросы, паперть, рундук — может поменять свой вид и место, вплоть до трансформации всего здания.

Чтобы осмысленно продолжать строительство культуры на новом этапе, необходимо различать компоненты, из которых состоит её ствол. Общая логистика здесь усматривается во взаимодополнительности ради внешней целостности и внутреннего воспроизводства уже интегрированного архетипа. Важнейшим периодом складывания

¹ При участии Александра Рудакова.

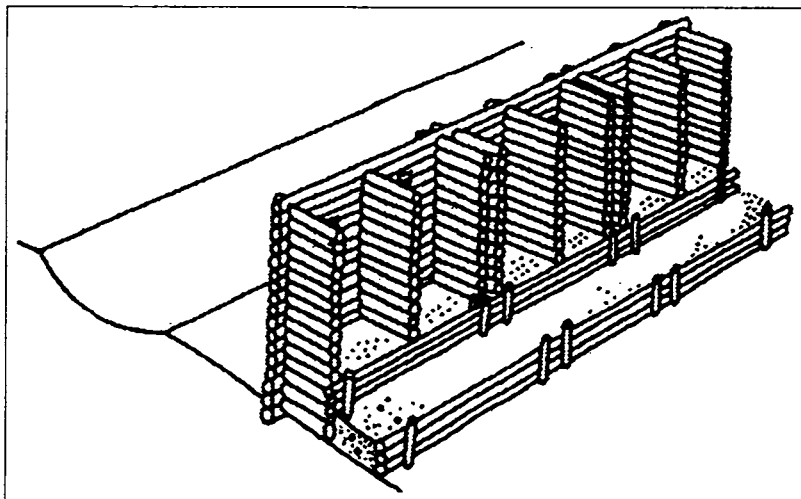
великорусскости оказываются века децентрализации Киевского Великого княжения (XI—XIII вв.) и обратный процесс выявления новой столицы, протекавший в XIV — первой половине XV века.

Попытка наложить на домонгольский период трафарет «феодальной раздробленности» провалилась. «Необходимо отказаться от понижения всей [этой] эпохи как времени регресса, движения вспять, — вынужден был признать Борис Рыбаков. — Феодалная раздробленность являлась, как это ни парадоксально, результатом не столько дифференциации, сколько исторической интеграции». Позднее пробовали просеивать факты древнерусской истории сквозь сито противопоставления Севера Югу. Однако этот нехитрый метод больше соответствовал журналистским клише (особенно после распада СССР), чем реноме академической науки. Начиная с разграничения владений между Ярославом Мудрым и его братом Мстиславом в 1026 году Русская земля делилась в меридиональном направлении (по Днепру), а границы уделов Рюриковичей располагались отнюдь не вдоль оси Север—Юг.

Наиболее гибкую модель истории Древней Руси предложил американский славист Хенрик Бирнбаум. Он рассматривает её как поле взаимодействия нескольких микрокультур. Так, период децентрализации Киева являлся, по Бирнбауму, системой, состоящей из четырёх микрокультур: южной (Среднее Поднепровье с центром в Киеве), юго-западной (Галицко-Волынское княжество), северо-западной (Новгородская республика, Псков), северо-восточной (Владимиросуздалское, затем Московское великое княжество).

Что можно добавить к этому подходу? В «чистом» виде (без материальной, точнее, вещественной составляющей) культура является взаимосвязанной совокупностью значимостей: религиозных, интеллектуальных, художественных. Это творческая продукция, транслируемая сквозь поколения. Микрокультуры Руси могут рассматриваться как набор потенциальностей, который затем реализуется по ходу развития российской цивилизации.

Старая Рязань, основанная в начале XI века, просуществовала в качестве столицы менее столетия: с середины XII века до 1237 года. Её превращение в средневековый мегаполис произошло скачкообразно,

Ряд деревянных клеток. Так выглядело первое известное нам укрепление Старой Рязани. Первая половина XI в.

что говорит о колоссальной аккумуляции жизненного потока. Однако самая молодая из стольных городов Руси, Рязань так и не восстановилась на прежнем месте. Её имя в конце XIII века унаследовал другой город, прежде называвшийся Переяславлем Рязанским. Пустое городище Старой Рязани стало знаком ч истой потенциальности, «Атлантидой», лишённым телесности стержнем, вокруг которого начала формироваться история новой Руси.

Крещение как процесс

При всём удобстве метод микрокультур вряд ли может претендовать на совершенство. Главная причина та, что с его помощью не удаётся обозначить структурообразующий для истории Древней Руси процесс. В то же время медиевистам вполне очевидно, что так называемая «борьба за централизацию» (или сопротивление оной) не объясняет ни мотивов поведения ведущих исторических деятелей, ни основных тенденций развития земель и городов.

Видение структурообразующего процесса представляет серьёзную проблему и для современной политологии. От его описания зависит

не только наше отношение к прошлому, но и прогнозирование для будущего.

Откуда вести отсчёт России? Если опираться исключительно на экономическую теорию, то несложно прийти к браваре Анатолия Чубайса, который провозглашает, что подлинная история страны стартовала с 1992 года, синхронно с осуществлявшимся им пакетом реформ. Более толерантны к минувшему неоевразийцы, называющие датой рождения России 1480 год окончательного освобождения от Орды.

Тот, кто считает православие первостепенным признаком идентичности, кто видит за ним активную политическую силу, никогда не смирится с популистским перетолковыванием истории. Обращаясь к самосознанию русского общества, выраженному в летописях и эпике, мы не встретим ни пафоса централизации, ни, тем более, заикленности на экономической жизни. Единственным сознательным процессом, направлявшим движение русской истории и объединявшим политически автономные княжества, была христианизация страны.

Весь период с 987—988 годов вплоть до разорения Рязани полчищами Батыя рассматривался как растянувшееся на два с половиной столетия Крещение Руси. Оно предполагало не только просвещение язычников, но и формирование нового Народа Божия, обустройство им новой Обетованной Земли. Для сознания средневековых русских вторжение полчищ Батыя стало событием одного порядка с Сотворением человека и завершало эон Крещения Руси: «От Адама до крещенья Русския земли лет 6496, от крещенья до взятъя Рязани от татар лет 249», — записано в пасхалиях Служебника XIV века.

Хотя Старая Рязань возникла в ареале расселения племени вятичей, её основали выходцы с юга и юго-запада. Столица, другие города княжества выполняли роль узлов интеграции, где из вятических говоров и южнорусской речи образовывался великорусский язык, а из браков между его носителями возникала великорусская народность. Именно вхождение рязанских земель в централизованное государство в 1494 году создало собственно Великую Русь, которая иначе бы осталась объединением северных земель вокруг Москвы. История Рязани

Рязань в период расцвета. Реконструкция Г.В. Борисевича

в беспримесном виде представляет, как протекал процесс христианизации, когда общая вера сплачивает племена, создавая язык, культуру, страну.

Зона риска

Старая Рязань возникла в так называемой «зоне страха». Финно-угры уходят из рязанского Поочья в VIII веке, славяне осваивают его лишь в XI веке. Между этими событиями — два столетия, в течение которых земли будущего княжества оставались практически незаселёнными.

Санитарные зоны между народами отмечали ещё римляне. Юлий Цезарь писал, что германцы видели «самую большую славу для народа в том, чтобы как можно более обширные земельные территории вокруг его границ оставались незаселёнными и невозделанными: это обозначает, по их мнению, что многие племена не смогли про-

Реконструкция облика рязанской женщины XI в.

тивостоять силе этого народа. Так, в одном направлении от границ области свевов пустует, как говорят, территория шириной около 600 тысяч шагов» (т.е. 900 км в современном исчислении).

Зона рискованного обитания между русскими и татарами описана «Хождением Пимена в Царьград». Выйдя за границы Рязанского княжества, паломники пересекают незаселённую территорию в верховьях Дона: «Бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села; нигде бо видети человека, точию [...] зверей множество».

Похожие картины безлюдных пространств возникают в песне об Авдотье Рязаночке, в описаниях похода на Казань Иоанна Грозного¹.

Связана ли молниеносность, с которой выросло Рязанское княжество, с той ключевой ролью, которая была отведена этому краю в интеграции русских земель? Если видеть в истории творческое взаимодействие человека и высших сил — несомненно. Перед тем как испытать крещение огнём, Русь должна была окончательно собраться как структура. Старая Рязань, недостающее звено этой структуры, не являлась порождением родоплеменных отношений или местом концентрации сельского населения (то есть обычными причинами постройки древнерусских городов). Она возникла на никем не занятой территории из общерусской потребности иметь сильную крепость на границе со Степью.

Взрывоподобное рождение Старой Рязани — материальное доказательство единства домонгольской Руси, которая, будучи разбита на

¹ См.: Чернецов А.В. Историко-археологическое изучение Рязанской земли: современное состояние и перспективы // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 26—28.

удельные княжества, представляла, тем не менее, целостное макро-существо. Органическая проекция, перекрывая границы малых государственных образований, преследовала свои жизненные интересы и нащупала именно то пространство, где новое княжество может дозреть с невероятной скоростью.

Две Рязани: от Одигитрии к Оранте

Каждая столица Древней Руси обладала святыней-оберегом — прославленным чудесами, палладиумом княжества, с которым сверяли жизнь его обитатели. Чрезвычайный интерес в этом плане представляет двухсторонняя каменная иконка 1-й трети XIII века из собрания Троице-Сергиевой лавры рязанской резьбы. На лицевой стороне изображена Богоматерь Одигитрия, на оборотной — святитель Николай Мирликийский, иконографический тип которого традиционно называется «Никола Заразский». Образки являются уменьшенными копиями византийских икон большого формата... В свёрнутом виде медальон олицетворяет историю Рязанского княжества.

Оригиналом для Одигитрии послужил «палладиум» Старой Рязани — большой образ Богородицы, стоявший в Успенском соборе и погибший вместе с городом. Его принёс рязанский епископ Ефросин Святогорец. Как понятно из прозвания владыки, он был выходцем с Горы Афон. А.А. Зайцев относит хиротонию Ефросина Святогорца к 1225 году.

Одновременно достиг рязанских пределов и образ Николы. Правда, если верить циклу Повестей о Николе Заразском, принёс икону не епископ-грек, а грек-священник — Евстафий Рака, настоятель храма из Корсуни (Херсонеса). Регулярно являясь Евстафию, святитель Николай Мирликийский побудил пресвитера отправиться вместе с семьёй в неведомую Рязанскую землю, чтобы принести туда его икону. Епископ Ефросин вместе с князем, согласно Повестям, встретили Евстафия в окрестностях города Зарайска, где образ и остался.

Единственная неувязка: в начале XIII века в Зарайске не существовало ни княжеской резиденции, ни самого города — только небольшое селцо. Сегодня очевидно, что в основе «Повестей о Николе Зараз-

ском» лежат подвергшиеся искажению, но реальные события. Именно в Рязанском крае утвердился совершенно новый тогда культ святителя Николая. Его древнейший образ, выполненный в мелкой пластике, — двухсторонний рязанский медальон. Иконография Николы Корсунского относится к типу Оранта: Чудотворец представлен в рост, он опирается на обе ноги, держа Евангелие в левой руке и благословляя правой. В Византии такая постановка подобала строгому ревнителю православия. На Руси Николай был осознан как верховный протектор, защитник «от онаго поганых насилия».

Замысловатый маршрут иконы и её хранителя-священника, описанный в «Повестях о Николе Зараском», указывает на векторы Крещения Руси. Повторив апостольский маршрут св. Андрея, иерей Евстафий совершает крестный ход с образом Защитника через все русские земли. Он начинается в Корсуни (где Владимир впервые декларировал принадлежность Руси к христианству) и, пройдя через южную (Киев) и северную (Новгород) столицы до крайних пределов распространения православия (Латгалия), завершается на Рязанщине — форпосте христианизации Степи.

Парное изображение Богоматери Одигитрии и Николы Оранта на рязанском медальоне свидетельствует о синхронном почитании двух греческих образов. Но откуда же распространялся культ св. Николая, если Зарайск в 1-й половине XIII века ещё не был построен? Тоже из Рязани? Да! Но не из Старой, а из будущей Рязани, называвшейся тогда Переяславлем Рязанским.

Согласно Следованной псалтири 1570 года, хранившейся в Рязанской семинарии, один из первых храмов, посвящённых Николаю Чудотворцу (а быть может и самый первый), был возведён в Переяславле Рязанском. С него буквально начался город, ибо стены Переяславля закладывались вокруг церкви Николы Старого. Проверив это сообщение, археолог А.Л. Монгайт пришёл к выводу, что запись в псалтири отвечает данным реальной топографии.

С самого их прихода образы Богоматери Одигитрии и Николы Оранта («Зараского») воспринимались как главные святыни княжества. Кто знает, не спасло ли их почитание епископа Ефросина, чудом не оказавшегося в Старой Рязани, когда её запалили монголы? «А епи-

Центр Старой Рязани в начале XIII в.: на первом плане — Спасский собор, за ним — Борисоглебский. Реконструкция Г.В. Борисевича

скопа ублюде Богъ, — сообщает летопись, — отъеха проче в тот год, егда рать оступи град».

После гибели образа-палладиума Одигитрии остался его заместитель — Никола в Переяславле Рязанском. Жители княжества восприняли это как сигнал о необходимости трансфера столицы. Окончательный перенос произошёл не сразу. В течение XIII века архиерейские службы ещё справляли в Борисоглебском соборе на старом городище, но в конце столетия владыка перебрался в переяславскую резиденцию.

Название «Зараский»¹ было присвоено образу не ранее XV века и связано уже с обоснованием прав на владение некогда утраченными рязанскими землями. «Повести о Николе Зараском» — памятник московской книжности, и он, так же как повести о Петре и Февронии или о Василии Рязанском, реконструирует события, выпавшие из точной хронологии, но необходимые для летописи края. Культ Николы

¹ Топоним Зараск-Зарайск происходит от *заразы*, т.е. «овражистое, изрытое место».

Корсунского перемещается в Зарайск накануне строительства Василием III там каменного кремля в 1528—1531 годы, сразу после окончательного присоединения княжества к Москве.

Никола Заразский. Непрерывность

Возвышение Москвы неразрывно связано с отправкой туда реликвий из других городов. Святые мощи и чтимые иконы были средоточием жизни православного русского этноса, поэтому их концентрация в столице являлась высшим оправданием её главенствующей роли. Другим способом сакральной легитимации центральной власти стало регулярное паломничество её представителей к святыням, хранившимся на прежних местах. Паломнические маршруты великого князя и митрополита проявляли единую сакральную географию Руси, возникшую задолго до централизованного государства.

Опрометчиво полагать, однако, что московские власти могли передвигать святыни без серьёзной легитимации своих действий. Правомочность нового переезда корсунского образа — из Рязани в Зарайск — произошла с ведома его хранителей, потомков Евстафия Раки. Служение перед иконой Чудотворца оставалось без малого 400 лет прерогативой этого иерейского рода. Чин хранителя наследовался, о чём свидетельствует генеалогия «Род служителей чудотворца Николы Заразского», прилагавшаяся к циклу Повестей. Даже самый строгий критик Повестей Борис Клосс признавал эту генеалогию внушающей доверие.

Неотменяемость богослужений перед образом Николы Заразского (Корсунского) стала для рязанцев своеобразным заветом с высшими силами, гарантией существования княжества. В среднем священники из рода Евстафия сменяли друг друга в чине служителя через 33,5 года, что отсылает нас к евангельскому возрасту Спасителя. Образ недаром «пришёл» перед тяжелейшими испытаниями, которые когда-либо выпадали на долю рязанского населения. Даже в эпоху разорения службы перед ним не прекращались, соединяя поколения между собой: сначала в Переяславле-Рязани, а с конца XV века в Зарайске. В 1610 году представитель рода хранителей заразский протопоп Димитрий выступил против интервентов вместе с князем Пожарским.

Неизвестный солдат. Колесо возмездия

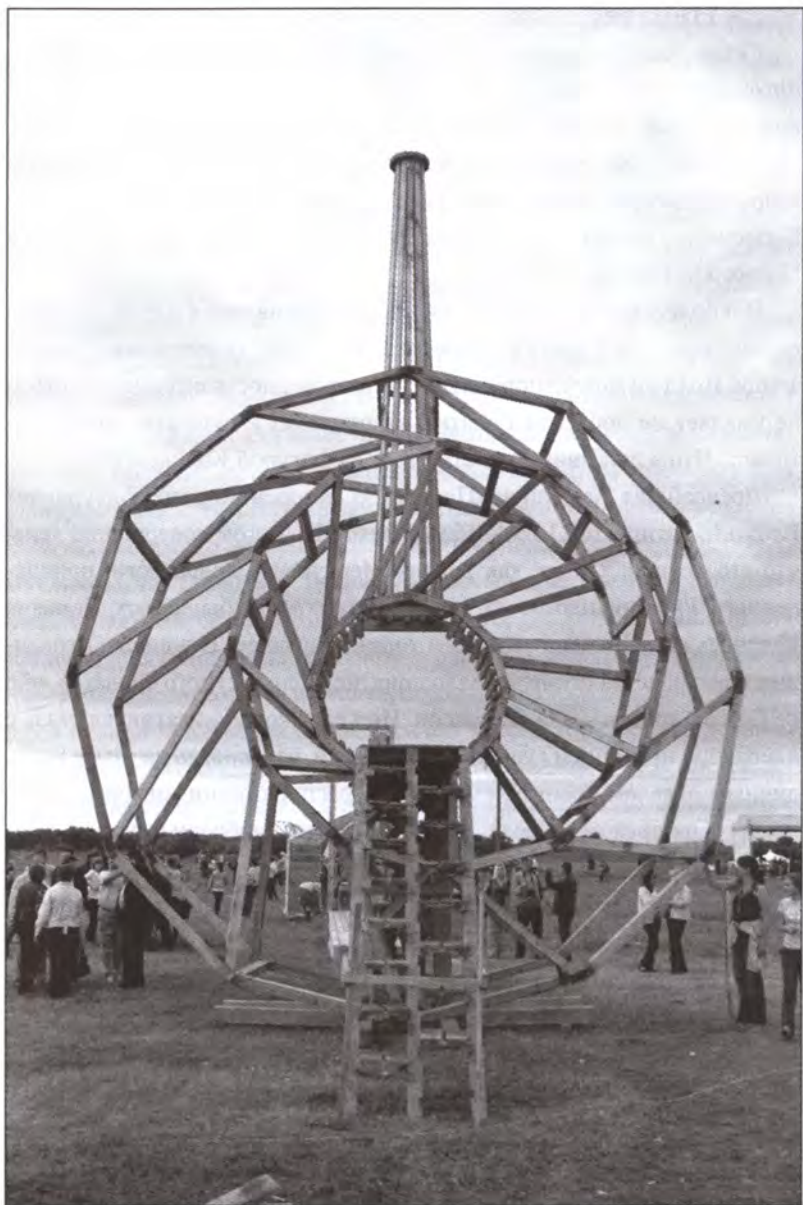
Рязань выросла из окраины намного более могущественного Черниговского княжества, соперника Киева. Однако существовал особый, воплощённый именно Старой Рязанью ряд этических императивов, на которые ориентировались её преемники 2-й половины XIII века, возродившие столицу на новом месте. «Повесть о разорении Рязани Батыем» — реквием по Старой Рязани, суммирующий значимости Первого княжества.

Наиболее впечатляющим звеном сопротивления Орде является подвиг воеводы Евпатия Коловрата, мстителя за поругание родной земли. Вряд ли можно поручиться за достоверность его имени. Но это не умаляет ни доблести Евпатия, не отменяет и существования прототипа. Что в действительности стоит за фигурой Коловрата?

Древнейшая редакция «Повести о разорении», где фигурирует Евпатий, датируется 1526—1530 годами. При этом совершенно ясно, что его деяния, так же как деяния Меркурия Смоленского, причисленного Русской церковью к лику святых, или былинных Демьяна Куденьевича, Сухмана записаны гораздо позднее. В воинской традиции христианства отсутствовало понятие «неизвестного солдата», ибо не бывает христианина без имени. Имя есть коммуникативная связь с идеальной проекцией судьбы человека или, изъясняясь на языке веры, личным ангелом-хранителем. Имея в распоряжении информацию о храбром рязанском воеводе, авторы повести подобрали ему имя, отвечающее характеру героя¹.

Прозвище «Коловрат» буквально переводится как «вращающееся колесо», и это точно отражает историю Евпатия. Не успев поучаствовать в главных битвах за край (кто знает, быть может, его удаля послужила бы переломным моментом?), он, догоняя солнечный круг (коло), «отматывает» время назад. Коловрат настигает полки Батыея на рубеже опустошённой земли. Воинство Евпатия становится колесницей возмездия завоевателям, пожиная максимальное число их жизней. Неот-

¹ Тот же метод применялся относительно ряда рязанских князей, чья жизнедеятельность пересеклась с 1237 г. Точное место в генеалогии терялось, но выявлялась *предназначенность*, зафиксированная в князем имени Рюриковича.

*Инсталляция «Азь». Архитектурный парк «ГОРОД АЗЬ»
на городище Старой Рязани*

вратимость мщения вызывала в первую очередь ассоциацию с херувимами, которые изображались в виде окрылённых колёс, недаром в уста ордынцев вложены слова: «Это люди крылатые, не знают они смерти». Евпатий утвердил воинский архетип Руси как ангельский. Вот почему герб Рязани, где изображён воин, обнаживший для правосудия саблю, коррелирует с гербом Архангельска, где с обнажённым мечом представлен Архистратиг высших сил.

Рождение народной войны

Величие нации измеряется не только количеством побед, но и достоинством в поражении. Стоицизм Русской земли выковывался в битве на реке Воронеж и при обороне Старой Рязани.

Вульгарная беллетристика советской поры рисовала князей этикими сорвиголовами, заботящимися исключительно о собственном имидже, плюющими на интересы «трудового народа». Но если обратиться к источникам, то окажется, что в действиях рязанских князей в отношении армии Батыя нет ни грана авантюризма. Сосед Юрия Ингваревича, Георгий Всеволодович Владимирский, отказался прислать ему помощь, рассчитывая, что Юрий сдастся на милость Орды, а лавры победы над ней достанутся Владимирскому княжеству. Не желая даже минимальных людских потерь, князь Юрий отправляет к монголам посольство во главе с сыном Феодором. Однако дары никак не подействовали на захватчиков, заранее планировавших разграбление богатой Рязани. Оскорбив князя Феодора предложением «изведать красоту» его жены Евпраксии, а затем расправившись с послами, Батый сделал неизбежным военное столкновение, какое и произошло на реке Воронеж.

Несмотря на явное численное превосходство противника, ни один из князей не покинул поле битвы, «но все вместе полегли мёртвые». Рязань потеряла всех князей рязанской линии, кроме Олега Ингваревича, попавшего на 14 лет в плен. Когда Батый осадил Старую Рязань, то её защищала не только обезглавленная дружина, но и всё население от мала до велика, пять дней бессменно отбивая приступы штурмующих.

Здесь витает совершенно иной дух, чем тот, который руководил славянами, призывавшими на княжение Рюрика. И даже не совсем тот, что сообщил своим воинам Святослав, произнеся: «Мертвые сраму не имут». Сопrotивление Рязанской земли ордынским захватчикам — это первый пример не только «профессиональной», но поистине народной войны в отечественной истории. Идея народа-воина с этого момента закладывается в фундамент российской ментальности, чтобы привести к высокому мужеству Куликова, Бородина, Севастополя, Курской дуги и Сталинграда.

Потенциал жизненной силы

Если историческим заданием Евпатия Коловрата было отождествление воинского и ангельского в ментальности Руси, то заданием Рязанской земли в целом было сохранение чести даже при условии поражения. Побеждённая, но не сломленная Старая Рязань есть эссенция витализма молодой русской нации, которую невозможно лишить воли к жизни, даже отняв саму жизнь. Принцип такого витализма: лучше быть свободным и мёртвым, чем живым и рабом.

Символом этого служит поступок вдовы князя Феодора Евпраксии, которая бросается вместе с наследником Иваном с высокого терема на землю. То, что с индивидуальной точки зрения является гибелью, с точки зрения коллективных ценностей возвращает невоплощённое в жизни благо обратно в вечность и тем самым способствует его осуществлению в грядущем. Княгиня Евпраксия в данном случае не просто человек, а средоточие жизнетворной потенции, которая хочет исполнить данное Творцом предназначение, веря в его благодать и не желая быть осквернённой злом. Невозможность предотвратить разорение княжества для его правителя (правительницы) является достаточным поводом, чтобы подвергнуть себя любому наказанию вплоть до умерщвления (с. 33). Вот почему православные авторы цикла о Николе Заразском не высказывают ни малейшего укора в адрес Евпраксии. «Низвержение княгини Евпраксии с терема» было увековечено в 1665 году Каменным крестом, а в XIX веке — мемориальной сенью.

Сень над памятниками княжеской чете Феодору и Евпраксии и их сыну Ивану. XIX в. Уничтожена в 1930-е гг.

Чаша смертная

Трудно подобрать что-то более удивительное от настоящих взаимоотношений правителей Древней Руси с подданными, чем «княжеские» эпизоды кинофильма «Страсти по Андрею». Показывая князей жестокими, алчными, беспринципными, сценарист фильма расписался в полнейшем непонимании природы христианского правления. Участие в народной войне невозможно без авторефлексии людей как «хозяев на своей земле». Стоит обратить внимание на отсутствие антагонизма между «властью» и «народом», которое было характерно для Рязанского края явно в большей степени, чем для остальных частей Руси.

Конечной мерой ответственности властителя была смертная чаша. В «Повести о разорении» рязанские князья неоднократно напоминают о ней друг другу: «Се бо я, брат ваш, напред вас изопью чашу смертную за святых божия церкви, и за веру христьянскую, и за отчину отца нашего великаго князя Ингоря»; «О братие моя милая! Князь Давид, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем!». В условиях общей угрозы для населения князь обязан был защищать его вплоть до самопожертвования по примеру Христа, не исключавшего собственной смерти ради спасения учеников («да минует Меня чаша сия». Мф. 26: 39).

Рязанские князья многократно подтверждали такую готовность, и народ платил им искренней любовью. Особенно видно это на примере великого князя Олега Ивановича, чье правление было самым продолжительным: с 1350 по 1371 год и с 1372 по 1402 год. Его драма заключалась в выборе стратегического союзника между Москвой, Литвой и Ордой. Олег постоянно колебался, поскольку, в отличие от превосходящих его по силе партнеров, более заботился не об экспансии, а о сбережении народа.

Только явление святителя Николы на Угреше Дмитрию Донскому (по дороге на Куликово поле)¹ убедило Олега оказать московской рати посильную помощь, беспрепятственно пропустив её через свои земли. В чуде Николы Угрешского Олег Иванович усмотрел

¹ Багдасаров Р.В. Творцы Священной истории. М.: Вече, 2010. С. 358—360.

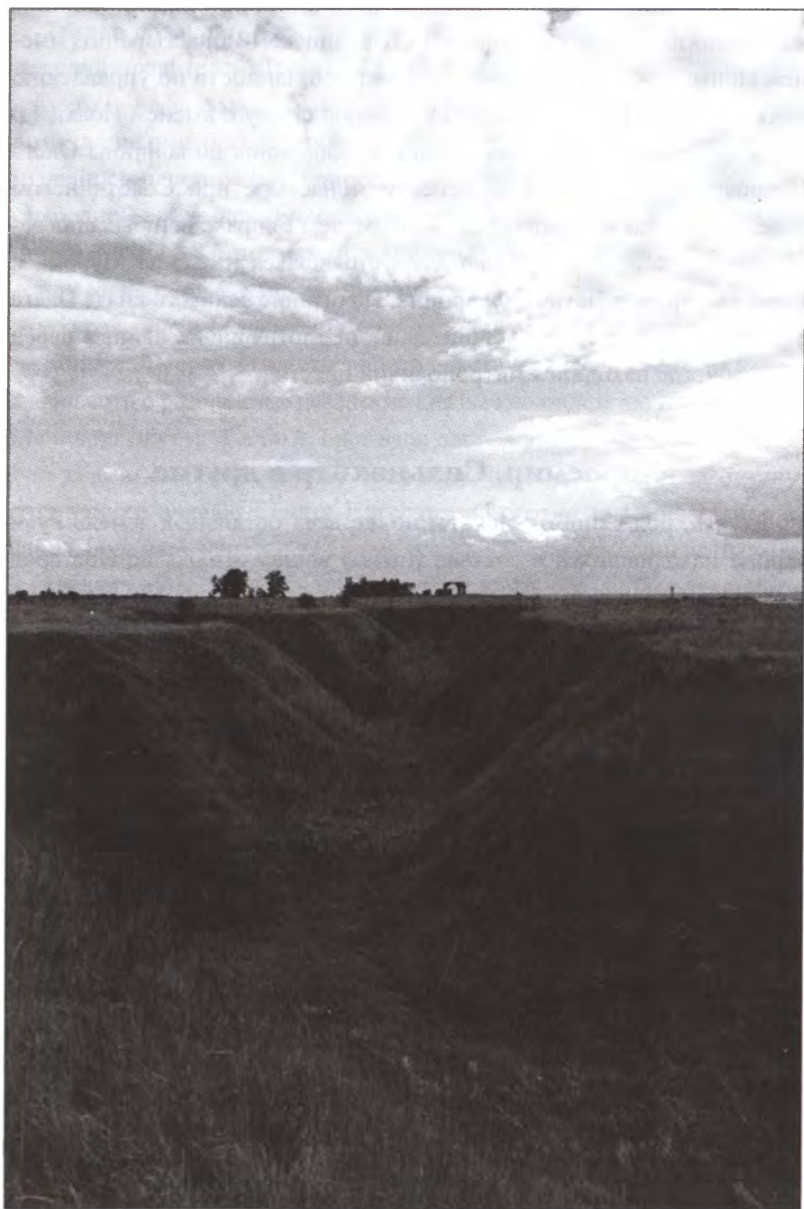
знак, поданный традиционным патроном Рязанской земли. В конце жизни князь постригся в иноки в Солотчинском монастыре под именем Ионы, однако продолжал исполнять обязанности по управлению княжеством. В 1402-м он принял великую схиму с именем Иоаким и в том же году скончался. Его супруга Ефросиния до кончины Олега Ивановича жила в особом женском монастыре при Солотчинском селе, а затем также приняла схиму с именем Евпраксия и была погребена рядом с мужем — традиция, устоявшаяся на земле Мурома и Рязани со времён Петра и Февронии. Почитание великого князя Олега рязанцами привело к его канонизации, несмотря на все «вины» перед Москвой, где находился митрополичий престол.

Хоросмир, Сильнохитр и другие

Кстати, под скипетр Москвы позже всех остальных земель Руси (кроме находившихся в составе Литвы) вошёл отнюдь не Новгород Великий, как думает большинство, а всё та же Рязань. Не оттого ли, что значительно опередила потомков Калиты по части привлечения на свою сторону татарской знати?

В 1543 году из-за перестройки храма Покрова в Солотчинском монастыре там были перезахоронены останки князя Ивана Мирославича, бывшего мурзы Хоросмира (в схиме Иосифа, †1402). Перенос погребения через полтора столетия после кончины — редкость для Древней Руси, но в случае Ивана Мирославича удивляться нечему: тот был зятем и первым помощником Олега Ивановича. На конную дружину Хоросмира рязанский правитель опирался в борьбе с Дмитрием Донским и Владимиром Пронским. Иван Мирославич постригся в той же Солотчинской обители, где ранее принял схиму его тесть.

Вместе с Хоросмиром к Олегу пришёл также его «брат» Еду-Хан, получивший прозвище Сильнохитр и крестильное имя Андрей. Принимали крещение и пополняли рязанское войско: Мефодий (Мурза-Батур), Василий (Кичибей), Даниил (Таптык), царевич Золотой Орды Благоден... От них ведут свои родословия десяток дворянских фамилий, в том числе Апраксины, Вердеревские, Хитровы, Петрово-Соловово, Коробьины, Таптыковы, Мертваго. Олега Рязанского явно

Холмы и овраги Старой Рязани

выделяли в Орде, а в пору «замятни» и правления эмира Мамайя пиетет к нему резко вырос. Многим Чингизидам стало просто опасно задерживаться в Орде, где они могли погибнуть в ходе междинастических разборок. Ну а к православию мало кто из них испытывал предубеждённость.

Тем не менее для желавших оставаться в вере Пророка место на Рязанской земле также нашлось. Знаменитое Касимовское «ханство в царстве», как предполагают историки, берёт начало в Рязанской Мещере во владениях загадочного князя Андрея Уковича.

Взаимная верность долгу сюзеренов и вассалов Рязани нашла своё место и в период Империи. В историческом ареале Великого княжества Рязанского формируется самый многочисленный отряд служилых людей России — степные помещики.

Смерть как достижение

После гибели старой столицы лик Рязанской земли навсегда изменился. Если раньше она была восточным углом легендарной Гардарики, «страны городов» (как называли Русь скандинавы по обилию оных), то теперь число градов сократилось. Местонахождение многих, процветавших до нашествия (к примеру, Ижеславца или Осетра), до сих пор дискутируемо.

Если от других столиц Руси, Киева, Новгорода, Чернигова, Полоцка, Галича остались архитектурные памятники, целые ансамбли, то Старая Рязань словно растворилась в истории, сохранив лишь твёрдую привязку на местности и пополняя список памятников материальной культуры. Хотя значение прежней столицы нельзя сводить к одной археологии.

Подвиг Старой Рязани, осознанно прошедшей через горнило смерти, перевёл её в разряд чистой идеи, сделав реальным прототипом Града-Китежа. Только если за идеей Китежа стоит фигура мечтательной грёзы, то паттерн Старой Рязани оттиснут кровью и дыханием людей, умерших во имя свободы и чистоты родной земли. Её смерть действительно оказалась не столько погребением, сколько достижением.

*I Молодёжная соборная встреча Всемирного русского народного собора
в мае 2010 г. Городище Старая Рязань*

Территория городища сегодня — это пространство-символ. Оно имеет для России то же значение, что и Косово Поле для сербов, где воинство царя-мученика Лазаря бросило последний вызов османским полчищам. Битвы, в которых сражаются и погибают славянские витязи, превращаются для потомков в героическое завещание, несущее императив сопротивления, а значит — грядущего возврата в Большую Историю.

ЦАРЬ-КОЛОКОЛ **Борис Годунов**

Борис Годунов, третий русский царь (до того были великие князья) после Ивана Грозного и Феодора Иоанновича, стал первым всенародно избранным правителем. Борис Фёдорович сочетал черты лидера с интеллектуальным кругозором. Вдобавок оказался редким гуманистом, который лишь в крайних случаях прибегал к услугам палача. Согласно вердикту общественного сознания, Годунов вошел в историю как узурпатор и изверг — убийца отрока Димитрия, млад-

шего сына Грозного. Виновен ли? Почему литераторы XIX века щедро мазали Годунова сажей? Кому не нравилось присутствие на русском троне царя татарско-ордынского происхождения, пришедшего к власти благодаря заслугам перед страной, а не путем закулисных интриг?

Игрища

Для того чтобы убедить подданных в своей необходимости, власть использует не методы «кнута и пряника» (это уж потом, когда её признают), а игровое сознание. Игровое в широком смысле слова. Когда в 1547 году Иоанн Васильевич венчался на царство, Русь стала катехоном, «удерживающим» — оградой и плавильным котлом цивилизации, чем раньше выступала Византия. Большинство бояр, не говоря об остальных сословиях, понятия не имело, что требует от них сия миссия, которую сейчас бы назвали глобальным государством. Вот и пришлось царю по своему разумению доносить до сознания народа, что означает империя на практике. Означает, грубо говоря, что частное теперь приносится в жертву всеобщему. Есть, скажем, у боярского рода скромные планы на будущее. Ничего против. Однако примитивно пихать свою кровиночку в VIP-персонал больше не выйдет. Хочешь править — трансформируйся и соответствуй не местническим интересам, а общегосударственным. Не тянешь — дай посидеть на рукавице молодым кречетам.

Чтобы облегчить психологическую травму, государь постоянно устраивал для аристократии игры. Они могли быть забавными, типа возведения на московский престол касимовского принца Симеона Бекбулатовича, коему «Иванец» Грозный адресовал подобострастные петиции, могли — кровавыми, типа опричнины, однако всегда преследовали одну цель. Сознание русских, раскачиваясь, привыкало к динамике, постоянному обновлению социальной жизни. В царствование Фёдора Иоанновича игровой ресурс политики исчерпали. Подгонка пирамиды власти к имперскому образцу, выход к Балтийскому морю, освоение Сибири — здесь требовались уже не импровизации, а долгосрочный креатив. Необходимо было довершить начатое либо навсегда отказаться от амбиций Третьего Рима.

Одно из свойств православного самодержавия — преемственность, гораздо более плотная, чем даже у секретарей КПК. Именно это свойство оправдывает свободу маневра, которой наделён автократ. Один царь выдвигает идею, другой — готовит условия, третий проявляет инициативу и лишь четвёртый, если Господь благословит, завершает начатое. Борис Годунов вытянул в финальном толчке тот груз, который принял на грудь Иван Грозный.

Да, Годунов рвался к власти, но в какой-то момент (какой — выясним) Борис Фёдорович понял, что жертва, приносимая им, превышает бонус, который в состоянии выжать из себя реальность. Достоинство Годунова в том, что даже тогда он не опустил руки, приняв судьбу правителя, за каждое благодеяние получающего чёрную неблагодарность. В конечном итоге он потерял семью вкуче с доброй памятью потомков. Однако *то, ради чего* — обширная, независимая Россия — существует до сих пор.

Захудалый Чингизид

Так уж повелось, что первый источник, из коего мы черпаем сведения о Годунове, — знаменитая драма Пушкина. Хоть сам поэт считал её юродством, образ Бориса, нарисованный там, легко принимают за чистую монету. Но чем больше фактов всплывает, тем более соглашаешься с автохарактеристикой Александра Сергеевича.

Начнём с родословной: «Вчерашний раб, татарин, зять Малюты». Это его так Василий Шуйский величает. Каждый эпитет как пальцем в кисель. Рабами Годуновы не были никогда. Да, отсчитывали себя от мурзы Чета (или Черта), крещёного в 1310-х с именем Захарии. Но до Петра европоклонством на Руси не страдали, четверть знати имела татарские корни и славянами не прикидывалась. Удивитесь, но Чингизиды однозначно котировались выше Рюриковичей. Чет-Захария относился к Чингизидам. Дело не в национальности. До 1547 года Рюриковичи были великокняжеской семьёй, а Чингизиды — царским родом. Невдомёк пушкинскому герою, что Иоанн IV нарёкся царём лишь после того как покорил Казанское и Астраханское царства. Да и родством со Скуратовыми настоящий Шуйский Годунова вряд ли

бы попрекнул: брат Шуйского Дмитрий был женат на другой дочери «палача» Малюты.

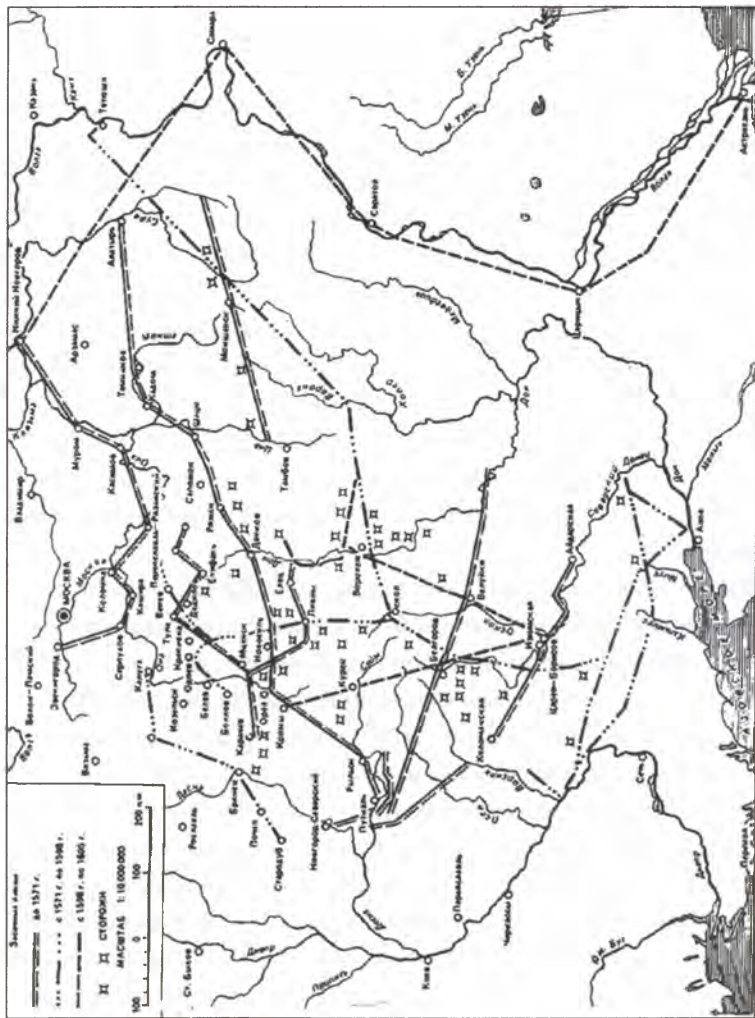
Менталитет кочевников был для Годунова на ладошке. Прямо перед его коронацией поступила депеша, что на Москву идут полчища крымчаков. Борис Федорович смело вверил войско служилым татарам. Главнокомандующему, астраханскому царевичу Арасланалею Кайбуловичу, подчинился боярин Мстиславский. Полк правой руки вёл казанский царевич Ураз-магмет, в его распоряжение поступил князь Василий Шуйский. А с передовым полком шли сибирский хан Маметкул и Шуйский Дмитрий.

Ехали они, ехали, до Оки доехали... и закатали грандиозный сабантуй. На берегу вырос город с шатрами, воротами, высоченными башнями. Каждый день царь устраивал пир для определённого разряда воинов. И так два месяца. Пока татарские послы добирались до Годунова, на протяжении семи вёрст они встречали гуляющих по степи и постреливающих ратников. Запуганные до полусмерти, крымчаки предстали пред государевы очи... Тот гневаться не изволил, даже отослал подарки хану. В результате этого милитари-шоу Борис сберёт сотни жизней.

Мир — основа благоденствия. После воцарения Годунова на границе с «диким полем» стало необычно тихо. Будучи ещё *правителем* (премьер-министром) при Феодоре Иоанновиче, Борис оградил южное «подбрюшье» России крепостями: Ельцом, Белгородом и др. Особенно далеко двинулся в степь Царёв-Борисов, разделивший орды Северного Причерноморья и донских казаков-разбойников.

Ермака называют покорителем Сибири. Правда, ни ему, ни воеводам, присланным на помощь, не удалось закрепиться в Искере, ставке хана Кучума. Лишь после 12-ти лет упорной борьбы, пришедшихся на годуновскую эпоху, Сибирь по-настоящему вошла в состав России. Значение данного события для грядущих поколений (наших в том числе) трудно переоценить. Только имя правителя, присоединившего Сибирь, все как-то запомнили.

Он действительно любил людей. Годунов стал первым московским царём, провозгласившим процветание всех без исключения сословий основным приоритетом политики. Отвечая на благословение патри-

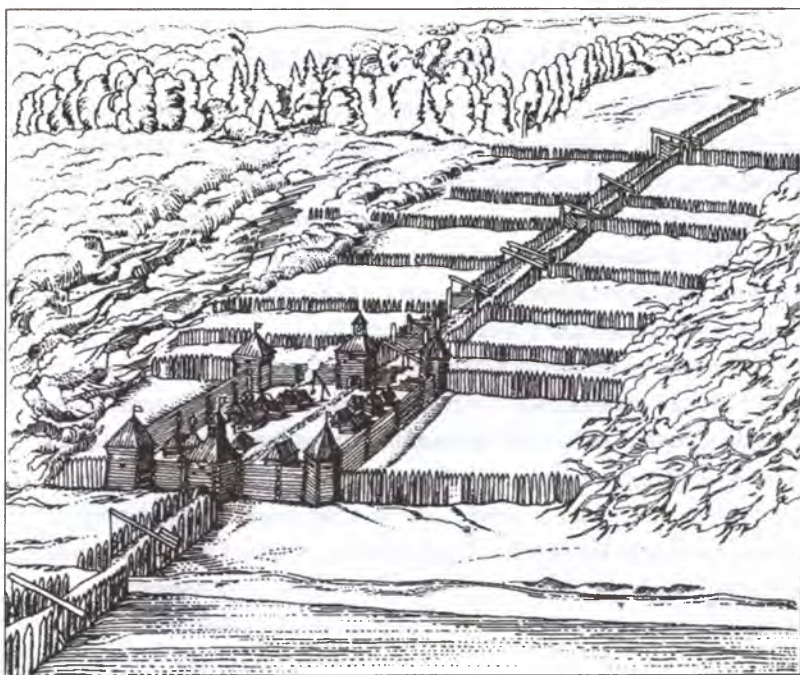
Засечные линии и города-крепости

арха в ходе венчания, он поклялся: «Бог свидетель, что не будет в моём царстве бедного человека!» Борис взялся за жемчужный ворот (что происходило, когда Годунов волновался) и произнёс: «И сию последнюю сорочку разделю со всеми!»

Архивисты поныне не теряют надежды отыскать указ, закрепостивший крестьян. Остаётся гадать, какой именно царь отменил Юрьев день. Одно известно точно: хотя Иван Грозный узаконил Юрьев день, с какого-то момента его упразднили. Борис Годунов 28 ноября 1601 года восстановил свободу уйти от несимпатичного помещика.

Можно презирать стукачей, но следует учесть, что для маленького человека жалоба царю иногда была единственным законным способом восстановить справедливость. Грозный запретил холопам доносить на господ, Годунов поощрял их в этом. «Борис Федорович суд правед-

Городок-застава на пути через Засечную черту. Реконструкция из «Русского градостроительного искусства», т. [2]

ной ввел, что отнюдь никто никою не изобидит». Никакой романтики, право слово...

У историков России скромный диапазон: суровый царь — тиран, мягкий — салабон. О Борисе Фёдоровиче не скажешь ни того, ни другого. Его милосердие, желание утешить «малых сих» трактуют как комплекс вины из-за незаконного якобы воцарения. Всякий выезд из Москвы Годунова как у римского императора сопровождался застольями и раздачей денег. После большого пожара в Троице-Сергиевом монастыре царь вдвое-втрое возместил погорельцам имущество. Благотворительность, справедливость перестали быть случаями, превратившись в государственную программу, которую сразу оценили иностранцы. Но разве из этого сделаешь сенсацию, закрутишь сюжет? Куда интересней выискивать «страшную тайну» годуновского гуманизма.

Профессия — шурин

Годунову во всём отказать готовы. Даже в грамотности — пока не обнаружались собственноручные подписи молодого Бориса. Аккуратный, каллиграфический почерк. Рано лишившись родителей, он с сестрой Ириной воспитывался дядей Дмитрием Ивановичем, владельцем внушительной библиотеки. Надев венец, Годунов писать, естественно, не разучился, просто собственноручное письмо было тогда табуировано для русских государей.

Дядя Дмитрий высоких чинов не занимал, даже не попал в тогдашний рейтинг дворянства — «тысячу лучших слуг». Однако в опричном ордене состоял со дня основания и племянника туда записал. Благодаря надёжности Дмитрий Годунов дорос до постельничего, ночного телохранителя Грозного, а Бориса произвели в оруженосцы его сына, наследного царевича Ивана. Совсем юному Годунову сосватали Марию Скуратову. Нужно ли упоминать, что Борисова согласия тут не спрашивали: влиятельные вельможи, дядя и Малюта, обо всём за него подумали.

Хотя Борис смолоду носил опричный кафтан, он боялся понапрасну проливать кровь. Секрет прост: верил в Бога и вера его была

чиста. Однажды за «бесчестье», понесённое Борисом от князя Тулупова, Иван Васильевич пожаловал Годунову его вотчину, а самого князя посадил на кол. Что это было за оскорбление — неизвестно, но едва Грозный умер, Борис поспешил избавиться от «имения неправедного»: передал его в монастырь под условие вечно поминать Тулуповых (мать князя погибла вместе с сыном). Делалось не напоказ.

Жизненная стратегия аристократии базировалась на родственных узах. Поэтому женитьба Фёдора, сына Ивана Васильевича, на Ирине стала для Годуновых подлинным взлётом. Борис оказался шурином царевича, что было не менее важной «должностью», чем думный чин кравчего, полученный следом.

Иерархия феодального государства была скалькирована с родовой, но клановость сама по себе никуда не исчезла. Цвела и пахла. Если подданных больше заботила именно она, то для государя интересы «большой» семьи должны были перевешивать интересы «малой». Повенчавшись на царство, Борис установит чёткий порядок: принадлежность к клану Годуновых высших чинов гарантировать не будет.

Черта самоотверженности проявилась спонтанно, когда он в 1581 году оказался свидетелем знаменитой ссоры между Грозным и царевичем Иваном. Услышав шум и крики из царских покоев, Борис без спроса ринулся туда, что было серьёзным нарушением этикета. Видя кровь на царевиче, попробовал успокоить государя, но также пострадал от его посоха. Наследник престола скончался через несколько дней, а раскаявшийся Грозный сам пришёл к раненому Годунову. Царь убедился: тот рисковал головой ради государева блага. Иоанн Васильевич показал Годунову три перста, объяснив, что теперь Борис, Фёдор и Ирина для него одинаково дороги. Говорят, мол, это легенда, но она отражена в официальных источниках.

На правду похожа и другая. Во время коронации Фёдора Иоанновича он ослаб и передал золотую державу Борису Годунову. Царя Фёдора почитали блаженным: возможно, то было скрытое пророчество. Временный правитель при болезненном государе, Юрьев, назначил Годунова своим преемником.

Много писано о пронырливости Бориса, но если бы он не разделил бремя власти со своим зятем, Смута наступила бы ещё в 1580-х.

Портрет государя Бориса Годунова. XVII в. Частная коллекция

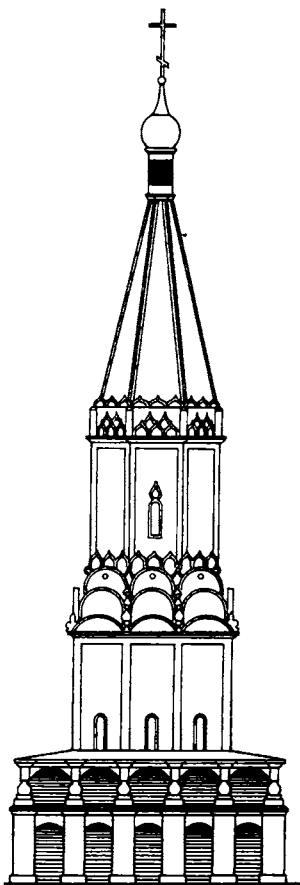

«Владения [Московии] так обширны, что они необходимо должны вновь распасться на несколько царств и княжеств и с трудом могут быть удержаны под одним правлением», — прогнозировал английский дипломат. Вот и Дума пришла к тому же выводу. Ну а если не распадаться, тогда чего? — объединяться, вестимо! Придумали бояре с Польшей объединяться. Осуществись их чаяния, Россию ждала бы для начала война с Крымом, затем с Персией, а в итоге участие в крестовом походе Ватикана на Константинополь. На фоне такого армагеддона размещение ограниченного контингента польской армии в городах России сошло бы за сущий пустяк. Годунов выступил твёрдым противником унии, чем восстановил против себя польскую знать. Всё, что ляхи предприняли затем, вплоть до поддержки Самозванца и интервенции, было попыткой отыграть желанный сценарий.

Нелады пошли и с Фёдором: споря с шурином, тот — по стопам отца — прибегал частенько к посоху, как к решающему аргументу. В 1585—1586 годах положение Бориса стало настолько шатким, что он готов был то ли постричься в монахи (по достоверным источникам), то ли бежать в Англию (по сомнительным). На самом деле, отправляя агента в Лондон, Годунов пытался обеспечить успешные роды сестре, подпереть новыми столбами пошатнувшийся Дом Рюриковичей. Не дали. Присланная королевой Елизаветой «еретическая дохтурица» была задержана ревнителями благочестия в Вологде. Младенец снова родился мёртвым.

Сентиментальный комбинатор

Ни разу не встречал у историков признания того, что Годунов был нежно привязан к Ирине, а ведь это налицо. Трезвенник, царь Борис был примерным семьянином, причём довольно сентиментальным. Когда он выдавал дочь Ксению за герцога Ганса, брата короля Дании, то искренне полюбил его. Приехав в Москву, герцог заболел. Вопреки ритуальному запрету Борис Фёдорович посещал Ганса. Причитая, указывал обеими руками на грудь: «Здесь герцог Ганс и дочь моя!» Когда датчанин всё-таки умер, Годунов сам слёг от горя.

«Борисоглебская церковь, построенная в 1603 г. и превывсившая все построенные до неё каменные шатровые храмы, стала своего рода итогом развития этого типа построек на Руси в XVI веке» (Русское градостроительное искусство. М., 1994, т. [2]). Борисовская церковь в Борисовом городке под Можайском (по чертежу XVII в.)

Мягкосердечие сочеталось у него с многоходовыми комбинациями в духе шахматного гроссмейстера. Противостояние Годунова с боярскими группировками напоминает сеанс одновременной игры.

А история с учреждением на Руси патриаршества вообще классика. Оставшись единственным православным царством, Россия нуждалась в полной церковной самостоятельности. Однако поставление московского патриарха могло произойти лишь с согласия «вселенского», т.е. константинопольского. После турецкого завоевания патриарх Царьграда превратился в попрошайку, торгующего номинальными правами. Среди греков он давно не пользовался авторитетом, но, гостя в Москве, первоиерарх морщил лоб от малейшей разницы с греческим обрядом, а к царю обращался как к ровне. Поди, неприятно? Поставь им патриарха — ещё нос начнут воротить...

Автокефалию русской митрополии Константинополь оттягивал полвека. Царский титул Грозного утвердил с опозданием в 14 лет. Прогресс! Поэтому Годунов решил с патриаршеством ускориться. Через посредников осведомился, не согласится ли святейший сам побыть на Руси патриархом? На оккупированной территории, заметим, любой агрессивно-настроенный паша мог «патриарха вселенной» не только оскорбить, но и плёткой угостить... «Остаюсь», — передал

грек. Дума посовещалась, и Фёдор Иванович решил: быть ему патриархом! Только не в Москве, тут больно тесно, а в славном граде Владимире. Предстоятель угодил в ловушку. Теперь он уже не мог развернуться и уехать, но и во Владимире зябнуть не улыбалось. Пришлось, скрепя сердце, ставить русским их кандидата — патриарха Иова. Перестав упрячиться, вселенский патриарх с лихвой получил ссуду и отбыл в хорошем настроении.

Предложение Бориса Фёдоровича, однако, не следует рассматривать как чистое лукавство. Восстанавливая первосвятительскую кафедру во Владимире, он хотел превратить былую великокняжескую столицу Руси в её духовный центр, что, вероятно, было не очень понятно патриарху из далёкого Константинополя.

Углич. Фобия. Круговорот

Изошрённость Годунова-политика была очевидна, но сослужила дурную службу. На Бориса Фёдоровича пал навет в убийстве незаконнорожденного сына Грозного, Дмитрия. Слух распространился далеко не сразу, а после смерти царя Бориса и расправы над его семьёй. Созданный при Шуйском памфлет вырос до размеров жития Дмитрия, которого срочно канонизировали. Удобней запомнить вымышленное, но трогательное убийство мальчика, чем каяться в незаконном истреблении рода Годуновых в 1605 году.

Житие кому-то кажется гласом Церкви. Между тем её мнение выразил собор 2 июня 1591 года, прямо заявивший, что смерть отроку «учинилась Божьим судом». За этими словами — желание утаить настоящий, а не выдуманный секрет: мальчик страдал падучей болезнью. Эпилептические «сумерки» усиливались, его жестоко колотило. Когда Дмитрия пытались удержать, тот кусался, «ел руки». Все эти подробности — в следственном деле, которое не публиковалось несколько веков.

То, как Дмитрий упал на нож, видело семь человек, их показания различаются незначительными деталями. Следственную комиссию формировал не сам Годунов, а Дума, где у него врагов хватало. В чём они его только не обвиняли! Однако даже у думцев не закралось подозрение в причастности Бориса. Дикая клевета исходила от Нагих,

родственников вдовы Ивана IV, линчевавших в день смерти Дмитрия 15 человек. Годунов ни в чём не хотел компрометировать память Грозного царя, поэтому максимально смягчил приговор его озверелой родне. Как часто бывает, милость приняли за слабость.

Если, игнорируя факты, считать гибель эпилептика заказным убийством, то почему тогда не поверить расстриге, Грише Отрепьеву, что он тот самый Дмитрий и есть... Так и случится десяток лет спустя, когда в результате массового голода и криминализации Юга вся страна встанет на уши.

И всё же события в Угличе глубоко потрясли Годунова. Раз уж копать его психологию, то логичнее говорить не о комплексе вины, а о фобии, которую спровоцировало угличское дело. Она вылезла на поверхность потом, после кончины Фёдора Иоанновича, и дальше только набирала обороты. Внутренний клинч сводился к тому, что Борис и желал власти, и избегал её одновременно. Он стал свидетелем рокового ранения царевича Ивана, затем произошла нелепая гибель Дмитрия, каждый день Годунов нянчился с Фёдором, то ли больным, то ли святым, но при любом раскладе неспособным произвести наследника от цветущей женщины, которой была Ирина. Борис чувствовал, как непреклонные силы выталкивают из жизни некогда могучую династию Калиты. Тот же водоворот случайно-фатальных событий засасывал теперь и его семью.

Монархodemократия

Фёдор Иванович передал скипетр Ирине, а святитель Иов впервые провозгласил многолетие в честь царя-женщины. Это вызвало шквал эмоций у монахов и бояр. Патриарх старался привить взгляд на Ирину как на легитимную носительницу самодержавия, а ретрограды клеймили его поступок как «бесстыдство» и «нападение на святую Церковь» (для справки: святитель Иов канонизирован). Сошлись на компромиссе: вдова приняла монашество (т.е. как бы перестала быть женщиной) и рассылала указы из Новодевичьего монастыря вместо Кремля. Пострижение уничтожило план Годунова подобрать Ирине супруга из числа австрийских Габсбургов.

Едино г҃а вѣщаща (страшна) всѣ
иже вѣдоудяща прѣста
дѣла до слоботы прѣста
вѣдѣлицы и прѣдѣстѣи шѣи дѣла
лѣтѣи и стѣи хѣдѣлицѣ стѣи
дѣла вѣдѣлица прѣста хѣрѣдѣи
стѣи прѣдѣстѣи и вѣдѣи корѣи
и вѣдѣи вѣдѣи вѣдѣи вѣдѣи
и вѣдѣи вѣдѣи вѣдѣи вѣдѣи
и вѣдѣи вѣдѣи вѣдѣи вѣдѣи
и вѣдѣи вѣдѣи вѣдѣи вѣдѣи
и вѣдѣи вѣдѣи вѣдѣи вѣдѣи
и вѣдѣи вѣдѣи вѣдѣи вѣдѣи
и вѣдѣи вѣдѣи вѣдѣи вѣдѣи

Начало утвержденной грамоты об избрании на царство Бориса Годунова.
Соль-Вычегодский список. Начало XVII в.
Российская национальная библиотека

В 1591 году Борис едва ли помышлял о престоле, его вполне удовлетворяли положение временного правителя и статус сестры. В 1598-м выбора не осталось. Центростремительная сила прижимала Годунова к кормилу государственности: он должен был подхватить его либо прощаться с жизнью — соперники проглотили бы его с потрохами.

Духовенство приняло сторону правителя, стрельцами командовали надёжные люди, но в момент междуцарствия это не служило стопроцентной гарантией. Можно было опираться на страну в целом. И патриарх Иов благословил беспрецедентный шаг — созыв Земского собора. До Собора 1598 года царей в России не выбирали, поэтому сказать, что процедура была не отработана — ничего не сказать. Пропорционально представить сословия оказалось тяжелейшей проблемой, её усугубили клановые разборки. Однако несмотря ни на что в столице развернулась открытая избирательная кампания, где применяли не ножи, а лозунги и манифестации. Пардон, крестные ходы.

В перипетиях Собора сегодня сложно разобраться, но оспорить поддержку Годунова большинством населения сложнее вдвойне. На улицах кричали «Да здравствует Борис Фёдорович», а не «Фёдор Никитич» (Романов) или «Василий Иванович» (Шуйский). Годунов стал первым всенародно избранным — и уже за это его следует чтить. Был ли он счастлив? Да. Но к радости примешивалась тоска. Перед наречением на царство Борис вышел на паперть и, обернув платком шею, подал знак, что скорей удавится, чем примет корону.

Если бы...

Символ правления Годунова — Царь-колокол, отлитый при нём, но так и не звонивший толком. Что произошло бы с Россией, доведи Борис Фёдорович свои старты до финиша?

Прежде всего изменилась бы архитектура городов и их количество. При Годунове везде ширилось «строење, каково николи не бывало». «Годуновский стиль» — это и Астраханский кремль, и 38-башенное «ожерелье» смоленских стен, спроектированных Федором Конем. Лобное место, надстройка Ивана Великого — лишь части прерванной реконструкции Кремля. Место скромного Успенского храма должно было занять гигант-

*Укрепление каменной стены Смоленска горожанами в 1595 г.
Гравюра. 1773. РГВИА*

ское «Святая святых». Там Годунов задумал положить центральную святыню Московского царства — плиту Гроба Господня, для которой была изготовлена золотая плашаница, раскуроченная во время Смуты.

Годунов провёл в Москву водопровод, оснащённый насосом. Разработал образовательный проект, привлекая лучших учёных, санкционировав открытие немецкой школы, а наших «робяток» посылая учиться в Любек, Сорбонну, Оксфорд. Царь Борис сделал всё от него зависящее, чтобы развить морскую торговлю даже при неблагоприятных условиях. Если бы он дожил до их улучшения, в России были бы представлены все крупнейшие компании. Сын Бориса, Фёдор, при помощи иностранных консультантов начертил первую карту России. Вплоть до Петра она оставалась единственной, напечатанной в стране. Сходство с Петром даже в брадобритии, которое пропагандировал Годунов. Всё произошло бы раньше на столетие и без эксцессов.

Но между Петром и Борисом водораздел: разница в сознании. Стремясь к прогрессу, Годунов оставался носителем архаичной, тяготеющей к магизму ментальности. В текст присяги, который ему приносили, была включена длинная клятва не покушаться на царскую семью никоими чарами.

Предохраняясь от колдовства, Борис проглядел реальную опасность: рост криминальной пены — казаков, беглых, разорившихся воинов — на окраинах России. Именно эти слои после смерти Годунова 13 апреля 1605 года, привели к власти Лжедмитрия. В столице их с самого начала поддерживали Романовы, старые хозяева Отрепьева.

Правда, это уже совсем другая тема и весьма шекотливое расследование.

ПУГУ!

Запорожское рыцарство XVI—XVIII веков

— Пугу! Пугу!

— Кто там?

— Козак з лугу!

— А з якого лугу?..

Насколько бы разнообразные оценки ни давались запорожскому казачеству, в одном они, безусловно, сходятся: более двух столетий (с середины XVI века до 1775 года) в низовьях Днепра действовала

регулярная военная организация, с независимой политикой которой приходилось считаться соседним странам — Польше, России, Австрии, Крыму, Турции, Литве и Молдавии. Однако вопрос о том, следует ли считать Запорожский Кош рыцарским орденом, до сих пор не выяснен. Отчасти потому, что историки, отвечавшие на него утвердительно, так и не смогли решить проблему происхождения Сичи и целей её создания, не завершили сравнительный анализ устройства, внутреннего быта, этики и религиозности «преславного Войска» и эталонных для Западной Европы воинских братств. С другой стороны, авторы, пытавшиеся увидеть за низовыми¹ рыцарями нечто иное: будь то древнее украинское сословие, отдельный этнос, беглых крестьян, «трудовое казачество» или даже «мусульманский феодализм», — вынуждены были так или иначе игнорировать факт, что ядро Запорожья носило все признаки воинско-монашеского братства.

Указанный пробел влияет на представление о традиционных мужских союзах восточных славян, о таких, с первого взгляда, разноплановых явлениях, как казачество в целом, вольные промысловые артели, гайдамацкие и разбойничьи братства. Предпринявший попытку сопоставить литературные источники по взятию Сибири и хроники Конквисты, В.Б. Земсков отмечает: «Русь не знала рыцарства в европейском значении этого понятия, инициатива открытия и завоевания Сибири принадлежала не центральному, а маргинальному в социальном и культурном отношении сословию — *казацкой вольнице*». Закономерно противопоставляя государственное устройство Польши и Московии казацкой вольнице, а вольницу — европейскому рыцарству, мы забываем сделать следующий шаг и упомянуть о том, что западное рыцарство, представляя собой жёсткую иерархическую структуру, тем не менее находилось в неснимаемой оппозиции к королевским дворам и папской курии.

Ничего удивительного: несмотря на то что военное сословие может являться важной частью общества, последнее никогда не отождествится с армией, а следовательно, вступает в противоречие с

¹ От гидронима «Низ» — нижнее течение Днепра.

Казацкое знамя. 1651

принципом самоорганизации воинства. Свободные воины, даже поступив к правителю на службу, вызывают у обывателя естественное желание держаться от них подальше. Как подмечено в «Слове Даниила Заточника» (XII—XIII вв.): «Не имей себе двора близ княжа двора и не держи села близ княжа села: тивун бо его аки огонь и рядовичи¹ его аки искры: аще от огня устеречися, но от искор не можеши устеречися».

Запорожская Сичь (укр. Запорозька Січ) внешне противостояла разного рода государствам и внутренне отвергала принципы «мирной жизни». В конечном итоге это единственное в своем роде казачье войско так и не сумело найти подходящий «отсек» на ковчеге Российской империи, где сгрудились, казалось, каждой твари по паре. Сичь была отторгнута и уничтожена, а количество казачьих войск (одиннадцать) так и не достигло двенадцати — числа, необходимого для универсума Священного Царства².

¹ Тивун — управитель, рядовичи — служилые люди (*древнерусск.*).

² В христианстве число 12 символизирует идеальное социальное устройство: 12 колен Израилевых, 12 апостолов, 12 врат Небесного Иерусалима, 12 уделов Великого князя Владимира Крестителя.

Гилея

Земля, приютившая казаков, считалась не только «прекраснейшей в Европе» по плодородности, но издавна порождала множество легенд. Низовья Днепра и Великий Луг к востоку от реки отождествляли с Гилеей — местом выпаса диких кобылиц. Согласно Геродоту, здесь Геракл и змеедева Ехидна зачали скифский род — лучших всадников, которых знала Эллада. О своем наследовании «скифославянским вождям» напоминал крымскому хану кошевой атаман Иван Сирко в письме от 23.09.1675 года.

Скифия занимала в греко-римской географии полярно противоположное Египту место: если благоденствие последнего определялось водой, направлявшейся людьми, то жизнь сарматских степей зависела от атмосферной и дождевой влаги, находившейся в ведении богов. Нижнее Поднепровье было загадочной областью, из послания царя сколотов Иданфирса Дарию: «У нас есть могилы предков: вот попробуйте разыскать их и разорить». Именно там, где с 1652 по 1709 год располагалась Чертомлыцкая Сичь, археологи обнаружили царские курганы скифов. Рядом шумели священные дубы «Варяжского острова»¹ Хортицы, под которым дружинники-росы кидали петушиный жребий², отправляясь на моносилах³ в Константинополь.

Христианство добавило новые штрихи к классическому образу Нижнего Поднепровья. Запорожцы стали именовать свой край обетованной Палестиной, «дуже гарною, квитнучею и изобилующею» [так. — *Р.Б.*], раем Божьим на земле, а город Самарь, например, — «истинно новым и богатым Иерусалимом». Московский царь Иван Грозный напоминал Великому князю Литовскому в апреле 1560 года, что «Днепр под Крымом — Божий, а не королёв». Удивительно, как возникновение на этой территории казачьего войска под началом Дмитрия Вишневецкого а.к.а «Байды» не вызвало нареканий со стороны известного блюстителя «прародительского» достояния? Кажется,

¹ Так он назван в Воскресенской летописи под 1223 г. Византийское имя Хортицы — «остров Святой Григорий».

² Обряд гадания на жертвенных петухах, который росы проводили перед выходом в Чёрное море.

³ Однодревки (*греч.*), вид судов.

«Пекло» на пороге Ненасытец. Фотография. Первая половина XX в.

Грозный, в отличие от пришедших следом Романовых, умел находить общий язык с «баловнями-казаками», не ущемляя их свободы. Преследуя свою корысть, он сваливал на них все неприятные инциденты на границах с соседями-соперниками («те люди как вам тати, так нам тати и розбоиники. И на лихо их никто не учит»), однако явно не спешил навести порядок: «...лихих где нет?» Что правда, то правда.

«Грабунки» как христианская заслуга

Защита европейского порубежья от турецко-крымской экспансии явилась внешним предлогом для протезирования Запорожского казачества со стороны правительств Стефана Батория и Ивана IV. Идея рыцарского католического ордена была весьма популярна среди польской шляхты в XV — XVI веках, а в православной Московии аналогичный проект воплотился даже с большим размахом. Однако Опричное войско или скромный орден Святого Лазаря нельзя назвать предшественниками Коша. Ведь ни религиозная война с мусульманством, ни, тем более, защита монаршего трона не определяли его политики.

Запорожцы с равным успехом совершали вылазки в Крым и на побережье Турции, а затем обрушивались на польское панство и дома подвластных ему холопов. А из-за набегов запорожцев на Россию, Галичину, Молдавию или Полесье страдала прежде всего православная паства.

И все же казацкие «грабунки»¹ объективно подрывали турецкую экономику на завоеванных землях Подунавья и Северного Причерноморья, которые служили продовольственной базой для Блистательной Порты. Как замечает Сергей Лепьявко, «они были эффективным способом борьбы против извечного “неприятеля Святого Креста”».

С другой стороны, когда казаки прикрывали «свой недостаток и наготу» имуществом магнатов, это отнюдь не свидетельствовало об их жажде социальной справедливости, просто дворы крупных землевладельцев были полнее укомплектованы «заслуженным жолдом». Финансовые операции, связанные с отмыванием «козацкого хлеба», составляли часть теневой экономики и редко проходили по документам.

Проще всего, казалось бы, видеть в Запорожье антигосударственное, криминогенное начало, — социального паразита. Но внутренние причины создания Войска при этом никак не проясняются. Почему, например, при крайне нестабильной политической ориентации и явном несоблюдении мирского законодательства запорожцы упорно именовали себя «честными лыцарями», «кавалерами», открешиваясь от стереотипа «лихих людей», гайдуков? Как совместить импонирующий нам до сих пор идеал средневекового рыцарства со столь неожиданной самоидентификацией тех, кого императрица Екатерина Алексеевна заклеяла «вредным скопищем под собственным своим неистовым управлением»?

В этом «российская Минерва» не была одинока: так отзывались о сичевиках всегда, когда требовали или пытались разогнать. Когда же на их силу возлагались чьи-либо надежды, отношение к Сичи кар-

¹ В славянской обрядности такие слова, как «грабить», «красть», изначально имели значение определенных ритуальных действий (например, *крада*). Исчезновение этого смыслового слоя знаменовало прагматизацию христианского общества.

динально менялось: в Кош слали войсковые клейноды, признавали за ним все права отдельного сословия, подтверждали владение занимаемыми им территориями, а виднейшие царедворцы и даже ученые мужи спешили записаться в состав куренных товарищей.

Разумеется, Сичь провоцировала возникновение массы неустойчивых и нерегулярных образований на Великом степном кордоне, всегда преследовавших более узкие цели, а потому быстро распадавшихся. Но все они, как солнечные блики, свидетельствуют о наличии единого светоча-прототипа.

Ко времени появления Сичи большинство знаменитых орденов Запада уже сошло или готовилось сойти с исторической арены. Орден тамплиеров был устранен совместными усилиями духовной и светской властей, безошибочно почувствовавших в нем конкурента (1313). Тевтонские кавалеры Святой Марии соединились с ливонскими меченосцами с единственной целью: под патронатом польской короны из монахов-воинов превратиться в помещичье сословие (1562). Рыцари Святого Иоанна Иерусалимского уже не могли оказывать былого влияния на средиземноморскую ситуацию. Вольный дух рыцарства замер на европейских землях, а душная опека (Генуэзского, на юге, и Ганзейского, на севере) торговых союзов в период с XI по XV век устраняет угрозу пиратства на всех омывающих континент водах, включая Чёрное море.

В то же время в 1540 году Папа Павел III официально утверждает Societas Jesu (Общество Иисуса), католический монашеский орден, основанный шестью годами ранее Игнатием Лойолой. Орден напрямую подчинялся римскому понтифику и отличался жёсткой дисциплиной. Целью (которая, согласно девизу ордена, «оправдывает средства») иезуитов на востоке Европы являлась борьба со «схизматиками», как именовала курия Православную церковь. Случайно ли, что через 14 лет староста Черкасского и Каневского повитов Дмитро Вишневецкий формирует Запорожский Кош из ватаг днепровских черкасов? Чтобы избежать противодействия со стороны Польши (где уже утвердилось Общество Иисуса), Вишневецкий на Сейме обосновывает необходимость создания Сичи как форпоста против агрессии со стороны Турции и Крымского ханства. Однако именно тогда силь-

Портрет Дмитрия Вишневецкого («Байды»). XVIII в.

ной нужды в том не было. К тому же по типу организации Сичь изначально соответствовала не пограничному гарнизону, а религиозному православному ордену с широкими полномочиями. Чего-то недоговаривал Вишневецкий, блистая незаёмной риторикой перед ясновельможными панами...

Дикий орден

В отличие от *Compagnonnage*¹ духовно-рыцарских орденов Запада, принявших форму строительного цеха, Запорожская Сичь имела структуру пастушьего кочевья, что выражалось в должностной лестнице и соответствующей атрибутике.

Само название главной ставки Запорожья — Кош, равно как и его устройство, родственны тюркскому *кхош* — «укрепленный табор». Так называли десять соединённых овечьих стад. При каждом стаде у крымских татар состояло три чабана. Наиболее активный и сведущий становился начальником пастухов объединённого стада и получал при этом титул *одамана*. Центральное управление всеми отдельными стадами сосредоточивалось в коше, где и проживал одаман.

К 1775 году Сичь была поделена именно на 10 административных округов — паланок². Поэтому, если под Сичью понимали постоянную столицу всего казачества, то слово «кош» употребляли в смысле самого запорожского правительства, иногда временного, его *état major*³. Сакральный смысл коша, кошницы (плетеной корзины) заставляет вспомнить этимологию главной реликвии рыцарства, священного Грааля. В ирландском *сгуол* — «корзина изобилия», а франко-валлийское *Cor(s) Venoit* означает «благословенный рог», рог изобилия.

Будучи христианским братством, «Армагное стадо» возводило себя к евангельскому «малому стаду», собранному в «кошаре» (Ин. 10: 1), а

¹ Сообщество, братство по оружию (*фр.*). Впоследствии это слово стало употребляться для обозначения союза ремесленников.

² Паланка (*у запорожцев*): 1) небольшое укрепление, обнесенное частоколом; 2) административный округ; 3) типовое укрепление, место пребывания полковника с прочими служебными лицами полка.

³ Штаб, главная ставка (*фр.*).

Казацкий табор, ограждѣнный возами. Фототипия XIX в.

в кошемом атамане, которому вручался тростниковый посох с золоченым яблоком-навершием, видело воплощенный образ Пастыря Доброго. Известно, что в Войско действительно входили многочисленные табунщики, скотари и пастухи овец — чабаны. «Мы как стадо без пастуха!» — уговаривали гетмана Богдана Хмельницкого в 1648 году. Украинское «загін» — отряд, восходит к пастушьему «загін» — загон для стада.

Излюбленный способ обороны казаков в открытом поле — *табор* — указывает на индоиранские корни военной тактики ордена. В древнерусском языке подобный укрепленный стан, лагерь, обоз именовался «товаром». Слово *товар*, в свою очередь, происходит от авестийского *вар* — замкнутой крепости, построенной царем Золотого века Йимой.

Назвавшись «товариществом», запорожцы подчеркнули свою кшатрийскую¹ принадлежность. В польском войске *towarzystwo*’м считалось исключительно дворянство, служившее в гусарских, панцирских и других хоругвях (для обозначения воинов-недворян употреблялись термины «жолдацтво», «шеренговые»).

¹ Кшатрии — от санскр. *kṣatra*, «власть». Одно из двух высших сословий в Древней Индии, которое образовалось из военно-племенной аристократии.

Без «жинок»

Подобно структуре рыцарских католических орденов, Низовое казачество было связано тройными узами: общины (*societas*), веры (*religio*) и призвания (*vocatio*), заключавшегося в вечной вражде с «миром сим»: «не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» (Иак. 4: 4). Степь для сичевиков заменила командорию¹; «радуги», «фигуры» и «могилы» — сторожевые замки; острова и днепровские лиманы — скиты и монастыри.

Безбрачие являлось одним из основных условий вступления в Войско. Сентенции историков-марксистов о том, что «серомахи² не могли обзавестись семьей из-за крайней своей бедности», вряд ли объясняют, почему, согласно статистике сичевого архива за период с 1734 по 1775 год, лишь двое казаков были подвергнуты смертной казни за прелюбодеяние (один — за соращение женщины, другой — за содомский грех). В народной песне, провожая сына к запорожцам, отец наставляет:

*Ми жінок мусимо любити
Так, як наших сестер, матерів,
А опріч їх не треба нікого любити,
І утікати як от злих чортів.
Бо ти знаєш, мій милий синку:
Лицареві треба воювати,
А тобі буде жаль жінку зоставляти.*

В состав Громады входили как неженатые сичевики, так и женатые запорожцы (гниздюки, сидни), однако последние, не являясь полноправными членами Войска, никогда не назывались «товарищами» и «рыцарями». Ежегодно на казацком «коле», где по жребию распределялись земельные угодья, холостое товарищество получало надел в первых рядах, за ним — духовенство и лишь затем — женатое населе-

¹ Дом ордена, место проживания рыцарей.

² Одно из самоназваний запорожцев, объяснение см. ниже.

ние вольницы. Семейные не могли жить в самой Сичи; по неписаному войсковому обычаю, привести туда женщину, будь то мать, сестру или дочь, — означало совершить уголовное преступление, за которое полагалось строгое наказание. Запрет на общение¹ касался не только казаков, но и всех посторонних лиц, проживавших в Сичи.

Полупрезрительное отношение к женщине, свойственное восточно-рыцарскому менталитету, являлось прямым следствием горячего почитания Девы. Сичевой собор всегда был посвящен Покрову Пресвятой Богородицы. Этот праздник имел для казаков двойной смысл: под омофором Богоматери они не боялись ни вражеского оружия, ни грозной стихии; под покровительством Приснодевы должны были сохранять девственность и исполнять принятые обеты.

Но соблюдалось ли правило *Castitatis*² неукоснительно? «Ведь человеку, — отвечал государыне хитроумный герой “Вечеров на хуторе близ Диканьки”, — без жинки нельзя жить... Мы не чернецы, а люди грешные. Падки, как и все честное христианство, до скоромного. Есть у нас немало таких, которые имеют жен, только не живут с ними на Сичи. Есть такие, что имеют жен в Польше; есть такие, что имеют жен в Украине; есть такие, что имеют жен и в Туреччине». Женщина рассматривалась сичевиками как имущество, а не как член общества, социальная единица: в воинском братстве для неё не предусматривалось места.

Парадоксальность ситуации усилится, если мы вспомним не менее парадоксальный идеал, нарисованный апостолом Павлом: «Имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего. А я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене» (1 Кор. 7: 29—33). Конечно, данный императив по-разному исполнялся мужскими общинами. Поморская артель, например, жила отдельно от семей в промысловый сезон, большую часть года. Именно в этот период её молодые члены проходили соот-

¹ В рыцарской практике — *Claustrum* (лат.).

² Целомудрие (лат.).

Аналойная икона с изображением молящихся запорожцев. Гравюра

ветствующую рыболовецкую инициацию. Радикальным отличием Коша от подобных общин была устойчивая претензия не только на социально-экономическую, но и на религиозно-политическую самостоятельность.

Маркс и Эвола: точка сборки

Альтернатива Запорожья, исходя из христианской доктрины, подразумевала, что освобождение от уз плотской жизни логически включает в себя отказ «терпеть ярмо власти местных панов», да и вообще какой бы то ни было земной власти.

Историю казачества можно рассматривать как постепенное поглощение ритуально-инициатического братства (Comitatus) родовым союзом (Sippe). Причём не важно, происходило ли подчинение Sippe извне (включение в империю, где иерархия строилась из родовой аристократии или аристократии, созданной августейшим родом) либо изнутри (имущественное расслоение). На этом фоне Сичь объективно выглядит сообществом, сознательно противодействующим данному процессу, последним очагом и высшим воплощением идеи Gefolgschaft¹ в христианской Европе: «Род сей, в правительстве их секты, весьма хитер, проныцателен и осторожен в рассуждениях касательно своих интересов, сопряженных с такою вольностью, через которую не дают они никому в оной отчета; прилежно пекутся всячески, дабы она не подвергалась законам своего отечества и власть их в оных, беспредельная и неограниченная, была порядком», — сетовала Екатерина II.

Невозможность отчуждения/наследования должности или земельного надела диктовалась отсутствием семьи, что служило экономическим базисом для уникального общественного устройства. Карл Маркс определял его как «республику» и восхищался духом «славного Запорожья». Очевидно, что не одна женофобия определяла этот дух. Описывая кризис современного общества, традиционалист Юлиус Эвола противопоставляет ему образец иерархии, строящейся на непосредственно проявленном могуществе её субъектов. Это чрез-

¹ Воинский союз (нем.).

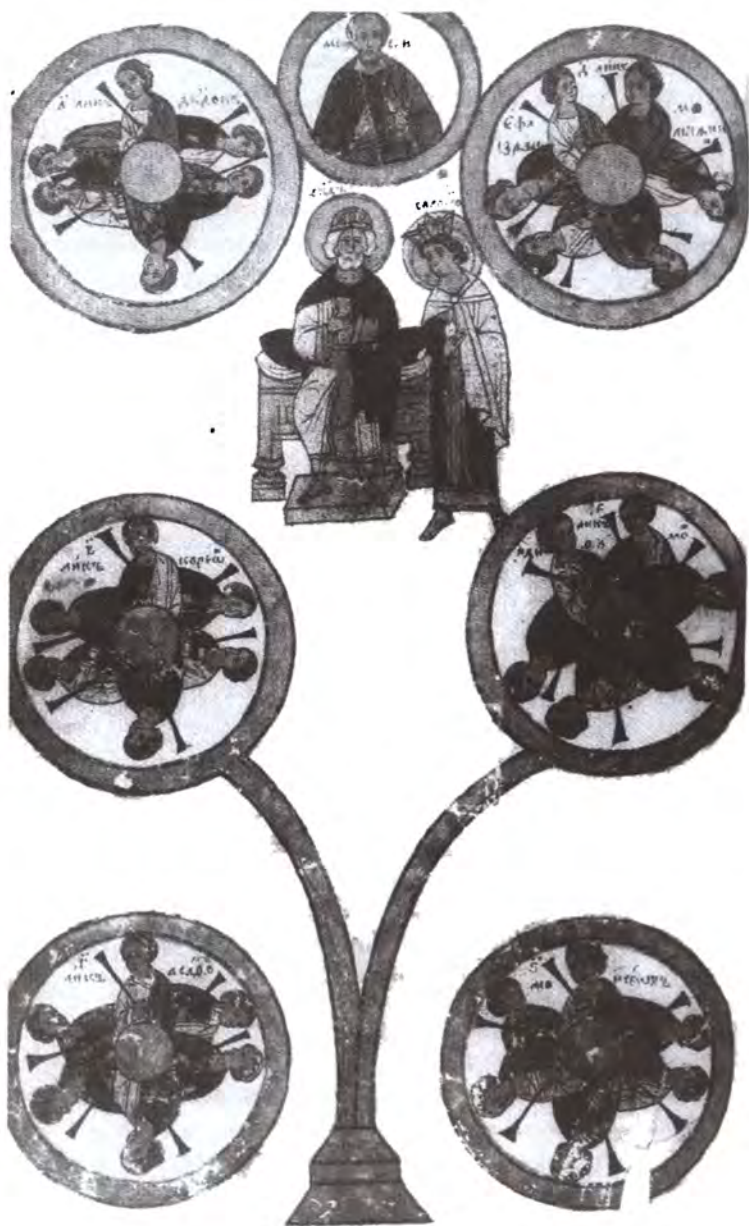

А.А. Мурашко. Похороны кошевого. 1900. Фрагмент

вычайно напоминает принцип формирования Запорожского Коша, где власть зависела от авторитета её носителя, а подчинение — от признания. Основным критерием, предопределявшим избрание кошевого атамана, являлось его воинское превосходство. Однако выбранному атаману не делегировалось право распоряжаться судьбой Войска единолично. По всем важнейшим делам атаман и старшина обязаны были советоваться с Громадой. Субъектом, принимающим решение, согласно интитуляции грамот, выступало «Войско» и лишь затем — «атаман, старшина и чернь».

Самовольная иерархия

Вертикальная и горизонтальная шкалы подчинённости в христианстве сосуществовали как две оси, пересекаясь с третьей — осью харизматического преемства. Если для «самодержавного» москов-

Псаломские степени (лики) царепророка Давида. Миниатюра из Христианской топографии Козьмы Индикоплова. XV в.

ского войска авторитет царя являлся объектом веры, то для «самовольного» запорожского — могущество атамана было очевидной вещью, не требующей преклонения, но отнюдь не утрачивающей при том сакральности.

«Архангел Михаил — родоначальник рыцарства, — отмечал Йоханн Хейзинга, — которое подобно “воинству земному и рыцарству человеческому”, являет собою земной образ ангельского воинства, окружающего престол Господень». При избрании кошевого сичевика охватывали кругом, выстроенным по «военным ступеням», (ср. псаломские степени царепророка Давида) Покровскую церковь, превращая её алтарь в духовное средоточие своего упования. Так православное рыцарство воспроизводило предвечное и всякий раз новое рождение Эммануила, стерегомого воинством Архистратига и благодатно воплощавшегося в образе сичевого атамана.

Дистанция набравшего большее количество голосов (в прямом смысле, т.к. голосовали выкриками) подчеркивалась не возвеличением его, а ритуальным уничтожением. Упирающегося избранника вытаскивали на площадь со словами: «Иди, скурвий сину, бо тебе нам треба, ти тепер наш батько, ти будешь у нас паном». Ритуал инаугурации кошевого явно напоминал православное таинство помазания на царство, обращая его в сплошной негатив. Вместо святого мира бритую макушку новоиспеченного батька сивоусые диды мазали площадной грязью. Здесь припоминается не только поговорка: «из грязи да в князи», но и последование панихиды: «земные убо от земли создахомся, и в землю туюжде по́йдем». Должность в Коше занимали исключительно безжённые товарищи, зимовчаки не имели на это права.

Чин «пана-отца» кошевого соответствовал Grand- Maître¹ западного ордена, совмещавшего гражданский, военный и духовный суд. Во время богослужений атаман пользовался в храме особым местом, бокуном, или стасидией², резного дерева, окрашенного зелёной краской. На имя «его вельможности» адресовались не только монархии, но и цер-

¹ Букв. «великий мастер» (фр.).

² Специальное деревянное кресло с откидным сидением и высокими подлокотниками, на которые можно опираться, стоя во время службы.

«Бодрое защищение святого Михаила воеводы».
 Посвящение в память генерального обозного
 Василья Дунина-Борковского

Запорожский аналой периода Алешковской Сичи. XVII—XVIII вв.

ковные грамоты. Служившее на Низу священство так же, как и казацья «армата», несло свой *votum obedientiae*¹ избранному кошевому.

Думается, что золоченая тростниковая булава атамана свидетельствовала скорее не о бедности или смиреннии, как полагают некоторые исследователи, а была указанием на «трость», которую «не переломит» Возлюбленный Отрок и которая на время Страстей появляется в правой руке Христа, чтобы затем стать золотым модулем Небесного Града в Апокалипсисе. Белый флаг над станом кошевого поднимался в случае его пребывания в Сичи и опускался, когда тот отсутствовал. Белый стяг устанавливали и над свежей могилой усопшего сичевика, что говорит о глубоком внимании к данному цвету и находит аналогии среди других европейских орденов, для которых он имел первостепенное значение.

В полном составе ежегодно переизбирались и прочие члены войсковой старшины: судья, писарь, есаул. Четверо *seniores* («стариков») образовывали как бы тетраморф² ордена — ведь в мистике число 4 символизирует обладание сторонами света, минимальную полноту и в конечном счете рациональную организацию. Во время военных действий статичный капитул заменяла походная старшина из 3-х человек (полковник, или «сердюк», есаул и писарь), соотносящаяся с треугольником вершиной вниз, символом архангельской атаки с Неба.

Знаменные кавалеры

К слову сказать, знакомство с эмблемами и регалиями Войска может сильно поколебать утвердившееся мнение о нем, как о дикой своре босяков, не руководимой никакими высшими принципами. Наряду с атаманской булавой, нередко усыпанной драгоценными камнями, в набор клейнодов³ входили: шелковое малиновое знамя с

¹ Обет послушания (*лат.*).

² Букв. «четыре формы» (*греч.*). Так в христианской иконографии именовалась композиция из льва, орла, тельца и человека, четырех существ, которые символизировали евангелистов. Каждый из них знаменовал отдельный аспект Благой Вести.

³ От *нем.* *Kleinod* — «сокровище» — регалии власти запорожской старшины.

*Оттиск запорожской печати,
принадлежавшей кошевым
атаманам Низового Войска.
1730—1750-е.*

изображением государственного орла (польского или российского) по центру, Спасителя и Архистратига Михаила по бокам; бунчук¹ с черным и белым конским волосом; соответствующий татарскому «буздыхану» пернач²-шестопёр с б-ю перьями над шаром.

Круглая серебряная печать Войска изображала казака в боевой выкладке, остроконечной шапке и с копьём, «стоящим пред рыцаром, воина бодрствующаго знаменующим». Имелись также серебряные перначи, выдаваемые в качестве охранных пропусков гостям запорожцев. Эмблема Бугогардовской паланки 1750 года представляла четырехрогого козла, что человеку, знакомому с трудами Элифаса Леви на оккультную тему, напомнит мифический фетиш тамплиеров — Бафомета. Есть даже версия, согласно коей слово «козак» происходит от «козы», вернее, от козьих шкур, которые носили степные воины. На паланочных и куренных печатях вырезались геральдические фигуры: львы, олени, кони, пяти- и шестиконечные звезды, луна, короны, части вооружения. Каждая из них передавала определенную идею христианской воинской традиции. Особое место занимали литавры — серебряные котлы с натянутой на них кожей и деревянными палочками, под их призывные удары собиралась рада.

Регалии запорожцев признавали Габсбурги, Ягайлы, Рюриковичи и Романовы, Гирей и Османы. Их почитали как воинскую святыню, сохраняя в сичевом храме. Одно то, что Кош помимо основного стяга

¹ Булава с металлическим шаром на конце, украшенная кистью из конского волоса, атрибут власти гетманов.

² Древнерусское холодное оружие, представляющее собой насаженную на рукоять металлическую головку с острыми выступами; у казаков это оружие было знаком власти полковников. Имелись также серебряные перначи, выдаваемые в качестве охранного пропуска гостям запорожцев.

и печати располагал также куренными инсигниями¹, приравнивает его членов по меньшей мере к *les chevaliers bannerets*² рыцарской пирамиды. В польской дипломатии *Klejnot* обозначал не только драгоценность, но и акт на дворянское звание. Царствующие дома соседних стран выступали по отношению к Кошу в качестве не инициаторов, а лишь гарантов его свобод. Отсюда дипломатическая двусмысленность, проявлявшаяся всякий раз, когда монархи пытались ограничить казацкую вольность или даже искоренить её: «Ибо, кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь» (Лк. 8: 18).

Беспотомственные потомки

В XVIII веке академик Иоганн Георги вплотную приблизился к вопросу, неразрешенному по сей день: следует ли считать запорожских казаков отдельным этносом? Ученый отыскал блестящий выход: «Запорожские козаки, — рассуждал он, — были *беспотомственные потомки* черкасских [т.е. украинских. — Р.Б.] козаков, на Днепре поселившихся». Эта формулировка не вызывает сомнений относительно количественного преобладания южнорусского элемента среди запорожцев. Странно было бы, если бы показаченье миновало раздираемую с трех сторон Украину, а пополнение Низового Войска происходило бы, скажем, за счет Новгорода или Пскова. Но перестает ли от этого Сичь быть общим восточноевропейским (а в чем-то евроазиатским) явлением? Отправной точкой здесь должно стать то обстоятельство, что по типу общественного устройства Кош являлся ярко выраженным воинским союзом (*Gefolgschaft*), превентивно отгороженным от каких бы то ни было форм родового (*Sippe*) или племенного (*Bund*) строя. В среде запорожского братства рецидивы семейного солидаризма не подтачивали, но ещё более укрепляли надплеменной, надэтнический, надгосударственный и даже в какой-то степени надрелигиозный *modus vivendi*³ рыцарской республики.

¹ *Insignia* (лат.) — внешние знаки царской власти в Древнем Риме.

² Знаменные кавалеры, всадники (фр.).

³ Способ жизни, условия существования (лат.).

Запорожский настенный календарь XVIII в. Принадлежал престарелому казаку, принявшему постриг в Межигорском монастыре

Если для западных орденов были характерны герметичность, скованность обетом, данным при посвящении, предельная устремленность ввысь, обеспеченная ограничением вширь, то в «низовом товаристве» проглядывает прямо противоположная картина наружного поведения при достаточно близкой цели внутреннего делания.

Как вход, так и выход из Сичи не был особенно затруднен: «На Запорожье говорят, что они войско вольное — кто хочет, приходит по воле и уходит по воле». Определенного срока пребывания в Сичи не полагалось. Казак мог уйти, если хотел служить в реестровых войсках, жениться или просто, как шутили, «зажирів від козацького хліба». Затем, «узнавши, по чім ківш лиха», вернуться. Порядок от

этого не менялся: сколько бы раз ни выходил и ни поступал казак в Войско, он по-прежнему обязан был соблюдать незыблемые регулы¹ товарищества.

Внутренний распорядок ордена тщательно оберегался от любознательных взглядов со стороны. «Числа не знаємо, бо календаря не маємо, год у книзі, а Місяць у небі», — отвечали обыкновенно на депешу о том или ином беглеце, который скрывался в Сичи от правительства своей страны. Приведенный ответ-притча поражает прямо-таки метафизической иронией по поводу всякой земной или даже космической власти, бессильной там, где ничего не хотят знать о времени и числе.

Неопределенность численности Войска была на деле умело пущенной «телегой». Лишь после падения Сичи стало достоверно известно о существовании архива не только при главной канцелярии, но и при каждой паланке, где строго велся учет воинского состава.

Песьеголовцы

Стремление автономного рыцарства на Западе сделаться «государством в государстве» и существование подобного государства в низовьях Днепра на «Божьей земле» — две ветви христианской трансформации одного древнего социального феномена. Жорж Дюмезиль называл его «группой людей, стоящих вне закона», подчеркивая ритуальную функцию этого образования. Рассказ о таком сообществе оставил, например, историк Павел Диакон (VIII в.), когда описывал волчьеголовых воинов-лангобардов. Те были настолько свирепы, что питались лишь кровью врагов, а за неимением оной пили свою собственную.

Как подтверждает Франко Кардини, «песьеголовые»² точно соответствуют военно-религиозному архетипу «воина-зверя», распространенному среди народов Европы: «отверженные» у англосаксов,

¹ Здесь — правила.

² Песьеголовец — 1) сказочное человекоподобное существо с одним глазом во лбу, поедающее людей; циклоп; 2) о человеке, который утратил свои лучшие человеческие черты; изувер, выродок (*pygmal.*); 3) оборотень.

úlfhedhinn и bérserkr у скандинавов и т.п. Ряды их пополнялись за счет так называемых Friedlos — преступников, лишенных прав имущества.

До начала явного социального расслоения в Войске общепринятым самоназванием запорожцев было «сиромахи» (сирома), означавшее: сироты, бобыли, бесприютные, одним словом, сирые. Подобная установка, связанная с обетом нестяжания, имела место и в западных орденах: магистр ордена Святого Иоанна титуловался «попечителем нищенствующей Христовой братии», а к больным и бедным рыцари-иоанниты обращались — «наши господа».

Прозвище «козак-сиромаха» таило в себе ещё одну ассоциацию. В Украине «сиромахой», «сироманцем» называли волка в смысле голодного скитальца. Это выражение перекликается со славянским эпитетом «серый», которым награждали хищника: «Что сѣро, то и волк», «Вали на серого, серый все свезет», «Есть в нем серой шерсти клок», «Серó, серó — да волюшка своя». Слова «сиромаха» в приложении к отдельному запорожцу и «сирома» — ко всему низовому товариществу наиболее адекватно отражали ту же идею Friedlose-Úlfhedhnar-Bérserkir, отверженной стаи воинов-зверей, которая лежит у истоков средневекового рыцарства. Двойственность запорожского мистицизма проявлялась в вызывающем соединении «овечки Христовой» с легендарным «серым волком», ведь последний невоинским людом расценивался как отрицательный персонаж. Интерпретируя химеру «волка-агнца», следует принять во внимание прежде всего не евангельское противопоставление «овец» и «волков», а описание внутреннего мира, присущего Царству Божьему (чаемому христианами), где «волк будет жить вместе с ягненком» (ср. с. 137—138).

Некоторые легенды о характерниках¹, способных «перекидаться» в животных, пословицы типа «Вдень чоловік, а вночі звірюка» свидетельствуют об оборотничестве, которым наделяла молва запорожских богатырей. Удаль, буйство, героическое безумие², проявленные

¹ Характерник — колдун, волшебник.

² Героическое безумие, отвага в древнегреческом обозначалось как μένος, в германском Wut, по-латински audacia.

как в бою, так и на пиршестве, подкрепляли подобные представления. Прозвище Сирко (т.е. волк *серый*) носил самый любимый среди казаков кошевой атаман Иван Димитриевич, «Урус-Шайтан», как его величали татары. После смерти Ивана Сирка его мощи почитались чудотворными.

Дети

Несмотря на то что Сичь не была изначально союзом по посвящению юношей в тайны воинской магии, за время своего существования она с необходимостью приняла на себя целый ряд его функций. Свидетельством этого являются многочисленные случаи «подманивания» малолетних и тот факт, что казаки приводили на воспитание своих крестников, а также учреждение школы на монастырском подворье у Покровского собора. О том, что похищение детей было у казаков и гайдамаков ритуалом, свидетельствует обычай пленения на войне мальчиков-иноверцев — католиков, евреев и мусульман — с целью обращения их из еретиков в русских православных. Так, кошевой Алексей Петрович Белицкий родился в семье польского помещика Вельского (католика), казак Васюринского куреня (позже — старшина Малороссийского войска) Павел Чернявский являлся отпрыском губернатора Андрея Селецкого, также католика. Украденными в детстве евреями были казаки Семен Чернявский и Василий Перехрист... Столь незамысловатым способом сичевики проводили в жизнь две христианские максимы: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19: 14); «Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их»¹ (Мф. 10: 21).

¹ Малолетние подростки, которых заманивали из крестьян, принимались в Сичь по поручительству казаков, которые выступали названными отцами (*ragains* в рыцарстве). По первому же требованию родителей или власти парней отпускали, что, конечно, не предохраняло от их самовольного побега обратно на Сичь. Такой подход диаметрально отличался от отбора потомства у яицких казаков. Те умерщвляли детей, рожденных от иноплеменных пленниц, «дабы через них не быть открытыми и не иметь также ни в чем затруднительной помехи».

Пороховница-натруска с изображением запорожской церкви и рыбы. 1744

Наряду с прочими привилегиями дети пользовались исключительным правом колядовать, поздравлять хлебом на Новый год, звонить в колокола на Светлой седмице, читать Псалтирь по усопшим и по убиенным на поле брани, подавать ладан и тому подобное. За это они получали изрядное количество съестных припасов и денежную плату, из которой складывалась школьная сумма. Вместе с тем, их также считали бойцами, наделяли свинцом и порохом. Сыновья Громады становились её наследниками не

по плоти и крови, а войдя в «свободу славы детей Божьих» (Рим. 8: 21), в мистическое Тело Христово. «Він із риби¹ родом, од пугача плодом», — говорили о происхождении запорожца.

Для потомков оседлого казачества воспитание в Сичи вполне можно сопоставить с рыцарским *Vonne pourriture*² — переходом из женских рук в мужские.

— Рідненькая мати!

Пусти мене з козаками погуляти,

Щоб батьківської слави не розгубляти, — просит молодой воин — герой запорожской думы.

Дар Вотана

Бурная запорожская жизнь не позволяла излишне формализовать отбор членов товарищества. Главными доводами в пользу кандидата служили его физическая сила, боевая выучка, согласие воевать под

¹ Аббревиатура IXΘΥΣ (*греч.*) является древнейшим символом Христа и расшифровывается как «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель».

² Буквально «добрый корм», т.е. воспитание (*фр.*); *ц.-слав.* окормление.

знаменем православия. Прежняя жизнь не принималась в расчет: вновь прибывший здесь и теперь подтверждал свою долю низовой вольницы. После 1654 года к этому добавилась ещё и присяга на верность московскому царю, однако реальная политика ордена позволяет усомниться, так ли серьезно относились к ней те, кто признавал лишь одного Монарха и Судию, и для кого не существовало иной клятвы, кроме обета, данного у святой купели.

Жизненной целью сичевика было стяжание и приложение воинской удали, мыслившейся как реальное причастие трансцендентному Духу. Последний же, согласно христианскому учению, не подчинялся земному регламенту. Ставить Небесное Воинство, символом которого выступал Кош, в зависимость от происхождения, родословной или юридических норм — значило противоречить великой литургической истине, выраженной возгласом «Твоя от Твоих», которую низовой рыцарь осуществлял не в «умном делании» (подобно иноку), а в сознательном заключении своей природы под смертную сень войны с врагами Веры. Это подчёркивал увечеченный фольклором синий жупан, придававший запорожцу облик живого мертвеца (синьца).

Расплывчатость представлений о новициате (испытательном сроке) запорожцев — прямое следствие их легендарной доблести. Английский посол Клавдиус Рондо доносил, например, лорду Гаррингтону о семи годах, по истечении которых соискателя якобы могли записать в число испытанных товарищей. Существование на казацком пути — «Днепре-Славуте»/ «Дніпрі-браті» — девяти порогов: Кодацкого, Сурского, Лоханского, Звонецкого, Ненасытицкого или Дед-порога, Волниговского или Внук-порога, Будиловского, Лишнего и Вольного, непосредственно связанных с названием ордена, дали повод к возникновению предания об их последовательном преодолении новиком. Последний порог иногда называли «Гадючим», что указывает на древний инициатический символ Змея, которого должен одолеть витязь. Кроме того, цифра 9, соответствующая числу ангельских сил в Небесной иерархии, обозначала девять стадий богоуподобления, которые проходил сичевик на своей воинской стезе.

На интересные размышления наталкивает символическая акцентация чисел, отражающих сакральную гидрографию: 6 забор¹ — Волошинова, Стрельчя, Тягинская, Воронова, Кривая и Таволжанская; 7 камней — Богатыри, Монастырко, Корабель, Гроза, Цапрыга, Гаджола, Разбойники и 24 острова — Великий, Романов, Монастырский, Становой, Козлов, Дубовый, Перун, Лантуховский, Гавин, Хортица и др.

«Чтобы кандидату быть признанным за истинного козака, — рассказывал Пьер Шевалье в 1663 году, — ему должно было переплыть днепровские пороги и, следственно, побывать на Черном море, подобно тому, как мальтийские кавалеры для достижения высшего звания в своем ордене обязаны участвовать в своих караванах, т.е. сражаться на галерах против неверных».

Исследователи обращают внимание на практическую трудноисполнимость каждым новиком спуска через днепровские пороги. Трудность и длительность данного предприятия не подлежат сомнению, хотя есть примеры, когда желавшие приобщиться к запорожской вольнице подобный путь проделывали. Смысловый акцент ставился не столько на спуске вниз по Днепру как таковом, сколько на участии в военных действиях против «неверных», ради которых запорожцы, собственно, и выходили в Черное море.

Молодечество

От разделения на «батьков» и «сынков», исходящего не из возраста, а из срока службы, следует отличать институт молодечества², соответствовавшего *Tirocinium*, *Juvenes*³ и в конечном итоге пажескому званию. Если взрослый воин-испытываемый проверялся в готовности носить гордое имя «рыцарь», то юноша, принятый на содержание, специально обучался *les trois metiers des armes*⁴: «Богу добре

¹ Гранитная гряда, не пересекающая Днепр от одного берега до другого как порог, а оставляющая свободный проход для судов.

² Молодечество — неудержимая смелость, храбрость, рвение.

³ Молодые люди, фигурально «телки» (*лат.*).

⁴ Три вида занятий оруженосца (*фр.*). В западном рыцарстве к ним относились: владение оружием, участие в турнирах и знакомство с иностранными обычаями.

молитись, на коні рип'яхом сидіти, шаблею рубати і відбиватися, із рушниці влучно стріляти і списом добре колоти». Об этом поется в казацкой песне:

*Ой, батьки, збирайте дружину.
Ходім врага бити;
Беріть і малу дитину,
Щоб знала, як вражого сина лупити.*

Названия *молодые люди*, *молодь* происходит от древнерусского названия «молодшей» дружины. Прослеживая ступени инициатической лестницы, можно обнаружить, что термин «молодик», «молоец» («питающийся молоком») указывает на непосвященность: «Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец; твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла» (Евр. 5: 13). За словом «молодечество» неслучайно закрепилось значение удальства и отваги: кандидат в низовые рыцари (в более ранний период — младший дружинник) должен был не просто выслуживать свои годы, но именно молодечествовать, демонстрируя удаль, требуемую для повышения статуса.

Сравнивая воинское братство с монашеским, можно заметить, что звание молодика, который вел целомудренный образ жизни, соответствует чину послушника. Группу *juvenes* выделял среди хаттов ещё Тацит, сообщая, что у этого германского племени юноша считался воином с полнотою гражданских прав только после убийства противника. Сходных взглядов придерживались южнорусские казаки, которым, как сказано в повести «Тарас Бульба», «было стыдно и бесчестно думать о женщине и любви, не отведав битвы».

Пройдя боевое крещение «Духом Святым и огнем» (Мф. 3: 11), выказав подобающую рыцарю удаль, молодик, в замечательно-двойственном смысле этого слова, облакался волей. Далее он свободен был либо проститься с ней, нанявшись в реестровые казаки, либо, порвав все связи, записаться в курень, стать тем, кого «весь мир не достоин» (Евр. 11: 38).

*Вызов на герць (поединок перед сражением).
Гравюра Ю. Шублера с картины А. Кандаурова. 1895*

Жизнь после смерти

Ритуальная смерть посвящаемого и его воскрешение в новом качестве по рыцарскому обряду вполне сопоставимы с торжественной встречей нового запорожца в курене, где ему предстояло служить. Если молодого кандидата¹ в рыцари укладывали в постель, покрывали белым саваном — в знак его смерти для скверны мира сего, а в масонском ритуале инициант ложился в символический гроб, то нечто подобное имело место и среди сичевиков, принимавших нового брата. Собрав казаков, куренной атаман отводил кандидату место в три аршина длиной и два шириной, разъясяя: «Ось тобі і домовина², а як помреш, то зробимо ще коротшу».

Приобщение к рыцарскому братству сопровождалось переменой имени и внешнего облика. После инициации запорожец получал «новое имя» (Отк. 2: 17), которое имело грубо-вызывающий характер: Гныда, Пивторыкожуха, Непыйпыво, Нейижмак, Сэмы-Палка, Нэ-Рыдай-Мене-Маты, Лупынис, Шмат, Шкода, Часнык, Лысыця, Ворона, чем демонстрировалось полное презрение к «миру

¹ От лат. *candide* или *candidus* — чистый.

² Гроб (укр.).

сему», который покидал член ордена. Низенький человек сразу мог рассчитывать на кличку Махина, высокий — на Малюту, висельника достаивали имени Святоша, хмурого — Держыхвист-Пистолэм. Вопрос о том, каким способом индивидуальная характеристика, заключенная в прозвище, могла заменять фамилию, должен был, казалось, пробудить любопытство исследователей. Однако советская историография упорно отрицала ритуальный смысл переименования, сводя все к «естественному стремлению беглых крепостных обезопасить себя от возможных преследований со стороны их бывших владельцев и властей». На запрос России или Польши, нет ли в Сичи какого-нибудь Иванова или Войновича, запорожский Кош уведомлял, что таких лиц в Сичи нет, а есть Задерыхвист или Рогозяный-Дид, прибывшие около того времени, о котором запрашивали чиновники.

Когда Никите Коржу (автору бесценных воспоминаний о низовой вольнице), после неловкого падения с вершины кургана, казаки присвоили достаточно обидную кличку, крестный отец утешил его: «Терпи, хлопче, козаком будеш, а з козака попадеш і в отамани; з посміху і люде бувають». Тем же манером приобретались в детских играх фамилии средневековых аристократов. Только жаловал прозвищами будущий великий князь или король, а не удалая компания батьков.

«Они всех поднимают на смех: Украина у них не Украина, а Польша; люди там не люди, а недолюдки, мажутя там не святым миром, а гусиным жиром», — писал Пантелеймон Кулиш. Ритуальное высмеивание было необходимо для требуемого православной аскетикой дистанцирования от своего эго, которое, вместе с тем, мыслилось погруженным в наиболее inferнальные слои реальности (так называемое «ношение ада в себе»). Прозвище не снималось с сичевика даже после переезда на тот свет. Закалённая в горниле сражений Громада представляла собой оппозицию ко всему внешнему миру, а каждый её член к собственной личности. Таким образом, казак окончательно избавлялся от сетей глобальной иллюзии «мира сего».

«Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа [...] Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы

просветить нас познанием славы Божией... Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам. Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем. Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем; так что смерть действует в нас, а жизнь в вас» (2 Кор. 4: 5—10,12).

Употреблять в официальных документах отчество, а не только прозвище имела право лишь войсковая старшина, служившая тонкой мембраной между вселенской тюрьмой и беспредельной вольницей казачества.

Оседедец

Преображение сознания — цель «обряда перехода» — меняло внешний вид сичевика. Новоявленный «кавалер» брился наголо, оставляя на макушке небольшую кисточку — чупрыну, которую закидывал за левое ухо, поскольку все знаки воинской доблести носились с левой стороны. «Дівчата коси одрощують, а запорожці чуприни» — посмеивались на Украине. Л.Л. Зализняк, Э.Н. Бондарь и другие отмечают родственность знаменитой прически Великого князя Святослава и запорожцев с шикхандой индийских кшатриев, косичкой хеттов, чубчиком царя Артавазда¹ и даже хухалем старомонгольского воина.

Кроме того, непосредственно связан с этим обычаем славянский обряд пострига, усвоенный Православной церковью и долее всего (после падения Сичи) сохранявшийся среди донских казаков. Схожесть распущенной «чупрыны» с овечьим хвостом служила намеком на евангельскую символику отары, лежавшую в основании структуры Войска. Спасительный смысл ношения «чупрыны» был знаком ещё ведическим ариям. Бенгальские вишнуиты, например, рассматривают шикху не только в медико-магическом аспекте (излагаемом Сушру-

¹ Артавазд II — (ум. 31 г. до н.э.), царь Великой Армении (56 — 34 гг. до н.э.).

Н.И. Струников. Запорожец в бою. Дерево, масло. 1901

А.Г. Слостён (1855—1933). *Козаки*

той¹) но и в сотериологическом²: за этот клоч волос Господь вытягивает человека из океана Майи³.

Институт побратимства, сохранявшийся в Запорожье, является ещё одним элементом православной воинской традиции. Горизонтальная иерархия Коша нуждалась в дополнительном структурировании, выходящем за рамки должностей и срока службы. В различных формах братание практиковалось среди воинских организаций, начиная чуть ли не с фиванского Священного Союза. *Permixtio sanguinis*⁴ приобрело в Сичи форму духовного единства: совместное причащение Телом и Кровью Христовой, обмен иконами и амулетами, троекратное целование. Взаимопроникновение двух судеб скреплялось юридической хартией, «завещательным словом», циркулировавшим внутри Войска.

¹ Индийский медик (до VIII в.), автор трактата «Сушрута-самхита».

² От греч. Σωτήρ, «Спаситель» — часть религиозного учения, рассматривающая аспект спасения.

³ Вселенская иллюзия в индуизме (санскр.).

⁴ Смешение крови (лат.).

Знаменательно, что этот и ещё некоторые другие ритуалы сохранились Сербской церковью, а именно сербы были приглашены в Новороссию Екатериной II на смену чересчур независимым сичевикам.

Запорожская церковь

Церковные историки XIX века восхваляли Сичь за то, что «никогда ни один раскол не закрался в её исповедание». Богослужение в Коше совершалось «неотменно» каждый день по монастырскому уставу. В XVII веке низовое рыцарство возглавило вооруженную борьбу против Унии; запорожцы-католики не захотели покидать Войско и приняли православие. Военные действия против Крыма и Турции проходили под клич священной мести «врагам Креста». А в наказе 1767 года запорожцы даже ходатайствовали об удалении старообрядческого поселения близ крепости Св. Елисаветы, «понеже в войску Запорожскому, по жительству их при границех, устав таков, чтоб на принадлежащей ему земле иноверным не быть и не жить» (§ 9). На проживание среди донцов «приверженцев неосмысленного лжеверия» (раскольников) сичевая корреспонденция в Петербург педантично списывала размолвки, часто возникавшие между казачьими войсками. «Москаль хотя и недруг, но все же православной веры человек», — увещевал запорожцев архимандрит Владимир (Сокальский), когда 4 июля 1775 года российские солдаты окружили Новую Сичь. Большинство казаков не стало стрелять и сложило оружие: «Знав, пан-отче, що сказать!»

Менее охотно имперская историография распространялась о другой черте Запорожской церкви — о её, «можно сказать, оригинальном управлении». Следуя церковной юрисдикции, приходы Низа являлись парафией Трехтемировского монастыря (ок. 1576—1660), а затем — Свято-Преображенской Киево-Межигорской обители. Оттуда преимущественно выписывались иеромонахи сроком на церковное лето (с сентября по сентябрь). После исхода 1709 года, когда запорожцы переместились в Алешки (на полуостров Крым), и до 1734 года они окармливались Константинопольским патриархом. Получали казаки благословение и от предстоятеля Иерусалимской церкви.

*Типичный храм из тех, которые возводились запорожскими казаками.
Церковь Архистратига Михаила. Вторая половина XVI в. Перенесена
из с. Дорогивка на Киевщине*

Так обстояло дело с точки зрения клерикальных властей, но следует учесть, что, будучи выборным главою монашеско-рыцарской регулы¹, кошевой обладал и духовной властью *Generalis*². Любой служитель, не исключая начальника сичевых церквей, мог быть без проволочки удален из Коша и заменен более подходящим. Необходимость хранить военную тайну, диктовавшая придирчивый отбор клира, дала повод доминиканцу Оскольскому обвинить казаков в том, что они «не допускают к войску своему священников и потому недостаточно думают о Боге». В Сичи между тем подвизалось иночество и иерейство не только других епархий, но и других восточных церквей, а также гонимые отовсюду неконформисты типа «дикого попа», отца Кирилла Тарловского, архитектора и бывшего духовника императрицы Елизаветы Петровны.

В 1686 году киевский митрополит Гедеон узурпировал назначение духовенства. Межигорский монастырь послушался и отозвал братию, однако следом направил жалобу своему бывшему насельнику — Всероссийскому патриарху Иоакиму. Ответная грамота от 5 марта 1688 года утвердила ставропигиальное³ подчинение запорожцев. Согласно каноническому праву, Московский патриархат просто не мог предоставить большей свободы. Но в XVIII веке церковная администрация империи дала понять, что не потерпит и намека на духовную автономию своей потенциальной паствы, которой она считала запорожцев. Святейший синод сделал все, чтобы лишить сана епископа Милетского Анатолия, согласившегося возглавить Запорожскую автокефалию.

Акафист и гак

Церемониал и дисциплинарная практика Войска были ориентированы на монастырско-орденские порядки. Торжественно справлялось Рождество Христово, особо чествуемое в духовно-рыцарской среде (кстати, на этот праздник 1678 года произошло чудесное спасение спя-

¹ Синоним ордена, духовной организации (*лат.*).

² Генерал, наивысший чин в духовном ордене.

³ Ставропигиальные монастыри непосредственно подчиняются патриарху.

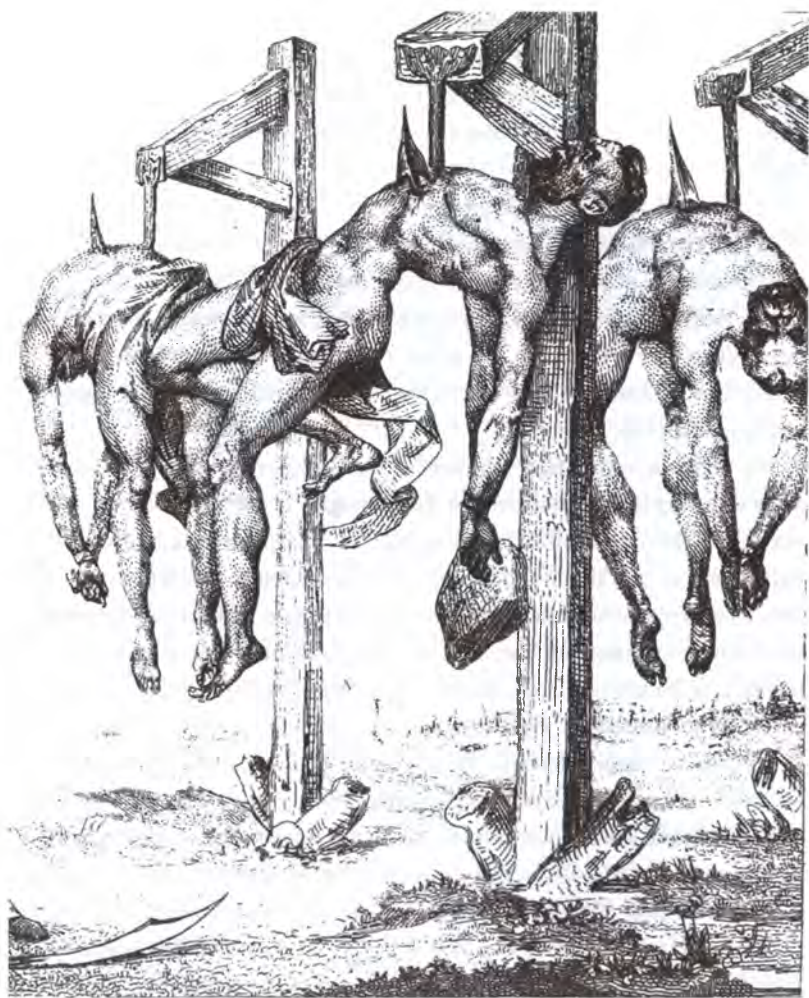
щих казаков от проникших в стан турок). Так же выделялись Покров Пресвятой Богородицы, дни Архистратига Михаила, Николая Чудотворца и апостола Андрея Первозванного. Описание инспекционного объезда 1772 года изобилует множеством богослужений, происходивших по ходу ревизии. Источники свидетельствуют о строгом соблюдении поста (12.02.1762 года, например, по причине наступления 1-й седмицы Великого поста было отложено судебное разбирательство), постоянном предпочтении рыбной пищи мясной, благочинном поведении при совершении церковных служб, о регулярных пожертвованиях и тайном выкупе единоверцев из неволи. Дважды в год (мирного времени) казаки отправлялись «на прощу» по святым местам и близлежащим обителям.

Исполнение неписаных законов обеспечивалось суровой системой наказаний: битьем киями, столбовой смертью, железным гаком¹, казнью преступника преступником. Вопреки правительственным распоряжениям 2-й половины XVIII века, запрещавшим местным властям выносить смертный приговор, уголовников в Новой Сичи не только за разбой, но и за кражу «вешали, и у столба убивали, и на кол живых сажали». Запорожцы не собирались передоверить «войсковую справу» гражданской администрации: вершить суд над рыцарем мог лишь его *compagnon d'armes*², а не бюрократическая машина.

«Хотя в Сичи, — писал патер Китович, — жили люди всякого рода — беглые и отступники от всех вер, — однако там царствовали такая честность и такая безопасность, что приезжавшие не боялись и волоска потерять с головы своей». Сичевики шутили, что обмануть даже черта, *если он иногда попадал им в товарищи*, считалось грехом. Отвага, неустрашимость казаков вызывали похвалу и у противника. «Можно уверенно сказать, что нельзя найти на земле людей более смелых, которые бы так мало заботились о своей жизни и так мало боялись бы смерти», — отмечал официальный летописец Османской империи Мустафа Найма (ок. 1652—1716).

¹ Железный крюк. Ср. с еврейским *хак* — определение, закон.

² Товарищ по оружию (*фр.*).

*Казнь железным гаком пленных поляков в Османской империи.
Фрагмент французской гравюры. 1833*

Нулевая религия

Как же столь ярко выраженный тип витязя оказался вне религиозного диапазона современников? Чем продиктованы печатные отзывы о запорожцах как о неистовых «ребеллизиантах»¹ (митрополит Петр Могила), людях «никакой веры» — «*religionis nullius*» (Адам Кисель), «без религии» — «*sine religione*» (униатский митрополит Рутский), «не имеющих страха Божия» (московские думные дьяки в передаче Эриха Лясоты)?

Здесь нужно выделить три причины:

1) **политическая.** Окружающим Кош государствам выгодно было поддерживать версию о религиозной индифферентности Запорожья. Лишь после окончательного распыления Сичи сепаратистские идеологи Украины и Польши, а также имперская историография России попытались (каждый в своих целях) использовать феномен запорожского рыцарства;

2) **социокультурная.** Кошевое товарищество, будучи независимым воинским союзом, стояло вне законов гражданско-религиозной системы. Личная и общественная жизнь запорожцев для стороннего наблюдателя выглядела как цепь повторяющихся кошунов, сплошное издевательство над обыденным рассудком. Причину, по которой сознание сичевика ни он сам, ни окружающие не осмелились бы назвать «обыденным», мы охарактеризовали бы как

3) **аскетическую.** Она коренится в неординарной религиозности прошедшего эффективную инициацию² казак-запорожца. Даже при условии немногочисленности воинов такого типа (*характерников*), воплощаемый ими героический идеал оказывал серьезное влияние на остальных казаков. Ведущую роль на пути от виртуальной инициации к эффективной играла психодуховная практика «хранения заповедей», тесно связанная со смертью «ветхого» человека в рыцаре и воскресением в нем «нового», Пасхой (по-гречески «переход», «освобождение»). «Насколько за каждую заповедь человек терпит смерть, по произволению, настолько приходит в большее познание и созерцает

¹ Повстанец, бунтовщик (*лат.*).

² О виртуальной и эффективной инициациях, различиях между ними см.: Генон Р. Заметки об инициации. М., 2003.

совершающееся в нем по благодати Христовой изменение», — писал преп. Нил Синайский. Ещё резче о модели поведения посвящаемого в таинство христианской веры выразился свт. Василий Великий. По его мнению, тот «вовсе не должен иметь заботы о своей жизни и смерти». Результатом такого «делания» является приобретение «великой веры ведения» (преп. Исаак Сирий, св. Петр Дамаскин): «После “делания” рождается в нас великая вера *ведения*, о которой Господь сказал: *если бы вы имели веру с зерно горчичное*» (Лк. 17: 6). «Иная есть общая вера православных, то есть правые догматы о Боге и Его творениях мысленных и чувственных, как, по благодати Божией, приняла Святая Соборная Церковь, и иная — *ведения*, то есть познания, которая отнюдь не противится родившей ее, но обыкновенно ещё более её утверждает».

К пониманию природы этой веры вплотную подошел Дмитрий Яворницкий, когда сделал вывод, что «жизнь запорожского казака — своего рода аскетизм, до которого он дошел опытом, а не заимствовал извне». Однако тайну зарождения в казацкой среде «непосредственной веры», которую Эвола назовет позднее «верой с опытом», никому пока не посчастливилось раскрыть. Большинство исследователей упускают из виду, что война под клейнодами Сичи воспринималась казаками как высшая мера в исполнении заповедей Христовых, следование путем Любви. «Больша сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15: 13). Да — в ледящем ужасе, который наводили характерники, за ними самими больше не ощущалось никакого страха: ни человеческого, ни смертного, ни Божьего. Ибо «совершенная любовь изгоняет страх». На это способна лишь *Amor*, а не *Caritas* или *Deliciae*¹.

Адаптацию иноческого учения о «вере ведения» применительно к воинскому братству Низа представляется правильным отнести на счет старцев Афонской Горы (крупнейшего центра православной аскезы), связь с которой не прерывалась и в годы пребывания Сичи на зем-

¹ *Amor*, *Caritas*, *Deliciae* (лат.) — три градации понятия «любовь», заимствованные средневековой культурой из античной философии. *Amor* — страстная любовь соответствует категории «эрос» у Платона. *Caritas* — любовь к родине, родителям. *Deliciae* — по смыслу ближе к наслаждению, отраде.

лях крымского хана. Прочный симбиоз между рыцарскими и монашескими орденами издавна существовал в Европе: госпитальеры и цистерцианцы, храмовники и бернардинцы и т.д.

За порогом страха

В XVII и особенно XVIII веке рыцарское подвижничество все менее приветствовалось теми категориями населения, которые, как принято выражаться, шли «широкой стезей» профанной религиозности, не углубляясь в мистический опыт христианства, или для тех церковных деятелей, которые возлагали надежды исключительно на абсолютистскую форму правления. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его?» (1 Кор. 2: 14—16).

При этом народное творчество, благодаря отсутствию в жизни казака меркантильной озабоченности, рисует её тяжелой, полной трагизма, но вместе с тем возвышенной и почетной. Такая характеристика близка к восприятию образа монашества.

Если занятием чернецов считалась молитва, то у сичевиков её заменяла битва. «В мире жить никогда не хошут, — замечает на сей счет летопись Григория Грабянки, — но егда в земле их мир оглашен будет, то самовольно идут на помощь иным царствам, и малія ради корысти великую нужду подіймут, море перепливати дерзают в едноревских суднах». Для молодца, озабоченного стяжанием удали, война превращалась в насущную потребность. «Козаку воевать — соловью петь»; «козаку воевать — чинить Промысел».

Мотивация такого поведения однородна с рыцарским *Quetes*¹, когда ни к чему дорожить головой, коли:

Не сьгодні, так завтра поляже вона,

Як у степу од вітру трава,

¹ Поиск (фр.).

Песнь победы. Гравюра с картины Юзефа Брандта. 1870-е

*А слава не вмере, не поляже,
 Всьому світу рицарство козацьке розкаже.
 Та козацька слава,
 Що по всьому світу дивом стала,
 Що по всьому світу степом розляглася-простяглася,
 А та по всьому світу луговим гомоном роздалася,
 Туреччини та татарцини добрим лихом знати далася,
 Та й ляхам-ворогам на спис оддалася.*

Излюбленный объект иронии казачьих поговорок — собственная гибель: «Умів шарпати, умів і вмерти, не скиглячи», «От казали, неначе воно боляче, як шкуру з живого чоловіка здирають, а воно мов комашня кусає».

Богословие пира

Уклад жизни казаков в мирные дни также имел немало «характерных» черт. Сугубое молодечество выказывалось в широком, неудержимом разгуле. Религиозно-исторический императив бражничества — позиция Владимира-Крестителя: «Руси есть веселие питье», а запорожцы

подчеркивали всегда свою *руськую* (т.е. дружинно-аристократическую) принадлежность. В германо-скандинавской, славяно-фракийской мифологиях прослеживается взаимозависимость между сражением и пиршеством (образная система Вальгаллы, стенописи Казанлыкской гробницы¹, строки о «кровавом вине» в «Слове о полку Игореве» и т.д.).

Такое отношение служило полемической корреляцией к официальной трактовке опьянения, которое в обществе XVI — XVIII веков все чаще приравнялось к пороку пьянства. Зато в XII — XIII столетиях высказывание св. Владимира о «питии» включали в состав летописных паремий² и декламировали в храмах. Виноградная лоза и связанная с ней мистериальность давно вошли в знаковую систему христианства. Исходя из двуединства евхаристии, к ним присоединялся хлебный колос. Но трудность подстерегала богословов, когда они приближались к осмыслению получаемых на основе зерна напитков. И если пиву повезло больше³, то продукт хлебной перегонки, водка, либо совершенно игнорировалась как метафизический символ, либо использовалась как отрицательный пример в нравоучениях.

Между тем именно горилка, соответствующая алхимической проекции «огонь в воде», была преобладающим напитком у запорожцев в мирное время. «У нас в Січі норів — хто “Отче наш” знає, той вранці встав, уміється та й чарки шукає»; «Чоловік не скотина, більш відра не вип’є»; «Розступись, душа козацька, обіллю»; «Вонзим копія в душі своя».

Корчма в казацких думах именуется «княгиней», а в той «княгині много козацького добра загине, і сама вона не ошатно ходить і козаків під випадок без свиток водить». «Княгиня» — корчма, «князь» — казак, повенчавшийся с ней, — живо напоминают мистическую свадьбу

¹ Античное гробальное сооружение около г. Казанлык в Болгарии. Памятник греко-фракийского искусства конца IV — начала III в. до н.э.

² Чтение мест из Ветхого Завета в православном богослужении. В Русской церкви XI—XIII вв. в качестве паремий использовались иногда отрывки из начальной летописи.

³ Ср.: «Приидите, пиво прием новое, не от камене неплодна чудодеемое, но нетления источник, из гроба одождивша Христа, в Немже утверждаемся» (ирмос 3-й песни Пасхального канона).

Короля и Королевы в *Ars Sacra*¹. Поэтому далеко не случайно горилку величали «оковитою»², обращаясь к ней как к живому существу. «Хто ти?» — «Оковита!» — «А з чого ти?» — «Із жита!» — «Звідки ти?» — «Із неба!» — «А куди ти?» — «Куда треба!» — «А білет у тебе є?» — «Ні, нема!» — «Так отут же тобі й тюрьма!». Ритуализованность восприятия *aqua vitae* блистательно сформулировал Гастон Башляр: «Ошибочно мнение, будто алкоголь только возбуждает способности духа. Он поистине создает эти способности. Он, так сказать, вливается в то, что силится выразить себя».

Могут возразить, правда, что спирт в открытой степи (особенно зимой) являлся попросту высококалорийным пищевым продуктом, без которого казаки не могли обойтись на марше. Но именно тогда, во время боевых действий, всякое спиртное категорически исключалось из рациона. За его употребление нарушителя ждало суровое наказание. Мнение Запорожского Коша явно расходилось с мнением Раймонда Луллия³, который считал, что алкоголь «удивительно удобно потреблять перед боем для поднятия духа солдат».

Дурной разум

Столь же эпатирующим было проявление рыцарского нестяжания, которое прямо следовало за «опанованием» нагробленного имущества и заканчивалось искрометным проматыванием личной доли. Ведь «не на те козак п'є, що є, а на те, що буде». Снискание богатства нимало не уважалось, а от искусства не копить сокровищ на земле, приобретая «себе друзей богатством неправедным» (Лк.16: 9), зависел престиж сичевика. В запорожском *Verdhung*⁴ на первый план выступало максимальное освобождение себя и сотрапезников от условностей матери-

¹ Священная наука, т.е. алхимия (*лат.*).

² *Aqua vitae* (*лат.*) — вода жизни — крепкая водка высокого сорта.

³ Луллий Раймонд (ок. 1235 — ок. 1315) — философ и теолог; основоположник и классик каталанской литературы, поэт-лирик; францисканец, миссионер.

⁴ От *сканд.* *Verdhr* — пир — иногда употребляется в значении «битва», «кровавое брашно», «брань».

ального мира, следование заповеди «не заботьтесь о завтрашнем дне» (Мф. 6: 34).

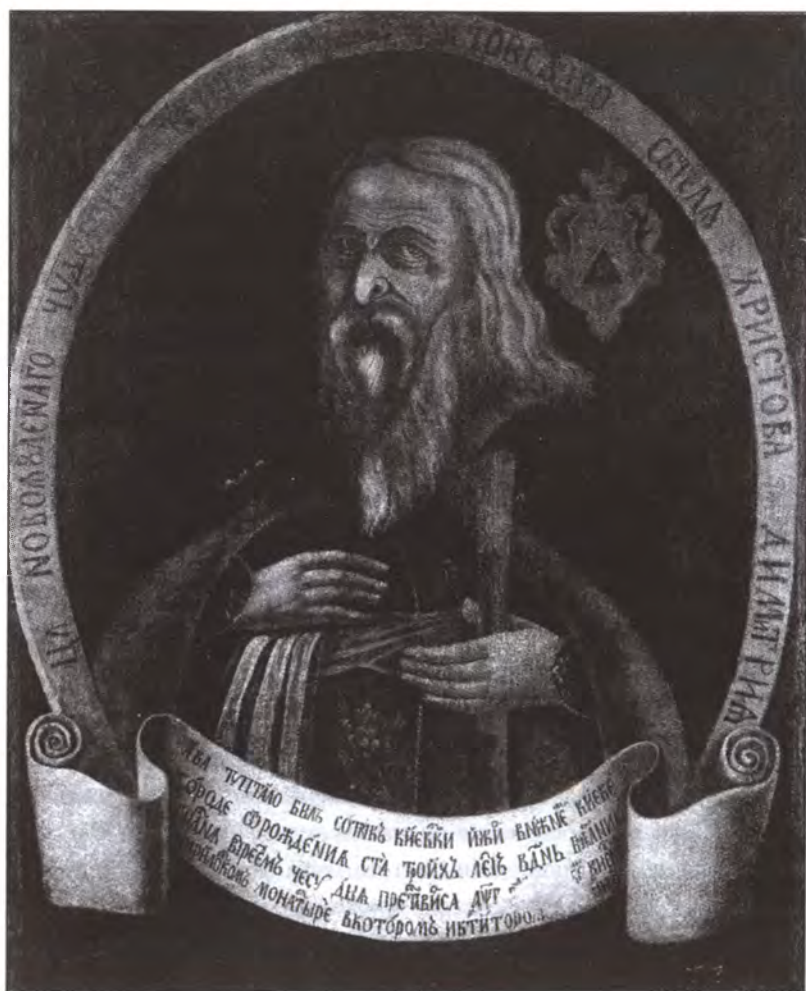
То был аскетизм наоборот, когда взаимно уничтожают друг друга ложь напускного смирения и постыдное пристрастие к чревоугодию. «Запорожці, як малі діти: дай багато — все з'їдять, дай мало — довольні будуть». Буйство Христа ради приобрело у низовых *лицарив* название «дурного розуму».

*Бурлаче, козаче, дурний розум маєш,
Дурний розум маєш — долю проклинаєш;
Не так винна доля, винна ж твоя воля:
Що ти заробляєш, то все противаєш,
А що загорюєш, то все прогайнуєш.*

Алхимия души

Вообще, как точно подметил Яворницкий, «в основе характера козака всегда лежала двойственность: то он очень весел, шутилив и общителен, то он грустен, молчалив, угрюм и недоступен. Эта двойственность вытекала, конечно, из самого склада жизни запорожского козака». Практика многих систем трансформации (в том числе православного аскетизма) рассматривает двойственность противоположных сторон не в качестве конечной данности, не предполагающей ничего иного по ту сторону от нее, а в качестве взаимного дополнения. Описанная ситуация известна в алхимии под названием *Coincidentia Oppositorum*¹. В психоанализе Карл Густав Юнг отождествил эту двойственность с тесным союзом в человеке мужского принципа сознательного с женским принципом бессознательного (а затем — с алхимическими эмблемами «Короля и Королевы»). «В то же время тенденция противоположностей к синтезу всегда сопровождается потрясениями и страданиями до тех пор, пока она окончательно не разрешается с помощью сверхъестественных сил. Таким образом, шаг от тезиса к противоречию болезнен, а следующий шаг — от противо-

¹ Сочетание противоположностей (*лат.*).

Портрет запорожского казака Саввы Туптало, отца св. митрополита Димитрия Ростовского. XVIII в.

речия к экстастическому разрешению — трудно осуществим» (Хуан Эдуардо Керлот).

Этим объясняется малочисленность прошедших эффективную инициацию сичевиков, что, вероятно, не выходит за рамки положения дел в известных нам воинских братствах того периода. Привносить в область Духа — а именно в этой области осуществляется подлинное посвящение — количественные мерки, предназначенные для оценки материальной субстанции, неуместно: «Каждая нравственная победа в тайне одной христианской души есть уже духовное торжество для всего Христианского мира, — размышлял философ середины XIX века Иван Киреевский, соприкоснувшийся с православной инициатической цепью в лице старцев Оптиной пустыни. — Каждая сила духовная, создавшаяся внутри одного человека, невидимо влечет к себе и подвигает силы всего нравственного мира. Ибо как в мире физическом небесные светила притягиваются друг к другу без всякого вещественного посредства, так и в мире духовном каждая личность духовная, даже без видимого действия, уже одним пребыванием своим на нравственной высоте, подымает, привлекает к себе все сродное в душах человеческих. Но в физическом мире каждое существо живет и поддерживается только разрушением других; в духовном мире созидание каждой личности созидает всех, и жизнью всех дышит каждая».

Свобода без порабощения, власть без наследования, война без пощады и желания выжить, разбой без корыстолюбия — эти реперы социально-политической ориентации Запорожья выглядят как духовно-нравственный эталон. На одном конце запорожской двойственности лежало осознание падшести человеческой души, в силу чего слияние с ней благодати Святого Духа кажется невозможным. Это порождало сверхчеловеческое желание «умереть для греха» (Рим. 6: 2), даже если тогда погибнет не только плоть, но и сама душа: «Если пшеничное зерно, пав на землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12: 24). Здесь, кстати, символический смысл перегонки в процессе изготовления горилки, полной смерти зерна.

С другой стороны, необходимость жить по примеру Искупителя, который, «будучи образом Божиим, [...] унижил Себя Самого, при-

няв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек» (Флп. 2: 6—7), — вело к неразрешимой психологической антиномии. Православный рыцарь созерцал внутри себя образ Христа, понимая, что недостойн этого. «Но Он сказал: невозможное человекам возможно Богу» (Лк. 18: 27). На стыке нравственных полюсов вспыхивала «молния» парадоксальной интуиции. Воин-запорожец каким-то непостижимым, шестым чувством догадывался, как и при каких условиях в нем может сомкнуться несочетаемое: божественное и человеческое. То, что некогда стало неслитным и нераздельным во Христе Ииусе. Этическое напряжение между высоким идеалом и заниженной самооценкой служило источником регулярных инсайтов в психике сичевика.

Православный дзен

Современный философ Гейдар Джемаль дал четкое определение трансцендентной интуиции (на которой базировалась практика озарения у сичевиков). «Молния есть единственная форма проявления парадоксальной интуиции, — пишет он. — Мгновенность молнии не оставляет места статичному ощущению. Мгновенность молнии не оставляет места фиксированному воспоминанию. Поэтому восприятие молнии принципиально не подчиняется никаким критериям достоверности. Не имея длительности в себе, молния исключает длительность из отношения к себе. Поэтому в отношении молнии бессмысленно и невозможно ожидание. Неуловимость молнии выражает наиболее значимый для субъективного начала аспект истины. Он заключается в том, что *в истине нет долженствования быть*. Другими словами, истина не совпадает с онтологическим [бытийственным. — Р. Б.] наличием». В христианской традиции этому соответствует: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (Ин. 3: 8); а также: «В мире был, и мир Его не познал» (Ин. 1: 10).

Указания на практику немотивированного, парадоксального восприятия трансцендентного есть в житиях христианских святых (особенно юродивых). Напоминает она и учение дзен (чань) в буддизме.

Козак Мамай. Холст, масло. XIX в.

Эта модель поведения индивидуума в средневековом обществе сходна с групповым поведением «людей вне закона». Считая юродство реальным культурным феноменом, филолог Сергей Иванов полагает, что «юродивый — это человек, чье поведение ничем не отличается от поведения сумасшедшего или дебошира, но чей статус в обществе весьма высок» (см. с. 264). Интересно, однако, что примеры коллективного юродства (мы не относим сюда санкционированные действия типа карнавала) практически неизвестны в христианском обществе: они с неизбежностью вылились бы в ревизию религиозно-политических норм. Вот почему Запорожская Сечь, где немотивированное поведение носило коллективный (но не одинаково проявляющийся) характер, представляла собой общество альтернативного типа по отношению к остальным христианским государствам.

Помимо онтологической потребности в воинском подвиге, упоения гибелью (прежде всего собственной), ритуального опьянения и проматывания добра, к аскетической и медитативной практике сичевиков относятся: знаменитая казацкая дума при созерцании бурных

А.Г. Сладкѣн. Портрет кобзаря Петра Сироштана. 1887

днепровских порогов, погружение в транс от звуковых вибраций степи, курение люльки с табаком (или опиум), слушание кобзарей (которые «долю співають»), пляска до упаду... Все эти элементы, прокладывая путь к сверхрациональной области восприятия, формировали неповторимый облик каждого рыцаря и кошевого братства в целом. Общаясь между собой, низовые товарищи создали аргю (на базе украинской «мовы») с бесконечной лестницей смыслов и освобожденным синтаксисом. Отдельного разговора заслуживает язык жестов, близкий к турнирному этикету и восходящий к воинским приветствиям Рима.

«— За Сичь! — сказал Тарас и высоко поднял над головой руку.

— За Сичь! — отдалось густо в передних рядах.

— За Сичь! — сказали тихо старые, и, встрепенувшись, как молодые соколы, повторили молодые:

— За Сичь!

И слышало далече поле, как поминали козаки свою Сичь... Уже пусто было в ковшах, а все ещё стояли козаки, поднявши руки».

Прощание со светом

Двойственность религиозно-нравственного эталона запорожца рельефно проступает в обряде «прощания козака со светом» (т.е. уходе в монастырь), описанном П.А. Кулишем. Большинство казаков, избравших стезю инока, оставляли Сичь внезапно, без всякой огласки, но иногда этот уход совершался торжественно, на виду у всех, и сопровождался гомерическим весельем.

Покидающий Кош рыцарь надевал праздничное платье и парадное оружие, набивал карманы и кожаный черес звонкой монетой, нанимал музыкантов, закупал несколько бочек «п'яного зллля», а к нему повозку со снедью, и отправлялся в какой-нибудь монастырь (чаще всего Межигорский) «спасатися». «Музыка ударяла «веселої», и компания трогалась в путь. Тут всяк, кто изъявлял свое желание провожать прощальника до монастыря, пил, ел на его счет и танцевал; впереди всех на прекрасном боевом коне неся сам прощальник «сивоусий»; нередко и он сходил с коня, пил, ел и пускался «навприсядки».

Всех встречных и поперечных он приглашал в свою компанию, угощал напитками и предлагал всевозможные закуски. Если он увидит на своем пути воз с горшками, немедленно подскакивает к нему, опрокидывает его вверх колесами, и вся веселая компания его тотчас подбегает к горшкам, пляшет по ним и разбивает вдребезги. Если он завидит воз с рыбой, также подскакивает к нему и опрокидывает, а всю рыбу разбрасывает по площади и приговаривает: «Їжте, люди добрі, та поминайте прощальника!» Если он наскочит на «перекупку» с бубликами, то также забирает у нее все бублики и раздает их веселой компании. Если попадется ему лавка с дегтем, он тот же час скачет в бочку с дегтем, танцует в ней и выкидывает всевозможные «выкрутасы». За всякий убыток или шкоду платит потерпевшим червонцами, разбрасывая их вокруг себя «жменями».

Так добирается прощальник до самого монастыря; тут компания его останавливается у стен святой обители, а сам он кланяется собравшемуся народу на все четыре стороны, просит у всех прощения, братски обнимается с каждым и наконец подходит к воротам монастыря и стучит в них:

- Хто такий?
- Запорожець!
- Чого заради?
- Спасатися!

Тогда ворота отпираются, и прощальника впускают в обитель, а вся его веселая компания, с музыками, горилками, пивами и медами, остается у ограды монастыря. Сам же прощальник, скрывшись за стеной монастыря, снимает с себя черес с оставшимися червонцами, отдает его монахам, сбрасывает дорогое платье, надевает грубую власяницу и приступает к тяжелому, но давно желанному «спасению».

*Свята брама одчинилась —
Козака впустили,
І знов брама зачинилась,
Навік зачинилась
Козакові!..*

Сокрушение «сосудов скудельничьих» (см. Отк. 2: 27), насыщение народа рыбой (символ Евхаристии) и бубликами (от которых ещё навсегда остается дырка), насмешка над главным адским атрибутом (дегтем) и тому подобное предельно обнажали антиномию жизни сичевого рыцаря в момент её наивысшего напряжения — принятия «равноангельского чина» — бесповоротного личного разрыва с миром людей. Другим средством преодоления двойственности была славная смерть на войне.

Отслеживание перипетий монашеского пути бывших запорожцев, таких, например, как есаул Дорош, казак Семен Коваль, требует слишком много места, хотя, безусловно, его достойно. Трудно удержаться, правда, чтобы не провести весьма красноречивую параллель. Пустынники, удалявшиеся в необжитые места Афона, назывались, подобно запорожцам, «сиромахами». Они не были приписаны ни к какой обители, добровольно влача нищенское существование. Святогорское сиромашество было своего рода иноческой вольницей, альтернативной по отношению к жесткой олигархичности кинота¹. Постепенно смысл этого подвига все более утрачивался как для монахов-келиотов, считавших сиромашов обыкновенными тунеядцами, так и для самих пустынников, не проявлявших себя уже ничем замечательным, кроме дикого поглощения пищи во время трапезы, когда они собирались на престольный праздник какого-нибудь афонского монастыря. Близка этому оказалась и инволюция запорожской сиромы: от бедного рыцарства, сознательно расточающего отнятое у супостата богатство во имя обета нестяжания, к голоте, которая не прочь осесть на земле, но, в силу разных обстоятельств, не может себе этого позволить. Здесь суть пертурбаций, постигших сичевое казачество за последний период его существования с 1734 по 1775 год.

Падение или отступление?

Анализируя причины гибели Сичи, историки чаще всего останавливались на силовом устранении ордена, как это провозглашено в манифесте Екатерины II: «За оскорбление Нашего Императорского

¹ Орган монашеского самоуправления на Святой горе Афон (*греч.*).

Величества чрез поступки и дерзновение, оказанные от сих Козаков в неповиновении Нашим Высочайшим повелениям». Писали, что Войско утратило значение ближайшего к Крыму форпоста, что «крепостники» стремились овладеть плодородным краем и подчинить себе «трудовое казачество», потушить очаг народной борьбы. Попутно отмечались хозяйственный рост Запорожья, более быстрый, чем в центральных районах России, развитие капиталистических отношений. Исследователи-«экономисты» отказывались признать существование строгих этических принципов, на которых было основано устройство низового товарищества. Поэтому изменение внутренней структуры Сичи с её разрушением не связывалось.

Процесс, закончившийся падением Сичи, можно было бы обозначить как отступление от пути, постепенное удаление от первоначально постулированной оппозиции окружающему миру в сторону экономического, социального и религиозно-нравственного поглощения им. Этот процесс внутри Войска протекал на фоне всеевропейской редукции иерархии Средневековья, нарастающего выхолащивания православной традиции в России. Напомним, что к XVIII веку относятся отмена чина патриарха, прекращение летописания¹, насильственное сокращение числа монашествующих, борьба государства со всем, что выступает за рамки табельной церковности, включая юродивых, нищих, целителей, старцев, прорицателей и прочих авторитетов духа, ставших таковыми без санкции клерикальной бюрократии.

Совершая набеги на соседей, уводя из плена «ясырь», увозя драгоценности и золото из господских домов, ограничивая амбиции держав-конкурентов, показывая пример бескорыстия, небрежения о плене, Кош руководствовался не голым грабительским интересом, а осуществлял евангельскую потребность в войне против всех и вся, что только может ограничивать свободу христиан — свободу как принцип. «Истина сделает вас свободными» (Ин. 8: 32); «где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3: 17). Это было настоящее сраже-

¹ Т.е. секуляризация времени, перевод народного сознания из хронотопа священной истории в профанное измерение.

*Хоругвь с двумя фестонами.
Самарский курень Запорожской Сичи. 1772*

ние с бездушной цифирью, подменившей одухотворенную традицию, «против мироправителей тьмы века сего» (Еф. 6: 2).

Для современного человека, привыкшего рассматривать веру со стороны религиозности, не учитывая метафизических принципов, лежащих в её основе, дальнейшее рассуждение может показаться странным. Тем не менее следует сказать со всей определенностью, что именно отстаивание беспредельной дарованной Христом Спасителем внутренней и внешней свободы являлось главной функцией Запорожской Сичи, как православного рыцарского ордена. Хотя большинство сичевиков и являлось выходцами из Украины, а потом оказалось в подданстве у Московского царя, воевали они не за какое-то конкретное государство, а за чистоту упования Церкви, проповедуя не словом, а ратным подвигом наступление Божьего Царства, водворившегося в их душах.

Однако как раз в последний период — Новой Сичи — запорожское казачество шаг за шагом утратило предпосылки, необходимые для манифестации возвышенных истин. Вернувшись из Крыма, казаки получили угоды не на «Божьей земле», как раньше, а на размеренной геодезическим циркулем территории Российской империи. Войско воспринималось всеми уже как составная, хоть и автономная, часть государственной армии. Теперь Кош не имел права предпринимать военных действий в соседних, и тем более в российских, владениях без санкции правительства.

Подчинившись державным интересам на внешнеполитическом уровне, низовое рыцарство быстро теряло свой эффективный инициативный опыт, который приобретался преимущественно на войне. Консолидируясь, запорожская старшина превращалась в класс землевладельцев и работодателей (к чему подталкивала её и государственная политика). Иного выхода просто не было. Массовое показа-

ченые 1640—1650-х годов, когда «усе, що живо, подалося в козацтво», переросло в устойчивую тенденцию прихода на Запорожье людей, искавших не реализации своего воинского призвания, а более легких условий труда, материального благополучия.

Увеличилось не только количество женатых казаков, но и подотчетных Войску крестьян («посполитых»), которые зачастую, пробыв на Низу небольшой отрезок времени, возвращались домой и с помощью кошевого аттестата избавлялись от несения повинностей. Оседая в Запорожье, слободские жители охотно нанимали работников и сами сдавались внаем. Крупный запорожский зимовник получал все более отчетливые черты помещичьего хозяйства. Переход из посполитых в казаки (семейные, разумеется) формально не был ограничен ничем. Желая распространения на себя казачьих прав, богатые посполитые нередко вступали в Кош. Бывало и наоборот: разорившись и потеряв способность нести службу за собственный счет, казаки переходили в посполитые.

Предпринимались попытки найти выход из создавшегося тупика, которые, правда, не имели долговременного успеха, ибо вели в конечном счете либо к противоречию с вольностями ордена, либо к столкновению с законами империи. Опираясь на традицию *чумацкой валки* — оружейно-промыслового извоза, давно существовавшего в Войске, — Сичь неуклонно превращалась из республики воинов в республику купцов. Рыболовство, земледелие, садоводство, скотоводство, пчеловодство, различные виды ремесел из занятий редкостных и маловажных для казацкой вольницы перерастали в наиболее престижные виды деятельности. Спрос на продукты запорожского хозяйства во второй половине XVIII века в центральных областях страны и в Крыму поднялся очень высоко.

Самое забавное, что метаморфозы, постигшие Войско, были богословски истолкованы, иконографически закреплены. Так, в Самарском Пустынно-Николаевском монастыре находилась икона Вседержителя с идиллией мирного труда запорожцев, вписанной в яблоко державы в руке Спаса. На нем виден лес, посреди леса озеро, из озера протянута речка, через речку переброшен мостик. Наряду со всем этим изображены три фигуры запорожцев, из коих один стоит у моста и удит

рыбу, другой целится из камышей в плавающих по реке уток, а третий сидит у казанка, повешенного на треножнике, и варит какую-то пищу. Около запорожцев стоит чумацкий воз — «мажа», а на воде качается одномачтовая казацкая чайка. Мысль художника очевидна: Бог любит запорожцев, покровительствуя всем их занятиям, оттого и держит на своей длани.

Рос объем торговых операций внутри Сичи. Увеличивалось количество постоянных дворов и питейных заведений. В Самарской паланке к 1768 году таких заведений насчитывалось в общей сложности девятью семь. Из них 41-м владели неженатые казаки, 52-мя — женатые, четыремя — посполитые. Старшина, богатые казаки не брезговали ростовщичеством. Институт молодых, состоявших ранее оруженосцами при опытных товарищах, выродился то ли в школу передового хозяйствования — для способных, карабкавшихся по служебной лестнице, то ли в армию «наймитов». Подчас непосильным испытанием служил порядок работы «без найму», что означало службу «при козаках безденежно, за самую только харч».

С успехом воспроизведя внутри себя модель «большого мира», Сичь перестала быть собственно воинским орденом (что сильно напоминает причины упадка тевтонского рыцарства) и практически утратила былую вольницу. Быть может, поэтому предпоследний атаман Филипп Федоров (1694—1795), «подякував Січ за панство», удалился в Самарский Николаевский монастырь. Можно утверждать, что процесс деградации инфраструктуры Коша достиг естественного рубежа, за которым он мог существовать лишь как полная противоположность своему былому идеалу. В период Новой Сичи чрезвычайно распространился редкостный дотоле обычай, когда богатые казаки, призванные к несению «очередной» службы, отправляли вместо себя наемников. Создается впечатление, что боевые действия интересовали новых казаков лишь как дополнительный способ наживы.

Аскетический типаж сичевика в XVII веке подробно описан поэмой «Віршована хроніка»: «Земля — його ліжко, зелена трава — матрац, сідло — м'яка подушка, опонча — перина, попона — біле простирadlo, стріли правлять йому за гребінь, блискуча шабля — за дзеркало, панцир — за плащ, плетений шолом — за шапку, тятива —

за пояс, пригорща — за чарку, джерельна і річкова вода — за алікантей вино; болотяна вода — щоб вуса добре росли, роса — щоб серце охолоджувати, сухар — за пряник, толокно — за торт, дика грушка, водяні горіхи та польова вода — за десерт».

Теперь для сравнения — опись покоев последнего кошевого Петра Калнышевского: «Длинный стол, 30 деревянных и 12 отделанных кожей стульев, шкаф со стеклянной и фарфоровой посудой, четыре канделябра, кровать с балдахином, оловянный умывальник, ванна, подсвечники с серебряными и мраморными украшениями...» Реестр имущества атамана составил внушительный документ. О масштабе продовольственных запасов можно судить уже по тому, что в подвалах числилось 100 пудов сахара, 10 пудов «закусок греческих разного манеру», 16 пудов ореха-фундука, 20 туш свинины и т.д. Ко всему прочему, Калнышевский слыл разборчивым гурманом. Поблагодарив полкового есаула Федора Легкоступа за поднесенные соленые огурцы и арбузы, кошевой отослал ему пустую бочку с наказом повторить: «Только огурцы так посолить, как первой присылки посолили (а теперешней, другой присылки прокисли) и положить укропа и листа вишневого».

Крайнее средство

Для тех, «кои не хотели у козаков работать», до поры до времени была открыта негласная возможность влиться в гайдамацкое движение, ширившееся по мере бюрократизации Коша. Объектом нападения запорожских гайдамаков сделались, с одной стороны, местные «добраго состояния козаки», с другой — украинские помещики, а также мусульмане — татары и турки.

Вопрос о том, насколько гайдаматчина была инспирирована духовно-рыцарскими авторитетами («дидамы»), вряд ли когда-нибудь будет разрешен однозначно. Организаторами гайдамацких отрядов выступали, как правило, запорожцы. Крупнейшие базы гайдамаков располагались в малодоступных местах войсковых владений: стан на Мигийском острове, урочище Корабельное и прочие. Копируя Сичь в миниатюре, вожди гайдаматчины, тем не менее, не пытались (до

1768 года) делегировать себе её полномочия, как случилось, когда из-за раскола в Войске могли появиться двое атаманов, две старшины и так далее. Трудно дознаться также, чего было больше в вялых (опять же до 1768-го) карательных мерах Коша к отрядам сиромы: стремления перенести их активность вне Запорожья, отчитаться в своей непричастности перед гетманом и петербургской администрацией или ещё какая-то скрытая цель. Ведь при всей показной лояльности по отношению к России Кош никогда не переставал лелеять мечту о своей полной независимости. Показателен инцидент с греческим владыкой Анатолием Мелесом в 1759—1760 годах, который на ектениях¹ в Запорожье или вовсе не поминал синодального архиерея, или производил его имя «неправильно и непристойно».

Войдя в «истеблишмент» империи, сичевое рыцарство могло остаться верным общественной роли «группы вне закона», только создав оппозицию... к самому себе. Та негативная репутация, которой ранее пользовалась Сичь, автоматически перекинулась на гайдамаков — новый жупел для социума. Эту репутацию поддерживала Синодальная церковь. Невзирая на то что сотни казаков сложили головы за освобождение единоверцев и родичей от польско-католического ига на Правобережье, епископ переяславский Гервасий (Линцевский) объявил «искоренение бесчеловечных гайдамак» «делом Божиим».

Восстание 1768 года, вспыхнувшее на следующий день после Рождества, показало, что дни Запорожской Сичи сочтены, ибо из оплота сырых и обездоленных она превратилась в их гонителя и палача. Июньская присяга 1768 года, требовавшая от каждого сичевика бороться с гайдамаками, где и когда бы последние ни появились, подписанная крестами во всех куренях, делала старшину в глазах сиромы слугами дьявола, а её веру — сатанинской верой. Ворвавшись к кошевому Петру Калнышевскому мятежники прежде всего подвергли ритуальному осквернению святыни его дома: растоптали иконы, разбросали мощи, «так, что с тех святых мощей ни одной части сыскать не могли».

¹ От греч. *εκτηνής* — усердие, протяжённость — совокупность молитв, читаемых диаконом или священником при каждом богослужении с перечислением тех, за кого возносится прошение.

Атаманъ Кошовъ Петръ Калнышевскій

Факсимиле подписи атамана Петра Калнышевского. 1762

Впрочем, религиозность Калнышевского была искренней, далеко не показной. Будучи кошевым атаманом, он щедро покровительствовал монашеству на православном Востоке, на Афоне, а на Украине возводил храмы. Его внимание к монастырской жизни носило провиденциальный характер. В 1776 году, по ходатайству произведенного им ранее в казаки Грицька Нечесы (князя Потемкина), Калнышевский в обстановке строгой секретности, под конвоем был отправлен «на смирение» в Соловецкую обитель. Большую часть немалых денег, которые были выделены на его содержание, атаман добровольно жертвовал обители. В 1801 году его освободили, но старец сам не пожелал оставить место монашеского подвига и скончался там 23 октября 1803 года ста двенадцати лет от роду.

В 1760-е годы казалось: ещё чуть-чуть, и запорожская старшина сольется с российским дворянством, а рядовые казаки станут государственными крестьянами, как это произошло в 1783—1785 годах с казачьими войсками Левобережья. Однако этому не суждено было случиться по причине все того же свободолюбивого духа, который сичевики не утратили даже накануне их бесславного превращения в помещиков. Государственная машина империи воспротивилась конвертации казацкой вольницы в экономически самодостаточную территорию с собственным политико-административным устройством.

Отступничество от принципов воинского союза, завершившееся падением Запорожья, надолго пережило Сичь. Его разрушительные тенденции разъедали большинство независимых вооружённых союзов христиан, продолжавших действовать в XVIII — XIX веках (среди них следует выделить упомянутых гайдамаков, галицких опрышков, разбойничьи братства). Их деятельность в оптимальном случае оправдыва-

В. Ковалёв. Последняя рада на Сичи. Холст, масло. Конец XIX в.

лась православно окрашенным лозунгом улучшения мирской жизни, но никак не отрешением от нее. Ни одно из этих воинских формирований не располагало стройной аскетической доктриной, которая регулировала жизнь сичевого казачества. Поэтому и сам образ рыцаря-запорожца остался никем не превзойденным идеалом свободного воина.

СОЛДАТ И ВОИН

Вырабатывая собственный продукт из материала, оставленного предыдущими поколениями, мы часто не можем обойтись без оболочек «старого мира». Используя клише, мы заполняем их другим содержанием, закрывая глаза на несоответствие дел словам, а слов — мыслям. Одним из таких идеологических фантомов, который уже не один век эксплуатируется в целях, совершенно противоположных его изначальному смыслу, является понятие войны и связанный с ней образ воина.

Мало кто из современников, даже профессионалов на военной службе, задается вопросом, почему в нашем языке участники войны

называются попеременно двумя именами существительными: воинами и солдатами — и чем они между собой различаются. Эти разные (а в чём-то противоположные) фигуры, накладываясь друг на друга, незаметно размывают комплекс идей, породивший обеих. Фигуры солдата и воина берут начало в средневековой цивилизации Европы, в социальном измерении христианства. В чём же предназначение солдата с воином и в чём кардинальное различие?

Экономический минимум для рыцаря предполагал вооружённость и наличие боевого коня. Только свободный человек имел право носить оружие, а содержание боевого коня мог позволить себе черпающий ресурсы из той же самой, военной сферы. Доспехи тяжеловооружённого рыцаря-мечника, его лошадь и снаряжение в среднем были эквивалентны 25 волам, стаду из 250 овец или 250 четвертям пшеницы. Разрыв между стоимостью вооружения и пропитания целенаправленно закреплялся экономикой Средневековья, подчёркивался ювелирным украшением оружия и сбруи. Сегодня сопоставимое с этим вооружение, как правило, не является частной собственностью, но лишь выдаётся в пользование призванным или наёмным солдатам.

Однако перечисленного недостаточно, чтобы провести твёрдую границу между воином и солдатом, различие восходит к сфере, организующей не столько имущество, сколько психотип, ментальность.

Фигуры солдата и воина существуют в разных мирах, каждый из которых управляется собственными законами. Если мир солдата это мир *долга*, то мир воина — мир *воли* (причём в церковнославянском двойственном значении этого слова: воли-силы и воли-свободы). Богословски это миры Ветхого и Нового Заветов, Закона и Благодати, Адама и Христа. Недаром апостольская проповедь нигде не называет последователей Царя царей солдатами, но постоянно обращается к ним как к воинам. Выражение «солдат Христов» смехотворно. Воинствование во Христе — привилегия сознания, свободного от порабощённости греху, высокая степень синергии. Не освободившийся от ветхого человека, «тлеющего в похотях», не вспыхнувший огнём Любви, не может знать Христа, следовательно, не может вступить в настоящее сражение с Князем тьмы. Обучение воинскому искусству и его секретам предполагает знакомство с азами аскетической дисциплины.

В древних и более молодых, средневековых, сообществах было место и для воинов и для солдат. Правда, в отличие от нашего времени, эти две категории никогда не смешивались. Если солдат в лучшем случае только *орудие* (т.е. прямое продолжение) Высшей воли, то воин — её непосредственное *воплощение*. Мир солдата — это мир человека, ещё не осознавшего своей божественной сущности, мир до Креста; путь воина — это путь, выходящий за рамки обычных человеческих способностей и возможностей, — мир Вознесения после Креста. Понимание этого было выражено в иконографии Христа-Рыцаря, где он в воинских доспехах, вынимая меч из ножен, восседает на собственном Распятии, поправ Ад. Чёрная туника Господа облачена в золотые латы и ярко-вишнёвый плащ.

Что делает солдата солдатом? Мобилизация, некая внешняя воля. Не важно, чем она мотивирована, главное, что эта внешняя сила настолько могущественна, что ей невозможно не подчиниться. Далее та же сила регулирует армейскую карьеру солдата, присваивает звания, отличает шеvronами, измеряя и взвешивая его заслуги перед собой. Воинами же становятся по личному выбору и божественному промыслу, ибо каждый воин может называться таковым лишь после ритуализованного испытания (посвящения), в ходе которого вскрываются воинские таланты, заложенные в нём от рождения. Субординация воинов основана на непосредственном проявлении могущества, а потому чище и справедливее, чем у солдат.

Нельзя не заметить, что мир солдата от калорий пайка до бляхи с личным номером на шее просчитан, в нем всё сведено к количественным характеристикам. Напротив, в мире воина количественные показатели не являются определяющим фактором. Воин находится по ту сторону расчёта: цифры исчезают, но оголяются пропорции, их некогда породившие.

Воина является радикальным лекарством от эгоизма: участие в ней превосходит любой личный интерес, поскольку чревато смертью. Она отсекает все временные наносы, оставляя человека наедине с вечным заданием: быть активным орудием. Любая другая внутренняя установка лишь уменьшит требуемую для участника боевых действий концентрацию. «Те, кто смотрят смерти в лицо, вошли в царство, где

Икона «Единородный Сыне». Конец XVI в. Фрагмент

над ними уже не властны смертные и где они уже не подчиняются ничему, кроме своей свободной воли», — пишет Мартин ван Кревельд. Но какова градация этой свободы?

Она зависит от осознания Я. Я можно рассматривать как место приложения высшей воли, что говорит о внутренней отделённости от неё. А можно — как место положения, что свидетельствует о замещении временного — вечным. Мир солдата — мир до осознания Я, индивидуальной бесконечности; мир война — мир после осознания Я, но именно *после* — мир евангельского умершего и проросшего зерна — мир сверхиндивидуальности, объективной бесконечности. Сосредотачивая в себе действие высшей воли и одновременно устранившись от эгоистического желания выжить, воин заключает иррациональный завет с ничтожащей силой. Таким образом, он постигает мистирию Творения вселенной «от обратного», получая поистине апофатический опыт Богообщения.

Отсюда различие в причинах, целях, действиях и средствах у участников войны:

Феномены	Солдат	Воин
мир	долга	воли
цель	победить противника	превзойти себя
причина	приказ	внутренняя потребность
модус действия	подчинение	понимание
средство	дисциплина	самодисциплина

Солдат не принимает решений и потому несёт ответственность лишь за точность исполнения команд. Воин отвечает за все свои действия, т.к. не имеет над собой никакой власти кроме Бога. Он озаряется свыше, принимая решения непосредственно из области неосуществлённого.

Современное положение, когда войны практически ведутся одними солдатами против других солдат, создалось не сразу. В истории наблюдается постепенная деградация воинского искусства: от священнодействия к средству приобретения власти, от ремесла к заработку. Попытки описывать предмет занятий воина в категориях «работы» всегда имеют оттенок иронии:

*Всі на світі козаки трудяться багато,
Виставляють у бою груди презавзято
За вітчизну і добро ваше, християни...
Не годиться також їм осуд виявляти,
Козаків, немов святих, треба шанувати.*

Служба тоже дело подневольное, связанное с долгом. — А как же служение государю, помазаннику Божию, имевшему, согласно церковному учению, онтологическое, бытийное превосходство? — спросят знатоки монархической идеологии. Ответ прост: воин Христов не мог и не должен был служить никакому царю, кроме Царя Небесного, — всякое иное служение было бы обманом, изменой первообразу. Что же получается: Церковь искажала истину, призывая паству служить самодержцу? Но логического противоречия здесь нет: иконически земной царь не отделялся от Небесного. Христианский самодержец представлял для своих подданных не как абстрактный образ Христа, а как *икона индивидуальности*, т.е. икона, сопряжённая с личными качествами того или иного правителя. Отсюда царственные имена: Грозный, Тишайший, Великий, Благословенный, Освободитель. Конкретный автократор являлся земным воплощением воли Небес — тем, кого так боится теплохладная религиозность, тем, кому в его лице поклонялись православные верующие — живым образом Бога. Иконе молятся тогда, когда ощущают её связь с небесным архетипом, если же она утрачена — ... Начальник для воинов всегда выступал как Senior (старший), в то время как для солдат он Dominus (судья и господин).

Исходя из этого, можно проследить различные степени градации солдат и воинов:

Уровни	Солдат	Воин
1	Гладиатор: человек-вещь, не-сознательное орудие чужой подчиняющей воли	Воин: носитель высшей (внутренней) воли — Ангел
2	Солдат: сознательное орудие высшей (внутренней) воли	Военачальник: тот, кто даёт ход действию воли — Архистратиг
3	Ученик (оруженосец рыцарства): сознательный исполнитель высшей воли	Царь: воплощённая воля, высшая степень свободы на Земле — Автократор

Существование солдата ограничено наличием воина над ним. Воинское искусство не имеет пока границ в мире предметного существования, хотя в принципе может быть ограничено наличием ситуации противостояния как таковой.

Жизненными ценностями современного общества являются безопасность и комфорт. Но мир долга и тем более мир воли недоступны для того, кто принимает эти ценности как абсолюты, ведь тогда жизнь человека перестаёт служить исходным мерилем для долга и воли. Культура смерти, тем более, насильственной смерти (войны, казни), воспринимается сегодня как выход за рамки цивилизованности.

ТЕХНОЛОГИЯ ЮРОДСТВА

«Будь собой!» — кричат рекламные лозунги и убеждают восточные практики, адаптированные для западного потребителя. Юродство суть нечто противоположное. «Не будь собой» — такой девиз можно было бы начертать на щите высшей в православии формы подвижничества. Когда вы убедитесь в ущербности практик самореализации, то неизбежно столкнётесь с технологией самоотречения.

Святые изгой

Чтобы окунуться в радикальный мир юродства (однокоренное со словом «урод»), представим картинку времён его расцвета. Восточный Рим или Византия (как привычнее для нас), конец V — начало VII вв. Нечёсанный оборванец выкапывает из помойки дохлого пса, привязывает к поясу и под улюлюканье ребятни вбегает в городские ворота. Бьёт палкой сосуда с вином, а когда трактирщик прикладывает его той же палкой, покушается на честь трактирщицы. Если что не по нему, юродивый (а речь о святом Симеоне Эмесском) может и косоглазие наслат, да и просто по уху съездить, как, например, учёному монаху, пришедшему к нему за советом. В церковь Симеон заходит, чтобы покидаться с амвона орехами в прихожанок или, пока его не изловили, затушить побольше светильников. Вместо поста юродивый набивает живот мясом, а вместо мужской бани ломится в женскую.

Крадёт из училища плётку, носится по городу, ударяя по каменным колоннам, а некоторых, словно живых, страшает: «Господь повелевает тебе стоять крепко!» Вдругорядь, появившись в школе, юрод принимается целовать детей, говоря наставнику: «Не бей тех, кого я целую, ибо они отправятся в далёкий путь». Нужно ли доказывать, чем закончилось невинное «педофильтство»? Старца привязали к столбу и долго издевались.

...Правда, имеются детали, свидетельствующие о втором дне этих антиобщественных поступков. Так, зайдя в корчму, святой узрел над одним из сосудов невидимую для остальных надпись «смерть». Перед его приходом приползала змея и, напившись вина, выпустила туда яд. Схватив палку, старец расколотил сосуд. Наутро всё повторилось, однако когда трактирщик готовился окончательно прибить блаженного¹, то увидел уползающую гадину и, поняв произошедшее вчера, раскаялся. Он слёзно благодарил Симеона и стал перед всеми перевозносить его. Чтобы скрыть свою святость, юрод выждал, пока трактирщица останется одна, зашёл к ней в спальню и начал раздеваться. Та завопила. Явившийся муж опять избил старца и выгнал на стужу полуголым. Зато Симеон добился своего: святым его считать перестали.

На самом деле, прежде чем объявиться в Эмессе, Симеон десятки лет монашествовал сначала в монастыре, а затем в пустыне. Когда двое богословов поспорили об идеях Оригена (великого мыслителя, уклонившегося в ересь), некто, знавший Симеона раньше, посоветовал обратиться к нему. Блаженный, прочитав мысли визитёров, дал пощёчину тому, кто ошибался, а затем в нескольких словах объяснил сильные и слабые стороны учения Оригена. Покинув Симеона, теологи так и не узнали, что тот провёл 40 дней без пищи, прежде, чем дать им нужный ответ.

О том, как блаженный стегал колонны, вспомнили через много лет, когда в Эмессе случилось землетрясение: устояли лишь те опоры, которым он приказал. А столб, коему адресовал тираду «ты ни стой,

¹ «Блаженный», в качестве синонима слова «юродивый», происходит от слова *блажь*, а не от *блаженства*. Хотя, когда юродивый умирал, его могли признать блаженным как раз в последнем смысле.

ни падай», треснул пополам и накренился... Все дети, кого нежно обнимал юрод, погибли во время эпидемии, и только тогда дошло его пророчество. Единственному доверенному лицу, спросившему, для чего понадобилось идти в женскую баню, Симеон ответил: «Там горячая и холодная вода, и тут горячая и холодная, больше — никакой разницы», — давая понять, что наличие пола не имеет для него значения.

Итак, перед нами не просто сумасшедший, но *сознательный сумасшедший*, «тайный слуга Господа», как выражались в старину. А вот редкое описание настоящего лица юродства, составленное человеком, лично знавшим одну самарскую подвижницу: «Когда мы говорили с Марией Ивановной, то остались вдвоём, все куда-то разошлись. Она не юродствовала, перестала метаться, невнятно бормотать, скользить глазами. Я увидела очень ясный, пронзительный прямой взгляд сильного, волевого, мудрого, очень умного человека. Лицо её разгладилось, словно сняли маску. Твёрдый ум, огромная сила воли и боль. Такая боль за нас... Но тут появились люди, и она снова ушла в себя, спрятала глаза, стала бормотать, болтать ногами».

Отказ от собственного разума для «славы Божией» практиковался в христианстве со времён апостолов, которых нередко называли «идиотами». Если буквально переводить с греческого, это означает «отличный от других», «не такой как все», другими словами, «оказавшийся за кормой общества». «Кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным», — учил апостол Павел. Однако между «безумием Христа ради» и впадением в транс, который донине практикуется в харизматических сектах, — большая разница. Св. Павел призывал не отказываться от рассудка, а перестать его ограничивать. Как отличить духовное самообольщение от труднейшей интеллектуальной практики? Есть один критерий: при любых обстоятельствах христианин обязан сохранять ясную голову и помнить себя. И юродивые никогда не изменяли данному правилу, тщательно скрывая это от непосвящённых.

Что-что, а собственную индивидуальность юродивые прекрасно сознавали, причём не шли ни на какие уступки социуму во имя её неприкосновенности. В результате многолетних аскетических под-

вигов «своё Я» сливалось у юродивого с индивидуальностью Сына Божьего, «христовым умом», следовательно, являлось первостепенной ценностью. Другой Симеон, Новый Богослов, так писал о своём наставнике-блаженном: «Он имел в себе целого Христа и сам целиком был Христос». Он же объясняет стремление юродивых оголяться: «На все собственные члены, и на члены всякого другого человека он всегда смотрел, поврозь и вместе, как на Христа и пребывал неподвижным, неповреждённым и бесстрастным».

Методика безумия

Долгое время считали юродство чем-то стихийным, не поддающимся системному анализу. Однако внимательное изучение житий подвижников, а также информация, собранная этнографами за последние годы, опровергают это положение. Как правило, к юродству обращаются иноки (инокини), уже преуспевшие в классической аскезе. Строгий пост, неукоснительное вычитывание суточного правила, посещение храмовой службы, участие в церковных таинствах, сосредоточенность на Иисусовой молитве, обычные виды воздержания и послушания их уже не удовлетворяют. Любой, знакомый с перечисленным набором хотя бы теоретически, спросит: «а разве мало?» Ведь исполнить всё это, даже по очерёдности, не каждому под силу.

Для большинства сие вполне справедливо, потому и святая блажь полезна далеко не всем и не всегда. Ведь юрод — отнюдь не «тихий помешанный», а агрессор, неутомимый провокатор, вызывающий у окружающих всё новые вспышки гнева, ужаса, омерзения, злорадства и т.п. «Я знаю, — сказал один восточный святой, — что такие вещи многим кажутся безумием и вводят в прискорбный смех, но для меня они полезны». А Симеон Эмесский покинул пустыню именно потому, что «ни от кого не получал мзды».

Как собирали свою «мзду» юродивые, хорошо видно по житию Андрея Царьградского, славянина, кстати: «Весь день он проводил в гуще толпы, бегая, прикидываясь пьяным, толкаясь и получая тумаки, крутясь под ногами прохожих. Иные его колотили, иные лягали, кто-то бил палкой по голове, другие таскали за волосы, давали подзатыль-

ники или кидали оземь и, связав ноги, волочили по улицам. Все его ненавидели, а городские мальчишки мазали углём лицо». Андрей же, как и его собрат Леонтий из Струмицы (XII в.), «не обращал на них внимания, подсчитывая себе тихонько, *какую выгоду* он извлекает для себя из этого занятия».

Провоцирование негативной реакции — характернейшая черта юродства. Сколько ни пытайся найти ей объяснения в чисто-христианских источниках, будешь наткаться только на туманные намёки. Дело меняется, если обратиться к индуистской практике *paṣupatas* (paśupatas): «Мудрец должен искать бесчестья (avamaṇe), словно амброзии. Унижение должно рассматриваться как увенчание. Надо навлекать его на себя. Пусть о [мудреце] говорят: “Он изгой, он безумец, он лунатик, он дурак”. Пусть он будет похож на нищего, пусть его тело будет покрыто калом, пусть у него будут неостриженные борода, ногти и волосы, пусть он не заботится о теле. Хорошо войти в деревню и притвориться спящим и храпеть. [...] Люди будут смеяться над праведником, и *вся хорошая карма, которая у них есть, перейдёт к нему, а вся плохая карма от него — к ним*».

Утилизация отрицательных эмоций — одно из главных правил православного аскетизма. Юродивые, в частности, никогда не пытались просто избавиться от негатива (личного прежде всего) — они извлекали из него пользу. Но в духовном развитии неизбежна фаза, когда негативные залежи собственной «ветхой» личности оказываются исчерпанными, а «новая» (над созданием которой работает аскет) ещё не окрепла. Откуда тогда брать «стройматериал»? Ибо промедление на духовном пути — смерти подобно. Вот и приходят на выручку ближние и дальние. Та же методика прослеживается в суфийском ордена *маламатийа*, что переводится как «достойные поношения». Согласно персидскому автору XI века Али бен Усман ал-Худжвири, «обвинения со стороны людей — это *пища* друзей Бога, залог Божьего одобрения».

Не будем торопиться и предъявлять юродивым упрёк в цинизме (хотя греческие киники, безусловно, приложили руку к их родословной). Всё-таки Христос заповедал ученикам «любить врагов» и «благословлять проклинающих». «Попользовавшись» ничего не подозревающими

гражданами, блаженные всегда за них помолются. Так, александрийский юрод Виталий просил Бога, чтобы после своей смерти явиться некоторым во сне и ободрить их, и чтобы не засчитывалось в грех, если кто-то из-за него оказался соблазнённым. Правда, Виталий же высказывал и другое мнение: желающий соблазниться — соблазнится в любом случае. Так или иначе, а знаменитую фразу Иисуса «любите врагов ваших» трудно по-настоящему понять, если забыть о практике «утилизации». Ведь в противном случае она превращается в мазохистский сентимент, а Христа трудно назвать сентиментальным...

Надо заметить, что протестантский стереотип восприятия христианства, возобладавший в Европе—Америке XIX—XX веков, сильно отличается от традиционных представлений Восточной Церкви. Начав канонизацию блаженных, та фактически узаконила регулярные покушения на общественную мораль. Юродивые систематически шокировали социум. По градам и весям Византии и России можно было наблюдать, как те бесстыдно справляют нужду, воруют фрукты на базаре, оскорбляют сановников. А уже в 1960-е московская блаженная Ольга Ложкина, к примеру, любила выбегать на проезжую часть и, махая клюкой перед стёклами автомобилей, громко спрашивать: «Кто хочет Богу работать? Никто не хочет?!!»

Коронным занятием юродов было перевоспитание проституток. Сохранилось немало историй о родственнице того или иного блаженного, попавшей в дом терпимости, услышав о чём тот приходит её выкупать. Но, как известно, юрод не лыком шит. Вместо того, чтобы собрав нужные средства, выволить заблудшую, он прикидывается обычным клиентом и усердно отработывает программу развлечений почти по полной. Саморазоблачение (после которого потрясённая девушка во всём мгновенно раскаивается) оттягивается в конец, уже после страстных объятий, на самом ложе порока. Следует учесть, что текст жития и реальность вещи разные, и о том, как в действительности перевоспитывались блудницы, нам вряд ли когда-нибудь расскажут. Яркий пример — совместные походы в баню «странника» Григория Ефимовича Распутина и великосветских дам. Точно известно следующее: после парной многие действительно превращались в глубоко верующих.

Ломка головы

Похоже, что большинство юродивых являлись личностями с правополушарной (образной) ориентацией, с которыми бывает затруднено словесное общение. Они как антенны могут улавливать самые разнообразные веяния, отчего порой происходит их невнятное бормотание, напоминающее настройку транзистора. Юроды обнажаются не только телесно, но и душевно, открыто демонстрируя то, что витает в воздухе, но чего люди не имеют смелости признать.

Как человеческий мозг, Новгород Великий делился на две половины, враждовавшие между собой, — Софийскую и Торговую. На одной жил блаженный Никола, на другой — Фёдор. Между городскими сторонами — Волховский мост, через который ни тот ни другой не смели переходить. Однажды Фёдора пригласил в свои хоромы боярин с Софийского берега. «Ни за что не пойду, — ныл Фёдор, — туда, где живёт злой Никола, он прийдёт меня за это!» Но когда почитавший его боярин взмолился, Фёдор уступил. Как только он шагнул на запретную территорию, перед ним вырос Никола и начал мутюжить чужака, приговаривая: «Как посмел ты сюда явиться?!» Не выдержав, Фёдор бросился наутёк, сигая через огородные плетни и истошно вопя. Он так перепугался, что даже «не заметил», как выбежал не к мосту, а на обычный берег. Но делать нечего, и Фёдор кинулся от «злого Николы» по воде, аки по суху. Не растерялся и Николка: схватил кочан с грядки и погнался за нарушителем... тоже прямо по воде. Добежав до середины реки, он кинул вдогонку Фёдору кочан, шумно пригрозил и заковылял по волнам на родную половину. Наблюдавшие сей запредел горожане оцепенели. Вражда между двумя сторонами часто доходила до кровопуска, происходившего прямо на мосту. А устроившие сверхъестественный балаган святые словно спрашивали у добрых христиан: «Неужели вы верите, что ангелы, которые покровительствуют Софийской стороне, враждуют с ангелами Торговой? И если вы серьёзно *так* думаете, хе-хе, то вот доказательство вашей правоты!»

Блаженные наделены даром прозрения. Далеко не всегда уровень человеческой эрудиции позволяет сразу интерпретировать открывшееся. Именно потому в их картинах грядущего отсутствует желательная

чёткость. Не понимая рассудком, что они видят, юродивые нередко пытаются «смоделировать» события, которые разворачиваются перед их внутренним взором.

Как-то весной в середине 1960-х матушка Ольга Ложкина вышла после молитвы на кухню и, в присутствии домашних выключив свет, указала на печку: «Видишь, дочка, горит!» Через трещину в печной перегородке виднелись отсветы огня из соседней комнаты. «Тревога! Горит, полыхает! Давайте зальём, надо залить эту печку!» — закричала блаженная. Зная, что она ничего не делает зря, все похватали ковши, кружки и начали плескать на печку. Залили всю кухню. «Нет, так не получится, давайте сверху!» — не унималась Ольга. Начали лить воду сверху, лили всю ночь. К утру все измотались, но матушка упрямо бубнила: «Погибнем, если не зальём». Затем велела кидать всякий хлам, как бы засыпая печку. Потом вздохнула: «Ничего не поделаешь, надо замазывать и делать ограждение». Замесили алебастр, начали замазывать перегородку, затем огораживать печь. Матушка понукала: «Скорее, скорее, он летает везде, всё погибнет, никто нам не поможет, никто не сможет спасти нас!» Всё в старой квартире было перевёрнуто вверх тормашками, но в дарованиях блаженной никто не сомневался; у всех было чувство: от успеха этих действий зависит многое. После долгих часов, когда печь была огорожена и замазана, Ольга бессильно опустила: «Нам ничего не сделать. Только Господь может спасти... Вокруг невидимая смерть».

Это разыгрывалось на 26 апреля, в тот день, когда в 1986 году на Чернобыльской АЭС произойдёт ядерная катастрофа. Последовательность действий юродивой в точности повторяла операции, которые будут предприняты для локализации аварии реактора. Сначала пожарные попытаются залить огонь с земли, затем — с воздуха, потом — засыпать реактор, сбрасывая на него грунт и песок. В итоге вокруг реактора будет возведён саркофаг, который также пробовала имитировать Ольга.

Кому и для чего демонстрировалось это знамение? Ведь почитатели Ольги, зафиксировавшие его, догадались о смысле происходившего постфактум, спустя 30 лет. Или главное произошло всё же именно тогда, в небольшой таганской квартире, когда неведомые

людям силы совершали посредством юродивой магический ритуал по предотвращению грядущего бедствия?..

Ещё одной характерной чертой юродского *modus vivendi* является травестизм. Египетская блаженная Онисима сделалась настоящей мужской обители из 400 отшельников, которые ей беспрекословно подчинялись. Чтобы по-настоящему нарушить рубеж между женским и мужским, нужно воплощать в себе оба этих начала. Знаменитая блаженная Ксения Петербургская (XVIII в.), канонизированная в 1988 году, после смерти мужа одела его камзол и откликнулась исключительно на имя Андрей Фёдорович. Благодетельные составители жития предполагают, что этим она искупала грехи супруга, не успевшего исповедоваться перед кончиной. Верится слабо: во-первых, Андрей Фёдорович (придворный певчий) был, судя по всему, вполне добродетельным человеком; во-вторых, поступок св. Ксении слишком типичен в длинном списке юродивых-женщин, превращённых в мужчин, и юродивых-мужчин, не отличавших себя от женщин.

Достаточно перечислить тех подвижниц, кто был прославлен ещё до 988 года: мученица Евгения «Евгений» (†262), Пелагия «Пелагий» Антиохийская (†ок.457), преп. Аполлинария «Дорофей» (†ок.470), Феодора «Феодор» Александрийская (†ок. 474—490), Матрона «Вавила» Константинопольская (†ок.492), преп. Евфросиния «Изма-рагд» Александрийская (V в.), преп. Мария «Марин» Вифинская (VI в.), преп. Анна «Евфимиан» Вифинская (†826).

Следует учесть, что увлекшиеся «травестизмом» подвижники рисковали попасть под анафему (13-е правило Поместного Гангрского собора): «Аще некая жена, ради мнимого подвижничества, пременит одеяние и, вместо обыкновенных женских одежд, облечется в мужскую: да будет под клятвою». Правда, толкуя это правило, канонист и патриарх Антиохийский в 1193—1199 годах, Феодор Вальсамон оставляет примечательную «лазейку»: «Правило предаёт анафеме тех жен, которые, может быть, ради подвижничества облачаются в мужские одежды и бросают одежду, свойственную женской природе. Хорошо отцы присовокупили: “ради мнимого подвижничества”; ибо сделавшая что-нибудь подобное не по лицемерию и обману, но по истине и по образу истинного и чистого подвижничества, не только не

должна подлежать анафеме, но и должна быть признана достойною похвалы. Ибо многие жены совершили подвижничество поприще в мужском одеянии и достигли высоты спасения».

Юродский маскарад преследует одну цель: поразить обывателя, сдвинуть ход его мыслей с накатанной колеи. Близка к юродству шоковая терапия *махасиддхов* («великих совершенных»), процветавшая в ваджраяне или тантрическом буддизме в X—XI веках (и, возможно, появившаяся там под влиянием христианства). «Постепенное угасание живого религиозного импульса побудило ряд последователей буддизма бросить вызов традиционному монашескому образу жизни во имя возрождения духа учения Будды, противного всякому формализму и догматической омертвелости и базирующегося на непосредственном психотехническом опыте», — писал Евгений Торчинов. Махасиддхи любили создавать иллюзию собственных прегрешений в глазах окружающих, чтобы затем развеяв её, дать прочувствовать иллюзорность существования как такового.

Блажен... кто?

Естественно, после столетнего «аморального» прессинга, который не снился сексуальным революционерам 1960-х, православный люд притерпелся и к этим заурядным парадоксам. Когда блаженный Савва Новый (XIV в.) сбежал от своих «фэнов» на Крит, то принялся, как и раньше, разыгрывать глупость, но убедить уже никого не смог: местные быстро просекли, в чём фишка, и стали им восторгаться ещё сильнее.

Образ «дурака» истрепался, переодевания практически вошли в норму, и юродивые перешли к имитации «одержимых дьяволом». Как заметил Никон Черногорец, «если я буду изображать из себя придуривающегося, подражая предшествующим отцам, то многие, и в особенности те, кто знает божественное Писание, меня распознают и я не смогу скрыть своего намерения. Только прикинувшись лицедействующим от бесов, я смогу скрыться от людей». Помянем на этом добром слове поэта и «мага» Алистера Кроули, провозгласившего себя «Зверем 666», и Георгия Ивановича Гурджиева, чей *opus magnum*

называется «Рассказы Вельзевула своему внуку». Оба они глубоко симпатизировали православию и наверняка знали о некоторых приёмах юродивых...

Когда вместо того, чтобы вдумываться в смысл речей святого, впадают по его поводу в экзальтацию, на сцене появляется противный сумасшедший, и отдельные фразы всё-таки начинают долетать. Но когда привыкают к безумцам — единственный способ достучаться — заявить, что ты — «нечистая сила».

Нужда в маске отпадает лишь в периоды социальных и природных катаклизмов. Тогда люди поневоле просыпаются, а юродивые реализуют в основном свою вторую, пророческую, миссию. «Хорошо было блажить при Николае, а поди поблажи при советской власти!» — жаловалась Мария Дивеевская. И несмотря ни на что — блажили! Юродство в России выжило не только на периферии, но и в больших городах.

Обнажилась даже некая тайная структура, объединяющая наиболее могущественных «слуг Божиих» между собой. Так, Мария Матукасова неоднократно повторяла, что она — «восьмая», упоминающая, что ближайшая к ней в цепи — любимая православными питерцами Любушка. Живя в Самаре, Мария Ивановна однажды попросила своих опекунов собрать все кондитерские припасы, сложила их на поднос и вынесла на улицу. «Мало. Надо сорок булок!» — убеждённо произнесла она. Скупив в ближайшей булочной весь хлеб, её почитатели чуть было не посеяли панику среди населения. Когда булки были доставлены, матушка принялась раздавать их прохожим:

— Панихиду петь будем! — поясняла она.

— Кого поминаем-то?

— Старуха упала... — отвечала Мария Ивановна.

Утром по телефону сообщили, что в Вышнем Волочке преставилась Любушка-блаженная¹. «Две упали, одна я осталась», — произнесла Мария, когда скончалась другая юродивая — схимонахиня Сепфора.

¹ На всякий случай напомним, что число 40 в православии соответствует числу дней, после которого душа умершего окончательно покидает землю, поэтому по истечении этого срока справляются ещё одни поминки.

Конечно, истинные юродивые (ведь были и существуют тысячи лжеюродивых!) — это те, кто ощущает личную потребность в духовной и физической помощи человечеству. Только в отличие от благотворительных фондов, они всегда помнят, что корни несчастий — в самих людях, и единственное верное средство исцелить их — *обратить внимание на самих себя, на своё тело, убеждения, чувства*, заставить оценить их по новой шкале ценностей.

Выход за — производился не только по линии отрицания, но и расширения. Изумительный пример этого — дар *полилога*, мысленной беседы одновременно с группой участников. Разговаривая с несколькими пришедшими к ней за советом, Мария Матукасова несла на первый слух явную чушь. Однако те, кто, затаив дыхание, её внимали, не думали притворяться: каждый улавливал из этой многосторонней коммуникации нечто своё, известное и понятное только ему одному. Представьте заархивированный текстовый файл — это ближайшая аналогия.

А вот как выглядит диалог на юродском «фортране»: «Две русские женщины словно бы говорили на каком-то особом, только им двоим и известном наречии. Понимали друг друга они с полуслова, “проглатывая” при этом слова и целые предложения. Это был язык избранных», — свидетельствует очевидец.

Можно ещё долго разбирать «технологии» и результаты мудрёного учения. Рассказать, например, о тонких, необратимых последствиях, вызванных юродской практикой, которые сказываются не только на «душе», но и на физическом организме, что (не всегда, к счастью) препятствует воздействию на него даже сильнодействующих медицинских препаратов. Напомнить о том, что существовало «естественное» юродство, когда умственно неполноценный, вместо того, чтобы прыгать через собственную голову и адаптироваться к обществу, имел возможность остаться за его бортом, но традиционное общество предлагало ему соответствующую нишу, где блаженный мог даже развить некоторые духовные способности...

Но что-то меня удерживает. Истолкованное юродство перестаёт им быть, не принося пользы ни самому «похабу» (как ещё называли юродивых), ни окружающим.

Пусть на свете останется хоть кто-нибудь блаженный.

РОСКОШЬ ПРАВОСЛАВИЯ

Качество жизни в Древней Руси

Часто приходится слышать, что религия протестантизма ориентирует человека на бизнес-активность и благосостояние, в то время как православие противопоставляет богатство и святость, рассматривая их как взаимоисключающие ценности, и заставляет относиться к быту как к бездуховной суете. Вот почему Россия якобы была и остаётся страной бедняков, а в странах Запада накопился капитал, ставший основой их благосостояния.

Что сказать по данному поводу? Благословясь, приступим.

Православие и избыток

Самой богатой и комфортабельной для жизни страной мира в течение целого тысячелетия был Восточный Рим, или Византия, как его окрестили французы. И стала она такой не вопреки, а благодаря православию. Ромейская империя не просто ограждала весь цивилизованный мир от полчищ кочевников, но неуклонно повышала качество жизни своих граждан. В то время как европейцы Запада владели полуварварское существование, на православном Востоке возводилась Айя-София и составлялся Кодекс Юстиниана, централизованно открывались лечебницы и принимал абитуриентов Магнаврийский университет. Богатство византийских городов продолжало поражать даже в состоянии их запустения и воспето арабами в сказаниях «Тысячи и одной ночи». Без византийского искусства, философии, механики никогда не начались бы эпохи Ренессанса, Просвещения и научно-технического прогресса.

Секрет действительно в православном мировоззрении, которое предполагает за Богом и всем тем, что служит проводником Его влияния, качество благодати, которому в светском лексиконе соответствует понятие *избытка*. Избыток справедливости — милосердие и долготерпение, избыток порядка — божественное вездеприсутствие. В протестантстве, невзирая на всю мнимую свободу, принцип избытка (благодати) стоит далеко не на первом месте, уступая регламентации,

жёсткой причинно-следственной связи. Ведь избыток средств даётся тому, кто внутренне к ним не привязан, следовательно, может распорядиться ими разумно *в высшей степени*. Именно поэтому культура Византии постоянно порождала новые смыслы бытия (антропоцентризм, синтез противоположностей, иконичность), в то время как западноевропейская мысль лишь регенерировала античные смыслы или перелицовывала их.

На предметном уровне избыточность порождает роскошь. Роскошь повседневного уклада — своеобразное (наряду с другими — вероисповеданием, политическими задачами) доказательство преемства между православными империями — Византией и Россией. Конечно, роскошь можно было отыскать и на Востоке и в Западной Европе, но всегда как атрибут ограниченного класса людей. В России XV—XVII веков иностранцам бросалась в глаза тотальная избыточность жизни, для самих русских незаметная.

Обычно в связи с этим перечисляется «джентльменский набор», обобщённый в 1661 году Августином Мейербергом: «В Москве такое изобилие всех вещей, необходимых для жизни, удобства и роскоши, да ещё покупаемых по сходной цене, что ей нечего завидовать никакой стране в мире, хоть бы и с лучшим климатом, с плодороднейшими пашнями, обильными земными недрами или с более промышленным духом жителей. Потому что, хоть она лежит весьма далеко от всех морей, но благодаря множеству рек имеет торговые сношения с самыми отдалёнными областями».

Хрестоматийно раздолье речной рыбы и икры, о коем Европа никогда не смела мечтать. Сюда следует добавить, что в Москве гораздо легче и дешевле, чем в протестантских странах, покупались южные фрукты или семена пряностей. О мехах не говорим — о них всё сказано. Океан меха. Причём носили его даже такие категории населения, которых социология сегодня именуется «находящимися за чертой бедности». Изошрённая банная культура с удивительными травяными настоями, лечебными притираниями, прохладительными напитками также пункт весьма известный. О более высоких гигиенических нормах русской жизни лучше умолчим, а то, как говаривал старец Амвросий Оптинский, иноземцы «могут обидеться».

Но одну область, считающуюся ныне коренной вотчиной французов и немцев, грех не упомянуть. Парфюмерия! Московитянки, да и вообще русские женщины, гораздо раньше, чем жительницы Западной Европы, начали её активно и многопланово использовать. Их густой макияж вызывал у чопорных европейцев не менее пунцовый румянец: эх, как хотелось бы им, чтобы и их прекрасные половинки выглядели столь же нарядно-сверкающе, как рождественские ёлочки. Да вот поди ж ты — мораль бюргерская: наложенные румяна она толковала однозначно и скабрёзно... В России обычай наносить краску на лицо вмнялся дамам в обязанность и рассматривался социумом как добродетель.

Простор и уединённость

Если взглянуть шире, то главным богатством России был и остаётся избыток пространства. Традиционный русский город резко контрастировал с западной урбанистической застройкой. В средневековых Лондоне, Париже, Мадриде, даже Праге, непредставимы сады вокруг домов обычных горожан (дворцы иное дело). В Москве XVII века такой подход был нормой. «При каждом доме есть непременно сад и широкий двор; оттого говорят, что Москва обширнее Константинополя и более открыта, чем он», — писал Павел Алеппский. Весной город утопал то в яблонево, то в вишнёвом цвету, а затем его накрывала волна сирени, особенно любимой москвичами. Задолго до того как в Европе стали разбивать общедоступные парки, в Москве отводились громадные площади под увеселительные сады и луга.

Сады воплощали не только потребность людей в совместном времяпровождении, но и не менее важную психологическую нужду в уединении. Столичный боярин XVI—XVII веков стремился обеспечить своей жене отдельный храм рядом со двором. Традиция иметь часовню в садике для благочестивых женщин поддерживалась не только среди высшего сословия, и не только в допетровский период. Так, в некоторых деревнях средней полосы России ещё в середине XX столетия обычным явлением была маленькая часовенка на приусадебном участке, где молилась «черничка» (оставшаяся в родитель-

ском доме дочь, принявшая решение не выходить замуж и посвятить себя Богу).

Многолюдные соборы чужды древнерусской религиозности, потому что создавали психологический дискомфорт и незргономичны в зимнюю стужу. Более-менее состоятельный горожанин при первой возможности предпочитал строить домовую церковь. Самые именитые старались обзавестись несколькими — с различными посвящениями, чтобы эксклюзивно отмечать Господские и Богородичные праздники, дни святых покровителей семьи, рода. А вот люди победнее могли позволить себе лишь собственную икону в храме родного села или слободы. Да, да — никакого коммунизма: в традиционной русской церкви верующие молились перед личными иконами, которые стояли в общественном храме.

Для большинства современных христиан церковь — своеобразный аналог больницы, куда приходишь на процедуры и покидаешь, не вникая во внутреннюю субординацию. В Древней Руси всё было иначе. Распорядителями приходских храмов являлись сами прихожане, а не безлико-далёкое синодальное начальство. Кандидатура приходского священника церковной администрацией не навязывалась, а лишь утверждалась правящим архиереем. Хозяева храма — приход — сами (и отнюдь не формально) определяли, какому батюшке служить у них и какое жалованье ему выделить. Можно говорить даже о рынке священнослужителей: наиболее популярные приглашались в процветающие приходы, а малоспособные маялись без постоянного места службы. Жители городского «конца» (улицы) или слободы вправе были без лишних проволочек избавиться от нерадивого попа.

Кстати, о городских концах. Кто обеспечивал безопасность проживания в русских городах? Какие организации служили аналогами ОМОНов, РУБОПов, ГИБДД, всего того нарастающего кома силовых структур, которые честно, но не слишком эффективно борются с нарушениями и криминалитетом? Совершенно очевидно, что никакая структура не в силах знать лучше самого гражданина, какими способами обеспечить ему безопасность. И древнерусские горожане эту истину прекрасно понимали.

Хотя существовали общеградские службы охраны, караульную стражу несло согласно внутреннему графику всё боеспособное мужское население. Каждый квартал города на ночь запирался специальными воротами, заграждался рогатками. Древнерусский правопорядок был ориентирован не на карательные меры, а на профилактику преступлений. И здесь важнейшим фактором являлось всеобщее право ношения оружия. Никакая уважающая себя женщина не отправлялась в путь, если при ней не было двух ножей: один для бытовых нужд, второй — для обороны. О мужчинах упоминать излишне.

Старинные фонари, которые можно видеть за витринами музеев, — не праздная забава. Всякий житель русского города с наступлением сумерек обязан был зажигать осветительный прибор, с ним ездить или ходить. Без фонаря перемещались лишь те, кому было зачем скрываться. Поэтому ночной дозор имел право арестовывать всех, кто выходил на улицу без огня. Встречный путник был источником света и, конечно, порождал совсем другие чувства, чем встречный фонарь.

Соревнование против совершенства

Современный человек уделяет внимание подчас кардинально иным вещам, чем люди традиционного уклада. Иногда может показаться, что последний является чем-то примитивным по сравнению с технической фазой развития цивилизации. На самом деле всё обстоит с точностью до наоборот. Приблизительно до XV—XVII веков жизнь европейских стран и России мало чем принципиально отличалась от древнеримской, греческой или даже шумерской. Те же лошади и паруса в виде транспорта, колющее-режущее оружие, средства связи, уровень научных знаний, энергетические источники... Однако именно это постоянство базового инструментария цивилизованной жизни привело к его органическому единству с основами культуры. Обращаясь к мельчайшим сторонам традиционного быта, можно поражаться той слитности формы и содержания, которым он обладал. Современный быт уже спустя десятилетие будет способен вызвать лишь ностальгическую улыбку. Мы находимся лишь в начале «доводки» тех инструментов культуры, которые породило бурное развитие технологий.

Одним из лейтмотивов современной жизни является неослабевающий дефицит времени. На техническом уровне он подпитывается соревнованием транспортных средств и линий коммуникации. Многие убеждены, что увеличение скорости передвижения и эффективность связи помогают разрешать какие-то проблемы. Правда, до конца проблемы всё равно не исчезают, ибо их разрешение изначально принадлежит иной плоскости. Человеческие дела, — личные ли, экономические, политические, — зависят не столько от физических параметров, сколько от психофизиологии. А она за несколько столетий, истекших с начала научно-технической революции, не претерпела серьёзных изменений. Вот почему традиционный уклад был нацелен не на количественные, внешние показатели, а на внутренний мир человека, качество его повседневного существования.

В доиндустриальной России никто не гнался за скоростью. Люди вели себя так, будто полностью овладели ей, и, возможно, были гораздо ближе к истине. Путешествия сокращались или удлинялись в зависимости от характера дела или желания путешественников. Отправляясь куда-нибудь на несколько дней или даже месяцев, они рассматривали время, проведённое в дороге, не как досужее, потраченное впустую или наполовину, тщательно выверяя маршрут, не смущаясь делать продолжительные остановки около святынь или других, представляющих интерес, объектов.

Ярким примером служит царский путь богомолья из Москвы до Соловков, в котором первые Романовы проводили несколько месяцев. Богомолье пролегало через крупнейшие монастыри и города, хотя, варьируясь год от года, включало за определённый период все более менее значимые пункты, располагавшиеся на трассе. Паломничество сочеталось с решением местных, региональных проблем, текущими делами. Вместе с царским поездом двигалась канцелярия, туда прибывали гонцы и послы. Кочующая резиденция превращала даже самую маленькую ставку в столицу, потому что столица — не город, а полнота власти.

Удобства во время санных поездок превращали полость, в которой находился пассажир, в мини-салон: «Сани выстилаются внутри медведем, у богатых — белым, у других — чёрным. О коврах — не

спрашивай!» — делился своими впечатлениями поляк Маскевич, посетивший Россию в качестве агрессора в далеко не лучший период её истории.

Радость и скорбь

Технолого-экономический взрыв лишил многие стороны жизни современного человека отточенного совершенства традиции, в чём-то низведя до нового варварства. Взять хотя бы бракосочетание. Этот момент относится к числу объективно-инициатических, реально переводит жениха и невесту на более высокий социальный уровень, меняет психосматику. Происходит тончайшая перенастройка организмов, неразрывно взаимосвязанная с психикой брачующихся. И если в современном обществе эти процессы протекают по большей части спонтанно, либо руководствуясь тем, что в перерыве между любовными переживаниями молодые люди успели почерпнуть из популярной литературы, то в прежние времена все стадии свадебного цикла, длившегося несколько дней, были чётко определены.

Сценарная канва способствовала постепенному усвоению брачующимися новых ролей, предупреждая и минимизируя возможные психологические травмы. Всё было продумано: от одежды — до обстановки и угощений. Если обратиться к «Чину свадебному» середины XVI века, ориентированному в целом на преуспевающий слой, то мы увидим в свадебном антураже не пускание пыли в глаза, не желание поразить во что бы то ни стало, а скрупулёзно продуманную инструкцию, которая учитывает меняющийся по ходу действия эмоциональный фон.

Угощение, начинаясь с пригубливания вина и калачей, постепенно включало пироги и сыры. Кульминацией была подача лебедя (символа мудрости) после венчания, которого жених должен был разделить самолично. После первой постели молодые ели крошеный студень из птицы с лимонами и огурцами. А на следующее утро, выйдя из бани, завтракали печёным петухом с кашей. Символизм угощений дополнительно высвечивал оттенки свадебного таинства.

Праздники и ритуалы — область, где современная культура не достигла и сотой доли эффективности традиционной. Слом прежней

религиозности лишил праздники идейной базы, универсально охватывающей существо человека. Пройдёт не одна сотня лет, прежде чем сформируется праздничная культура технологической цивилизации.

Современные люди, кичащиеся своими достижениями в области равенства и политических свобод, лишены целого набора качеств личностного бытия, которые обязательно присутствовали в традиционном укладе. Самое опасное, в прямом смысле (т.к. это опасно для здоровья) — новая мораль накладывает строгое табу на проявление негативных чувств. Открытое выражение гнева, скорби, печали считается неприличным. Тем более никто не учит, как это делать правильно. Между тем как минимум половина эмоций, которые ежедневно испытывает человек, негативно окрашены, и сколько их не маскируй — реализовывать как-то придётся.

Универсальным способом разрядки эмоционального и физиологического напряжения является плач. Смех, поощряемый современной культурой, заменяет его лишь частично, поскольку у смеющегося человека (если только это не специальная практика ритуального смеха) расслабляется гораздо меньше мышц, чем у плачущего. Никакой изолирующий траур не в силах уменьшить скорбь, если он не сопровождается продолжительными и глубокими рыданиями. Для переживающего утрату (близких, любви, надежд) плач является чуть ли не единственным способом прийти в успокоенное состояние, расслабиться, чтобы восстановить энергию. В традиционной русской культуре плач был абсолютно легитимизирован и предусмотрен во многих случаях жизни, даже там, где должна преобладать радость и положительный настрой (например, во время церковных служб или свадьбы). Что уж говорить о похоронно-поминальном цикле, где большое место отведено причитаниям? Некоторые северорусские причеты рассчитаны на многочасовое голошение и в старину произносились не специально нанятыми плакальщицами, а близкими женщинами покойного.

Ритмика причетов построена таким образом, чтобы соответствовать всхлипываниям и удобно для организма настраивать дыхание. Пульсация плача зарождается внизу живота, поднимаясь к грудной клетке и горлу, а затем высвобождается вместе со звуками. Слова при-

чета проговариваются на выдохе, и это совершенно невозможно, если сдерживать дыхание. У людей, пытающихся скрыть свою скорбь, блокированы челюсти и горло. Причитание поневоле снимает эти напряжения, высвобождая грудную клетку, облегчая дыхание. Свобода в выражении негатива — главное объяснение мизерной доли сердечных и раковых заболеваний в Средние века.

СИМВОЛИКА ПУШКИНСКИХ СКАЗОК

С легитимацией православия, начавшейся в 1988 году, резко увеличилось число попыток объявить Пушкина христианским, и даже сугубо «православным» поэтом. На самом деле классик, будучи сыном своего века, воплощал в своих произведениях как христианские установки, так и идеи европейского Просвещения, имеющие отношение к христианству такое же, какое имеет лунный свет к солнечному. Если же говорить о православии, то оно повлияло прежде всего на сказки Александра Сергеевича. Последние — редкий случай состоявшейся синергии между индивидуальным творчеством и мистической традицией целого народа.

Изучая построение сказок Пушкина, убеждаешься, что их сюжеты и символика действительно восходят к «старине глубокой», однако не эта преемственность делает их притягательными для читателей XIX—XX веков. Интуитивно сопрягая мифы подчас далёких друг от друга культур и сплавляя характеры персонажей, поэт словно по волшебству оживляет их. Повествование стремительно раскручивается, а неизменное назидание («добрым молодцам урок») приобретает магическую внушительность. Творчество очищает традицию от наслоений истории, дабы сопереживая героям, мы в какой-то миг неожиданно постигли красоту законов вечности.

Непосредственным источником сюжетов для поэта служила обширная библиотека, сказки, слышанные от няни Арины Родионовны (к коим он возвращался всю жизнь), народный лубок. Но Пушкин не занимался исследованиями, его волновало не столько содержание сказок, сколько *интонация*, — то, чего нельзя усвоить, оставаясь пассивным слушателем или, тем более, читателем. Однажды соседи,

*Прижизненный портрет А.С. Пушкина работы
И.-Е. Вивьена де Шатобриан. Миниатюра. 1826. ГМИИ*

граничившие с помещьем Михайловское, были шокированы, узрев Пушкина в простой красной рубахе, сидящим на церковной паперти и поющим «Стих об Алексее, человеке Божьем» вместе со слепцами-нищими.

В России и других славянских странах странствующие рапсоды образовывали сообщества. Со времён Древней Руси наиболее разветвлённой сетью были *калики перехожие*. По одной версии, их самоназвание происходит от греческого *καλοῦγερος* (добрый старец),

часто оставлявшегося книжниками без перевода, в форме «калогер», «калугер»; по другой — от «калиг», ритуальной обуви паломников. В Валахии и Италии *calicu*, *calugo* называли нищих, в тюркском *kalyk* — народ, людей. Вполне вероятно, что с хранителями эпоса каликами как-то связано и название города Калуги (ср. также *ц.-слав.* халуга — изгородь). Неподальёку от Калуги основоположник отечественной фольклористики Пётр Киреевский получил благословение старца Макария Оптинского собирать и изучать народные песни. Не будем дразнить строгую учёность мистикой и назовём это *странным совпадением*, хотя в начале XX столетия другой старец из Оптиной, о. Варсонофий, обращал особое внимание учеников на этимологию топонима «Калуга».

Тем, кто совершил пешее путешествие к святыням Царьграда и Иерусалима, также давалось прозвище Калика. Пилигрим получал от Бога «великое прощение» за все предыдущие грехи. Исполнявшиеся паломниками песни были платой за ночлег, который в пути им давали христиане. Репертуар и содержание песен обновлялись духовными авторитетами каждой эпохи. Судя по всему, серьёзный вклад в русское песенное творчество внёс в середине XIV века архиепископ Новгорода Василий Калика (с. 52—53). Известно внимание, проявлявшееся владыкой к церковному искусству и символике. Видимо, он был верховным покровителем паломников и песенников-сказителей. Какие-то духовные стихи, вероятно, создавались при непосредственном участии святителя Василия.

В XX веке духовный стих превращается в «поток мелеющий и высыхающий» (по выражению Серафимы Никитиной). Он сохранился благодаря староверческой среде, где, после исчезновения бродячих певцов-профессионалов, стихи исполнялись уже всеми, кто мог и хотел.

...Пушкин настолько приобщился к братству калик, что передавая Киреевскому 40 песен, записанных им на Псковщине, добавил: «Там есть одна моя, угадайте». Так и не обнаружив подлога, Киреевский решил, что поэт разыграл его. На самом деле Александр Сергеевич не пытался подделывать национальную традицию: он овладел её ключом, доказательством чего служит факт, что именно он в итоге стал олице-

творением русской поэзии. Живое дыхание народной речи сильнее всего ощущается в сказках Пушкина — волшебном театре мысли.

Ранняя поэма «**Руслан и Людмила**» — единственное художественное сочинение прошлого столетия, в котором использованы мотивы русской сказки о Еруслане Лазаревиче. Повесть о Еруслане впервые записали в 1640-е годы, до того передавали изустно. Она восходит к иранским эпическим сказаниям о Рустеме, широко разошедшимся в период вхождения Руси в состав Золотой Орды. Восточная легенда слилась со своеземными былинами, а Рустем был наделён чертами русского витязя. В XVIII веке повесть разделяется на два варианта. Один тяготеет к рыцарскому роману и завершается творениями Михаила Чулкова («Похождения Славурона») и Василия Левшина («Рассказ о приключениях богатыря Сидона»). Другой переходит в богатырский сказ и в формате лубочных картинок становится любимым чтением у простого народа.

Ведущим мотивом поведения Еруслана является поиск идеальной пары. «Есть ли на сем свете тебя краше, а меня храбрее?» — допытывается Еруслан у встреченных царевен и, услышав о более пригожей девице, без колебания расстаётся с прежней. Сражаясь с лучшими воинами, богатырь и себя подвергает суровой проверке: достоин ли он столь прекрасной невесты? Пушкин несколько смещает в поэме смысловой центр: Руслан быстро находит суженую, но Людмилу похищают, и он воссоединяется с ней лишь в финале, когда их любовь преодолела всяческие испытания. Ближе к источнику другие эпизоды: встреча с богатырской головой, присвоение соперниками Руслановой победы, добывание чудодейственного эликсира (в поэме — живой и мёртвой воды; в повести — желчи Вольного царя).

Сказочный цикл 1830—1834 годов — целостное произведение. Взаимообогащение народных и литературных образов не просто достигает высочайшей интенсивности в отечественной культуре, а меняет её качество. «Воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, — отзывался о цикле Николай Гоголь. — Страшные граниты положены в фундамент».

«Сказка о попе и работнике его Балде» по ритму напоминает скомороший речитатив и опирается на жанр бытовой сказки. Хотя в

фольклоре несправедливость и ложь жестоко наказываются, Пушкин смягчает это правило: жалко и вспотевшего бесёнка, и получившего роковой щелчок старика попа. То же и в «Сказке о царе Салтане», когда встретившиеся после разлуки отец и сын прощают на радостях злых сестёр.

Символика поэмы о Салтане очень сложна. Тут и кельтские названия созвездий (царь Гвидон соответствует *Caer-Gwydion*, Млечному Пути, а с итальянского переводится как «проводник», «гид»), и евангельский подтекст (33 богатыря — 33 года земной жизни Спасителя), и знамения Апокалипсиса (Царевна-Лебедь с месяцем под косой и звездой на лбу явно напоминает «Жену, облеченную в солнце; под ногами её луна, а на главе её венец из двенадцати звёзд» (Отк. 12: 1). Грызущая кедровые орешки белка — это аллегория разума, питающегося зёрнами веры («чистым изумрудом»¹) под Древом Жизни². Ту же нагрузку белка выполняла и в древнерусском «Слове о полку Игореве», где «Боян вещей, если хотел кому песнь слагать, то носился мысию по древу» («мысь» переводится как «белка»).

Действие сказок протекает в воображаемом мире, отличающемся от астрономической модели космоса, но не менее гармоничном: «Земля недвижна; неба своды,/ Творец, поддержаны тобой,/ Да не падут на сухь и воды/ И не подавят нас собой./ Зажёг ты солнце во вселенной./ Да светит небу и земле...» Этот кусок напоминает вселенский храмскинию из Христианской Топографии Козьмы Индикоплова. Океан же у Пушкина, как и в греческой мифологии, предстаёт первозданной, могущественной, всеобъемлющей стихией.

Правда, в двух поэмах море отсутствует: в лирической «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях», притче о пробуждении в человеке духовного начала (Царевна), и — в последней сказке поэта

¹ Ср. Толкование св. Андрея Кесарийского на Отк. 21:19, где говорится о 12-ти основаниях Небесного Града, состоящих из драгоценных камней: «Четвертое [основание] — изумруд. Изумруд имеет зелёный цвет, питается елеем и получает от него блеск и красоту; означает он проповедь евангелиста Иоанна, умягчающего наше душевное от грехов сожаление и уныние Божественным елеем и даровавшего нам неослабную веру своим Богословием» (XXIII:67).

² См. о нём нашу статью в: Юный художник. 1998. № 4. С. 8—11.

«О золотом петушке», основанной на новелле американца Вашингтона Ирвинга «Легенда об арабском звездочёте».

Горечь от несовершенства людской жизни усугубляет мрачная символика братоубийства, женская демоничность (Шамаханская царица) и гностическая аллегория Абраксаса, неотвратимого Рока, который изображался с петушиной головой (Золотой Петушок). Ряд мест, связанных с любовными переживаниями Дадона, перекликаются с библейской Песней песней. «Горе! смерть моя пришла!» — восклицает старик перед шатром неотразимой царицы (сравним: «ибо крепка, как смерть, любовь»). Песн 8: 6). Гибель Дадона — прямая иллюстрация к 7-му псалму: «Вот, нечестивый зачал неправду, был чреват злобою и родил себе ложь; упал в яму, которую приготовил: злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадёт на его *темя*». Петушок, как известно, «встрепенулся» и клюнул Дадона «в темя».

Труднее всего определить происхождение «Сказки о рыбаке и рыбке», и прежде всего — прообраз центрального персонажа — Золотой Рыбки. Возможно, источником этой аллегории послужило сказание о Морском Коньке и Златой Рыбе из славянского «Физиолога». Жанр Физиолога раскрывал христианскую символику животных; его древнейшие списки — греческие, однако там этого сказания нет.

В то же время символика Золотой Рыбы была известна грекам по скифским сказаниям. В Коллекции классических древностей Государственных музеев Берлина хранится изготовленная греческими ювелирами по скифскому заказу золотая оковка для парадного щита в виде некой космической Рыбы (VI в. до н.э.). Хвост образован из двух бараньих «бюстов» и летящего сокола. На туловище два яруса изображений: на верхнем — львы терзают оленей, на нижнем — стая рыб, предводительствуемая божеством с рыбьим хвостом, в руке оно также держит рыбку, словно размахиваясь ею для броска.

Весь Физиолог построен по принципу сопряжения античной символики животных с библейской. Следовательно, в основу главы о Морском Коньке и Златой Рыбе легла скифская легенда, циркулировавшая среди славян Южной и Восточной Европы. Согласно Физиологу, Морской Конь спереди имеет вид коня, а сзади — рыбы. Он — предводитель морских существ. Каждый год он должен плыть на край земли,

Абракас, гностический символ Рока

Золотая скифская рыба VI в. до н.э. из клада, найденного польским крестьянином в Вуташково (Vettersfelde) в 1882 г. Antikensammlung, Berlin

где обитает Златая Рыба, владеющая несметными сокровищами. Вслед за Коньком к «крайней земле» идут прочие рыбы и поклоняются своей царице, облизывая её. На обратном пути рыбы мечут икру и производят потомство. Рыбаки не трогают тех, кто несёт в себе икринки, а тех, кто движется порожняком, отлавливают. Толкование притчи следующее: море — это весь мир, Морской Конёк — учитель или же пророк, рыбы — рабы Божии, Златая Рыба — вера христианская. «Облизывание» Рыбы означает, что пророк и остальные верующие получают от неё частицу Святого Духа, которая затем позволяет развить в себе духовные плоды («икру») и обогатить ими мир.

«Крайней землёй» считалось опоясывающее мировой океан кольцо суши, где на востоке располагался земной Рай. Рыбная ловля, снасти и улов относятся к первым дошедшим до нас символам христианства. Известно, что большинство апостолов были рыбаками, Иисус неоднократно творил чудеса именно с рыбой, а его полное имя по-гречески также переводилось как «рыба» (с. 212). Позднее с рыбаками, вылавливающими божественное озарение из «моря молитв», сравнивали подвижников и аскетов. Образ короля-рыбака, встретившего Парсифаля, когда тот искал Святой Грааль, был хорошо известен у нас уже в конце XVIII века из артуровского цикла¹. Предшественник Пушкина, писатель-сказочник Левшин любовно вывел его как царевича

¹ См. нашу статью о короле Артуре: Юный художник. 1996. № 11. С. 30—32.

Доброслава в «Приключениях Баламира». С другой стороны, Александр Сергеевич часто использовал аллегории сборника «Эмблемата» (несколько раз переизданного в России со времён Петра), а там постоянно варьировался сюжет с Купидоном, который разными способами (сетями, на удочку, стрелой) добывает любовный улов.

Если учесть, что Святой Дух может быть привлечён к молящемуся только искренней любовью, сказка Пушкина получает необычное толкование. Старик — это молитвенник, духовный делатель, к которому приплывает выстрадавшая награда — дар Святого Духа (Золотая Рыбка). Однако он абсолютно бескорыстен: чего-то просит у Рыбки старуха, воле которой супруг смиренно подчиняется. Если старик это Плоть (тело человека), поднимающая тяжесть земных трудов, то старуха — Душа, распоряжающаяся Плотью и *желающая*. Среди книжников Древней Руси большой популярностью пользовался переведённый с греческого трактат «Диоптра», включавший диалог служанки-Плоти с госпожой-Душой. В ней Душа предстаёт самовластной и вздорной особой, постоянно требующей нечто от послушной ей Плоти. Как тут не вспомнить поговорку: проси, чего *душа пожелает!*

Постепенно возносясь, пушкинская старуха ничем не делится со стариком; её алчность (по одному из черновых вариантов) доходит до безумной мечты сделаться «римскою папой». Возвратившись с берега, старик находит жену сидящей на макушке некой вавилонской башни в тиаре католического первосвященника. У Братьев Гримм в сходном сюжете о «камбале-рыбе» старуха хочет стать на место Бога. Политическую сатиру, направленную против неуёмного властолюбия, поэт сочетает с печальной мудростью: одержимый страстями глух к веянию духа.

РЕАНИМАТОР Алексей Уваров

У нас всегда есть палочка-выручалочка. Если в России не хватает знаний, их легко позаимствовать на Западе или на Востоке. Но бывают ситуации, когда требуемых знаний нет нигде. Тогда их следует добыть самому. *Одного* таланта здесь маловато — требуется *много* талантов — и, как вы догадались, в евангельском значении таланта как денежной единицы.

Предвестие

«Наукой должны заниматься люди состоятельные», — любила повторять жена графа Уварова, Прасковья Сергеевна. И это воистину так. Её муж, Алексей Уваров (1825—1884), не смог бы положить начало русской археологии, если бы не был сыном министра, влиятельным аристократом и свободным путешественником. Если бы не знал, как управлять сотнями людей, выращивать лес и молодые дарования. Для всего этого нужны совершенно специфические способности, которые приобретаются за солидную сумму... Граф Уваров не просто открыл для всего мира живую историю России. Фактически он воскресил её прошлое из небытия.

Начало русской археологии было далеко не русским. Образованное общество, воспитанное на оригиналах Геродота и Цицерона, до сладких подрагиваний обожало античность и не видело никакого резону в раскапывании славянских древностей. Когда Екатерина II присоединила Крым, легендарную для греков Тавриду, туда хлынули столичные «культурные туристы», а следом кладоискатели. Кизи, Соловки, Золотое кольцо, даже Кремль Московский никого не волновали. До середины XIX столетия все музеи были нацелены на скифское золото и эллинские амфоры. Конечно, коллекционеры не отказались бы и от египетских артефактов, от ассирийских каменных рельефов, но за редкостью оных в почвах Российской империи стали попросту откупать их из коллекций Европы.

Непривычная правда: даже представители элиты не ценили своей истории. Никто не считал иконы, что там — целые храмы, монастыри! — произведениями искусства, они стоили гроши, гнили, зарастали берёзками. Церковная одежда, утварь ценилась по весу драгметалла, по количеству камней и по числу каратов в оных.

Два Николая, Новиков и Карамзин, выпустив — один «Библиофику», другой «Историю государства Российского», — сумели пробудить интерес к прошлому собственной страны. Однако письменная культура, хоть и важная, но даже не половина народного бытия. Алексей Уваров впервые продемонстрировал истинную цену материальных памятников. Причём не только в научном, но и в финансовом смысле. Создал Исторический музей на Красной площади,

*Иван Куликов. Портрет археолога А.С. Уварова
(выполнен по фотографии). 1916*

граф продемонстрировал роскошь и разнообразие предметов родной старины, стал законодателем мод на отечественном антикварном рынке.

Министр по наследству

Его мать, Екатерина Алексеевна, была дочерью графа Разумовского, одного из богатейших людей империи, камергера, сенатора и министра народного просвещения. Через 16 лет после того, как её отец оставил свой пост, на него заступит её муж, Сергей Семёнович Уваров. До того крестник Екатерины II, Уваров-старший, служил дипломатом в Вене и Париже, директором департамента мануфактур, параллельно, вплоть до кончины, избирался президентом Петербургской Академии наук.

Внук министра, сын министра, Алексей, казалось, следовал той же траектории. Обе сестры были значительно старше, он рос единственным любимым наследником. Выдав дочерей замуж, мать фактически посвятила жизнь ему: постоянно возила за границу, окружала картинами и скульптурами. Будучи ещё подростком, Уваров-младший подружился с виднейшими учёными-гуманитариями России. Что же касается Сергея Семёновича, то он был другом Гёте, Жермены де Сталь, братьев Гумбольдтов, князя де Линя, входя в круг европейской консервативной элиты.

Идеологическая формула «православие, самодержавие, народность», которую провозгласил Уваров-старший, не имела ничего общего с тиранией или квасным патриотизмом. Столкнувшись с диктаторскими амбициями Наполеона, с его сумасшедшим планом покорения мира, Европа судорожно искала баланса между гражданскими свободами и твёрдостью власти. Под народностью в триаде Уварова понимался культурный уклад, под самодержавием отнюдь не деспотизм, а то, что сегодня нарекли бы централизацией. Православием Сергей Семёнович называл не синодальную администрацию, а религиозно-философскую платформу. Общность платформы особенно требовалась на фоне духовных метаний, когда одни помещики устраивали у себя турецкие гаремы, другие «любомудры» увлекались

алхимией, что называется до полной диссолюции, а третьи спешили записаться в скопцы. Формула Уварова на долгие года стала основой идеологии и была с восторгом встречена партнёрами России, видевшими в ней гаранта мира.

У триады существовал секрет: её члены должны были правильно взаимодействовать друг с другом. Когда в конце царствования Николая I самодержавие слишком перегнёт палку, Уваров-старший подаст прошение об отставке. Вряд ли судьба отца, явно не подходившего под категорию лузера и, тем не менее, вынужденного покинуть службу, вдохновила Алексея Сергеевича на повторный штурм министерского Монблана. Свою карьерную стратегию молодой граф сверял с показаниями трёх датчиков: «личный интерес», «государственная польза» и «сопротивление среды». О последнем он, правда, заботился мало, иначе не сделал бы для себя вопросом чести уровень исторической науки.

После окончания столичного (т.е. Петербургского) университета в 1845 году Алексей Уваров полирует образование в Берлине и Гейдельберге, попутно исполняя дипломатические поручения. Неаполитанский король подарил его отцу участок в Помпеях, и Алексей Сергеевич все свободные дни пропадает там, осваивая передовые методы раскопок. Очень рано Уваров осознал, что подлинная история призвана реконструировать жизнь народа в полном объёме. Но как соблазнить исследователей, заикленных на летописях, изучать материальную культуру? Как объяснить, что вещи — такие же хранители исторического бытия, как и тексты? Вместе с другими энтузиастами, значительно старше себя по возрасту, 20-летний Уваров основывает Нумизматическое общество, позднее переименованное в Русское археологическое.

Когда человек знает нечто новое, скрытое от других, он начинает лучиться, испускать энергию. Чем привлекает чуткие сердца, ловящие в порывистых жестах, огненном взоре ток перемен. «Коль любить, так без рассудку ... Коли спорить, так уж смело» — эти знаменитые строки Алексея Толстого посвящены его другу и тёзке Уварову в 1854 году. То был период окончательного разрыва Уварова с ординарной карьерой. Управляя Московским учебным округом, граф видел, что воюя с

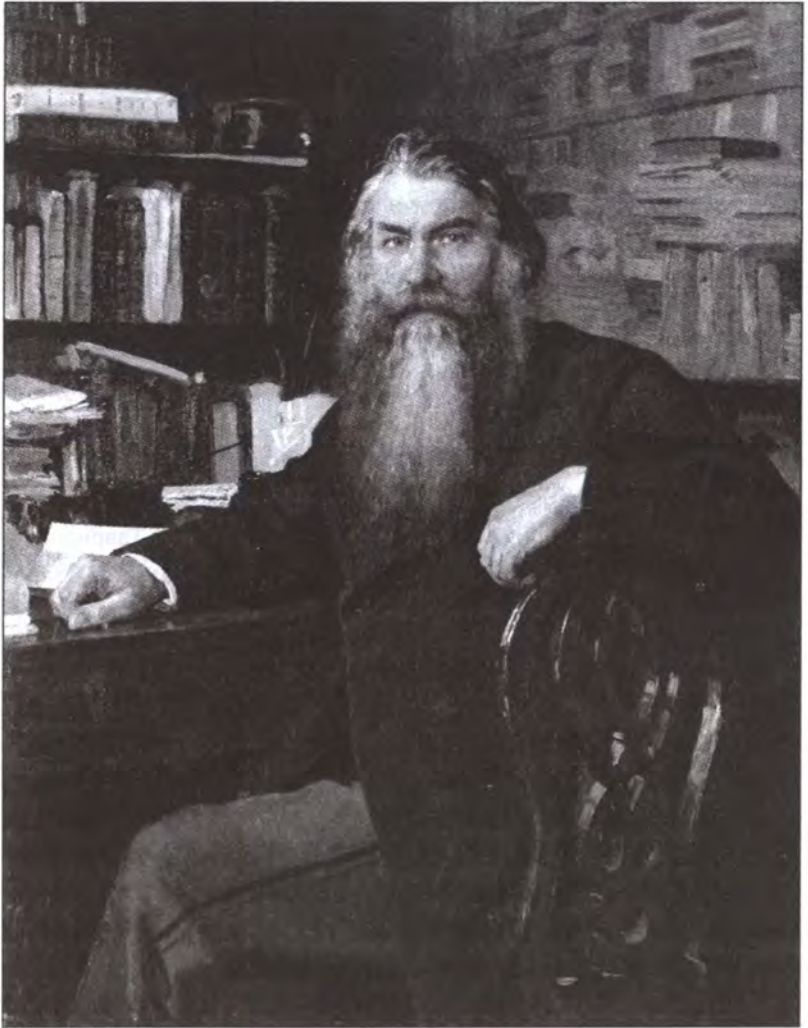
косностью бюрократов, только попусту тратит энергию и предпочёл стезю свободного филантропа. Впрочем, даже отказ Уварова от чиновничьей карьеры выплеснулся протуберанцами бешеного креатива. В имениях графа Поречье и Холм, где с ним делили досуг Толстой и братья Жемчужниковы, родился великий Козьма Прутков. Его первые вирши вписаны в уваровский альбом.

Отдавшись археологии, Уваров-младший расстался со службой — не со служением. Напротив, он на деле занялся воплощением отцовской триады. Её слабым звеном явилась, как ни странно, «народность», поскольку у аристократии не было чёткого образа Древней Руси. А тот, кто не может опереться на прошлое, вряд ли допрыгнет до будущего. Бунтовщики-декабристы весьма чтити прошлое России. Вот только представляли его себе наподобие сенок из «Руслана и Людмилы» незабвенного Александра Сергеевича. Отсюда и результат плачевный.

Надо было с чего-то начинать, и молодой дипломат решил поступить с античными пристрастиями соотечественников дипломатично. Нравятся греки? Вон! Будем копать эллинские полисы Тавриды, но сделаем это образцово-показательно, чтоб жук не кашлял. Уваров вызывается положить конец беспрецедентному расхищению древностей Причерноморья. Составляет список наиболее примечательных мест и просит разрешить археологическую разведку. За свой счёт, разумеется. Поездку одобряет Николай I. Она превратилась в первую постоянно действующую археологическую экспедицию России.

С приходом лета граф, как птица, летел на юг, а там как крот бороздил древние периметры Херсонеса, Ольвии, Мангупа, Кафы, Неполя Скифского. Всякий раз необходимо было управиться до осени, поскольку зимой всё, что оставляли в раскопе археологи, подчищалось предприимчивыми местными татарами. Конечно, помощники в Крыму тоже нашлись: живописец Айвазовский, безвозмездно делавший планы и зарисовки, или глава караймов Чуфут-Кале, взявшийся, пройдя инструктаж графа, копать в его отсутствие.

В Петербург потянулись подводы с капителями, надгробными плитами, керамикой, монетами. Было найдено немало золотых украшений, причудливой утвари, расчищены стены крепостей, улицы, дома,

Портрет И.Е. Забелина. Художник И.Е. Репин. 1877

храм IV века. Особенно впечатлила публику напольная мозаика, которую пронумеровали, а затем смонтировали уже в Эрмитаже. Правительство доверяет Уварову курирование других раскопок, выделяет дотации.

Коррективы вносит Крымская война. Под пушечную канонаду граф начал раскопки Херсонеса Таврического, но вынужден был отступить. Тогда Уваров решает отстаивать свои открытия с оружием в руках. Он едет в своё имение Карачарово (кстати, родина Ильи Муромца), набирает дружину из добровольцев, дабы выступить на подмогу героям Севастополя. К сожалению (счастью?), схватиться с противником они не успели. Пока Уваров вместе с кадровыми офицерами обучал крестьян пехотному ремеслу, пока добирался до Крыма, Севастополь пал.

Цепочка оживления

Советские энциклопедии Алексея Сергеевича не жаловали, пеня на его «дилетантизм». Копая курганы на Владимирщине (граф вскрыл более семи тысяч), Уваров крестил останки погребённых, если признавал их за язычников, и повторно отпевал, если обнаруживал христианские атрибуты. Потом с почётом перезахоранивал. А вот «паспортизацию» останков не производил. На его фоне археологи СССР настоящие профи. Завершив хвалёную паспортизацию, они, как правило, бульдозером задвигали кости в братскую яму.

Алексей Сергеевич был явно религиозным человеком, о чём свидетельствуют чёрточки благочестия. Так, перед свадьбой он уехал вместе с невестой на четыре дня в Троице-Сергиеву лавру поговорить, что среди аристократов его круга не так уж часто встречалось. Это свойство прекрасно ощущали иезуиты и католические монахи. До Уварова ни один русский учёный не мог получить допуск к занятиям в Ватиканской библиотеке, однако её кардинал-хранитель, познакомившись с графом, сразу выдал тому разрешение.

Щепетильность Уварова к потревоженным могилам наводит на серьёзные размышления. Сегодня не остаётся сомнений, что археологические занятия он рассматривал как мистическое призвание. Вороша

погребения, можно пробудить к жизни как благие, так и губительные силы. Покоящиеся — отделившаяся от настоящего часть нас самих. Они могут быть неприкосновенным ресурсом, а могут — страшным вирусом, запечатанным в безопасное хранилище. Вот почему даже вскрытие святых мошей обставлено в церковной традиции серией ритуалов, которые неукоснительно соблюдаются, когда решают прославить того или иного праведника. Известны красноречивые факты некоторых эксгумаций, которые вели к разрушительным катастрофам. Во всяком случае, таков порядок событий.

Разрывшее в середине марта 1917-го могилу Распутина Временное правительство не дотянуло и до конца года, а Россия была ввергнута в братоубийственную войну. 20 июня 1941 г. доблестные советские археологи вскрыли гробницу великого завоевателя Тимура-Тамерлана. Как говорится, комментарии излишни.

Судя по действиям Алексея Сергеевича, некрорегламент был ему откуда-то известен. Однако его интересовало не амнистирование джиннов, которым увлекался Аладдин, а воскрешение образа ушедшей России ради крепости духа потомков. Реаниматология руководствуется концепцией «цепочки выживания», состоящей из последовательных акций возвращения человека к жизни. Главные правила цепочки — очерёдность и непрерывность. Первый этап нацелен на поддержку дыхания и кровообращения, без них реанимация невозможна.

Чтобы оживить прошлое целой страны, следует прежде всего выявить связь её основателей со здравствующей элитой. Это поняли цари Михаил Феодорович и Алексей Михайлович, восстановившие многие мемориальные места Древней Руси. Например, была сооружена часовня там, где «зразилась» с терема княгиня Евпраксия Рязанская (с. 163—165). Если локализация была одобрена верховной властью, в XVII веке никто не кидался её поправлять. В XIX веке ту же операцию следовало произвести по отношению к самой эпохе первых Романовых. Причём никаким авторитетом прикрыться было уже нельзя. Всех волновала чисто материальная подлинность.

Центральной фигурой, отстоявшей суверенитет России и возведшей на престол династию Романовых, был князь Дмитрий Пожарский. Проезжавшие через Суздаль сыновья императора Николая Павловича

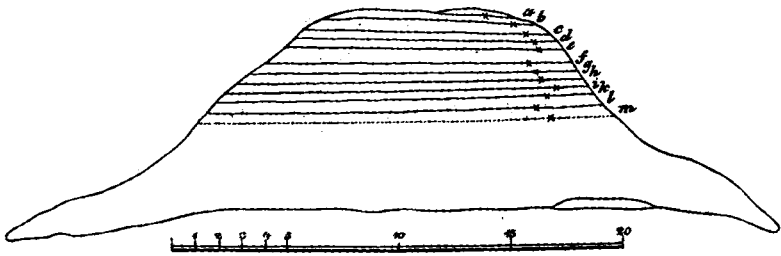
Михаил и Николай посетовали на запустение Спасо-Евфимиевской обители, где был захоронен легендарный князь. Местонахождение могилы Пожарского никто из монахов уже не помнил. Уваров решил, что час его пробил.

По соизволению государя, Алексей Сергеевич проводит вскрытие родового некрополя Пожарских и безошибочно определяет тело князя. Был сооружен памятник, изготовлена новая гробница. Панихиду служил настоятель монастыря, облаченный в фелонь из шубы Пожарского и епитрахиль, пожертвованную вдовой героя на помин его души. Единственный прокол вышел с шапкой: ни одна из трёх, помещённых в монастырь вдовой, настоятелю не подошла. На панихиде стояли губернатор и тайные советники вместе с монахами, крестьянами, учёными; была отпечатана специальная гравюра. Самое же главное невозможно было ни увидеть, ни изобразить. Всех присутствующих охватил вначале глубокий покой, а затем откуда-то спустившаяся радость. Разрыв в цепи поколений романовской эпохи был устранён, но Уваров понимал, что этого мало. Его заботил весь исторический цикл России.

Разыскать останки Святого Владимира не представлялось реальным, зато граф определил место его вероятного крещения в открытом им под Севастополем Херсонесе. И в данном случае неважно, что Владимир, скорее всего, принял тайное крещение до штурма Корсуня (с. 26): ноги равноапостольного мерили полы херсонесской базилики. Именно Уваров выделил Ивана Федорова как ключевое лицо в просвещении отечества и начал сбор средств на памятник первопечатнику. Обследовал Алексей Сергеевич и варяжско-запорожский остров Хортицу, оплот вольномыслия на всероссийском пространстве.

Не говоря о Европе, даже в России не верили, что у нас можно найти следы каменного века. Почему-то считалось, что в доисторическое время по центральным и северным регионам одни мамонты бегали. Скелет мамонта Уваров в своём Карачарове действительно нашёл. А рядом — стоянку с палеолитическими орудиями. В Волокове граф открыл культуру эпохи неолита, «волосовскую».

Все эти впечатляющие успехи намагнитили поле для юных исследователей, не чаявших души в Алексее Сергеевиче. «Гордость графа

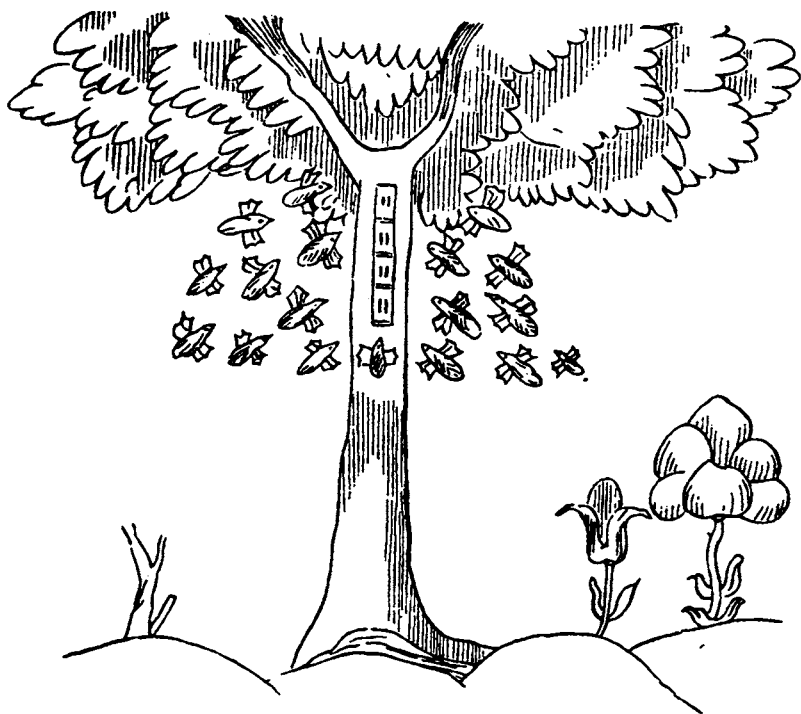
*Разрез Александровой горы под Переяславлем-Залесским. Схема из книги
А.С. Уварова об археологии «Étude sur les pupes primitifs de la Russie.
Les Meriens». 1875*

происходила от его самоуважения, сознания своих достоинств, — писал его младший современник. — Это же самоуважение заставляло его быть скромным в деле науки». Уваров оказывал поддержку каждому, кто обращался за советом, никогда с ходу не отвергал чужие теории, какими бы странными они ни казались. В 1864 году начинает свою работу Московское археологическое общество — автономный центр, нацеленный на открытие «новых» цивилизаций древней Евразии. Оформляется лицо русской археологии, а через короткое время она становится первой среди равных. Французские и немецкие археологи, не говоря о славянах, приезжают в Россию, чтобы позаимствовать опыт. Реанимация прошлого вступает во вторую стадию.

За Можайском

Из мультфильмов для дошкольного возраста нам знаком образ безумного профессора с высунутым языком и развязанными шнурками, изобретающего вечный двигатель. Такая картинка возможна лишь сегодня, когда учёные фактически превращены в рабочих на конвейере науки. Они не ведают ничего за пределами специальности, помещены в коттедж-теплицу университетского кампуса и не несут за свои изыскания даже моральной ответственности.

Чего-то менее схожего с Уваровым трудно вообразить. Думаю, он никогда бы не состоялся как кросс-дисциплинарный исследователь,

Прорись миниатюры «Физиолога» Дамаскина Студита. Из «Символического словаря» А.С. Уварова

если бы не был к тому же рачительным хозяином и прогрессивным общественным деятелем. Координация умов элиты гораздо сложнее управления имением или обязанностей Можайского предводителя дворянства, коим его регулярно избирали.

Мысль Уварова никогда не ограничивалась собственным поколением, поэтому он взялся за разведение леса и пригласил к себе Карла Тюрмера, выдающегося лесовода XIX века. Тюрмер разработал оригинальную методику смешанного выращивания хвойных пород. Примерно за 15 лет ему удалось создать многоукладное лесное хозяйство, где экология и экономика удачно дополняли друг друга. После освобождения крестьян тюрмеровские делянки пришлись как нельзя кстати, обеспечив многим из них устойчивый заработок. В уваровских имениях Поречье и Пустошь Тюрмер создал эталонный лес России,

настоящий храм природы. В середине следующего столетия его методу включают в программу Федерального лесного управления США.

Уваров находил время для самого изысканного цветоводства, на организацию земских школ для народа, учредил Общество любителей художеств, сильно повлиявшее на живопись и театр его времени.

Верная соперница

О нет, мы совсем не стремимся золотить Алексею Сергеевичу нимб. Скажем прямо, он обладал некоторыми... продолжениями своих достоинств. В 2005 году впервые были напечатаны мемуары его жены, Прасковьи Сергеевны, эмигрировавшей после Октября. Воспоминания выдержаны в той неподражаемой открыто-закрытой манере, которая утасла вместе с последними представителями старорежимной аристократии. «Давно прошедшие счастливые дни» — озаглавлена книга. Парадокс в том, что Прасковья Сергеевна, не чая души в своём муже, действительно прожила вместе с ним счастливую и одновременно глубоко ущербную жизнь.

Урождённая княжна Щербатова, она была завидной невестой, не пропускала ни одного бала, послужив прототипом для Кити Щербацкой из «Анны Карениной». Кстати, Лев Толстой не оставлял её вниманием и после замужества, однако роман так и не состоялся. «Много мазурок просидела я с ним, спорила без конца о его героях и героинях, о суете мирской, о призвании человека, о соблазнах, вносимых в народные массы нашей роскошью и балами, и... остаюсь при своём мнении, что на чердаке у него уже и тогда не всё было в порядке», — признавалась Прасковья Сергеевна.

Старше своей избранницы на 16 лет, Уваров долго ухаживал за ней, постоянно опасаясь наскучить учёными темами. Однако именно его серьёзность и творческий заряд больше всего привлекли девушку. Они действительно обрели счастье, путешествуя несколько лет по странам Европы, где в Италии и Франции соответственно родились первенцы их многочисленного потомства.

Наблюдая, как Уваров часами медитирует, обходя византийские развалины или картинные галереи, молодая графиня открывала ведо-

Прасковья Уварова. Фото 1850-х гг.

мый лишь единицам мир. Она стала вести нечто вроде обменного дневника, куда заносила собственные археологические заметки и замеры, часто восполняя пропущенное мужем. Невзирая на материнство, Прасковья Сергеевна готовилась стать не только собеседницей, но полноправным научным коллегой графа.

Но в этом ей было категорически отказано. До самой смерти граф оставался убеждённым противником «дамского элемента» в Археологическом обществе и блокировал вступление туда собственной жены. Тем не менее, лишённая официального статуса, Прасковья Сергеевна продолжала заниматься археологией, помогая супругу во всём. Драматичные отношения Уваровых отражает случай, произошедший с ними на Кавказе. Их проводили к святилищу Реком, которое по преданию возвёл из камней сам святой Георгий. Старейшина предупредил, что порог святилища не должен переступать ни один чужеземец, однако из почтения к графу для него делают исключение. Но не для женщины. Прасковья Сергеевна (а к таким ситуациям она привыкла) осталась бродить около внешних стен. Старейшина объяснил, что через окно в храм столетиями бросают разные дары, предназначенные св. Георгию, но не все из них долетают, поэтому под проёмом образовалась целая куча предметов, многие из которых были довольно древними. Из этих приношений графине было позволено взять что-нибудь на память. Та увидела бронзовый обломок с головкой зверя и подобрала его. Уварову тоже разрешили взять предмет из святилища, и он выбрал бронзовый «стакан» без дна. Вечером, обмениваясь впечатлениями, супруги достали свои находки. К их изумлению, обломки оказались частями одного предмета — бронзового рога для питья, совершенно уникального памятника в своём роде.

Когда Алексей Сергеевич умер, графиня была сразу принята в Общество и единогласно избрана его главой. Графиня инициировала широкомасштабные раскопки на Кавказе, которые стали мировой сенсацией. После княгини Дашковой Прасковья Сергеевна оказалась второй женщиной в Петербургской академии, была зачислена во многие университеты и научные общества Европы. Её умом восхищались известный религиовед Эрнест Ренан и император Александр II. Да, графиня Уварова была реальным конкурентом для своего мужа.

*П.С. Уварова (в центре) с матерью П. Щербатовой и дочерью Прасковьей.
Фото конца XIX в.*

Последний акт

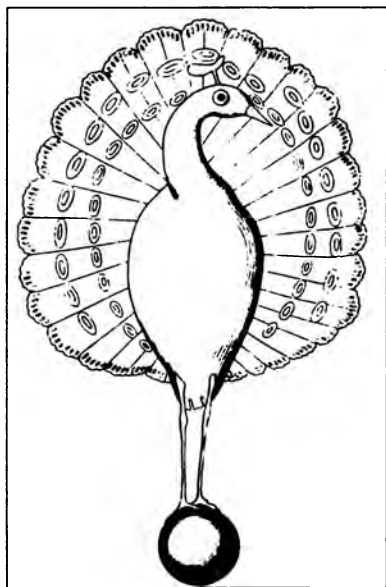
Всю жизнь Уваров писал свой главный труд — книгу о христианской символике. После его кончины ученики успели издать лишь первую часть. «Символический словарь» так и остался неопубликованным: в революционной неразберихе типографский набор был рассыпан, а большинство гранок не сохранилось. Остались только рукописи, которые граф постоянно правил и дополнял, возя с собой с места на место. Символы являются метакодом традиционной культуры. Знающий символику может понять предназначение любого предмета, если определит, какого мировоззрения придерживались заказчик и изготовитель. «Символический словарь» Уварова обогнал своё время лет на 50, и есть какая-то обидная фатальность, что он оказался недоступным для нескольких поколений учёных. Впрочем, советские исследователи вряд ли смогли бы им по-настоящему воспользоваться. Те стороны русской культуры, которые они привыкли считать «язычеством», граф блестяще объяснял как автохтонные формы православия.

Составляя «Символический словарь», Уваров будто готовил язык для воскресающего на его глазах прошлого, которым оно должно было изъясняться с потомками. Однако до того требовалось определиться с

Факсимиле верхней части страницы из рукописи «Символического словаря».
РАИМКРАН. Ф. 11

физическим центром, где история могла бы постоянно воспроизводить себя в сознании людей. В реаниматологии это соответствует стадии пролонгированного поддержания жизни. Таким центром должен был стать Исторический музей на Красной площади. Его проектированию

Павлин. Рисунок к «Христианской символике» А. С. Уварова

и строительству были посвящены последние годы жизни и последние капли некогда могучего здоровья Алексея Сергеевича.

В лице Ивана Забелина, поначалу с недоверием воспринимавшего инициативы графа, малопомалу он нашёл себе настоящего соратника, стойко переносившего вместе с ним все невзгоды и интриги. Было их, к прискорбию, немало. Так, завистникам удалось сорвать торжественное открытие музея в 1883 году, которое планировалось в ходе коронации Александра III сразу после освящения храма Христа Спасителя. Императорских церемониймейстеров

дезинформировали, что музей ещё не отделан. И всё-таки государь приехал, и Уваров лично представил ему лучших московских историков — Забелина и Василия Ключевского.

Треволнения спровоцировали инфаркт. Хотя Уваров кинулся поправлять здоровье, он уже не смог восстановиться. На Археологическом съезде в Одессе граф воспрял, но, вернувшись в Москву, вновь стал ослабевать. Устраивавший дела других, он так и не смог завершить своих фундаментальных работ, в число которых входил помимо «Символики» «Археологический словарь» и «Византийский альбом». Любимым символом Алексея Сергеевича всегда был Феникс, и он хорошо понимал, что последним актом реанимации того величественного прошлого, которое он хотел оживить, должна стать его собственная смерть. То, что не умерло, не может возродиться, а граф стал живым реликварием истории Руси.

Но полноте. Можно ли назвать «смертью» уход самого Реаниматора? Всё, что начал Уваров, завершили его последователи. Ни одна линия не оборвалась, ни один луч не погас.

ЭНЕРГИЯ ПЕТЕРБУРГА¹

На наших глазах Санкт-Петербург превращается в центр распределения энергопотоков Евразии. Нам знакомо парадное, героическое, даже литературное лицо Северной столицы, но каков её сакральный облик? Какие идеи, кроме пресловутого «окна в Европу», лежат в основании одного из красивейших городов Земли? Имеют ли они естественно-научное основание? Как отражены в психофизиологии петербуржцев, коренных жителей города?

Роль Петербурга в российской истории уже давно стала «знаменем пререкаемым». Для одних он — бастион Европы перед лицом «дикой азиатчины». Для других — чужеродная конструкция, отнявшая первенство у семихолмной Москвы. Для геополитика-евразийца Петербург — «атлантистский форпост», знак торжества «воды» над «сушей». Для либерала-евроцентриста — символ прогресса и при-

¹ В соавторстве с Александром Рудаковым.

общения к мировой цивилизации, разрыва с косностью, архаикой, инерцией.

Как бы то ни было, в основе жесткой оппозиции мнений лежит одна и та же мысль: Петербург — культурный плацдарм иной цивилизации, не имеющий ничего общего с исконной государственной традицией Руси. Нам предлагается только решить, хорошо это или плохо. Однако, так ли всё плоско?

Русский Константинополь

Священный архетип, который воплощает собой Петербург, восходит к эпохе, когда не было ни «Азии», ни «Европы» в современном понимании, а надо всем возвышалась одна Универсальная Империя и ее столица. Точнее, две столицы — Рим и Константинополь. Именно их образы и соединяет в себе Город Святого Петра. Идея о «Москве — Третьем Риме» общеизвестна. Столь же общеизвестно, что реальные черты Рима столица России приобретает лишь в петербургский период. «Коль ты прекрасен, Град! Ты Риму стал подобен», — пишет в 1756 году молодой Андрей Нартов.

Мысль о том, что Петр I сознательно противопоставлял Петербург Риму (центру католического папства) высказывалась неоднократно. А вот с Константинополем Петербург редко ставят в один ряд. Между тем, Санкт-Петербург сразу проектировался как мировая имперская столица, восполняющая потерю Царьграда. Более того — иницилирующая процесс его возвращения. После Гангутской виктории 1714 года, в присутствии иностранных посланников, Петр декларирует основную цель создания Петербурга — реставрацию Эллинистического периметра: «Историки говорят, что все науки были сосредоточены в Древней Греции. Изгнанные оттуда превратностями времён, они распространились в Италию и затем по всей Европе. [...] И мой разум почти предвещает, что науки когда-нибудь покинут своё прибежище в Британии, Франции и Германии, придут и на столетия поселятся среди нас. А после, возможно, вернуться в свой исконный дом — Грецию».

Культ Константина Великого должен был играть важнейшую роль в репрезентации нового города. В иконостасе Петропавловского

собора помещают образ равноапостольного царя, большие иконы Воздвижения Креста Господня с Константином и Еленой становятся непременным атрибутом питерских храмов. Планировалось установить и гигантскую статую непобедимого христианского императора. Её модель хранилась у наследников первого городского архитектора Доменико Трезини (ок.1670—1734).

В исторических известиях начала XVIII века проводятся многочисленные параллели между рождением Константинополя и Санкт-Петербурга. Так же как Константин перед закладкой Царьграда, Пётр, выбирая место для столицы, видит парящего орла. Поскольку это произошло накануне Пятидесятницы, орёл однозначно воспринимался как знамение Святого Духа. Отыскав гнездовье геральдической птицы, Петр, по преданию, выкопал ров, куда поместил ковчег с мощами апостола Андрея Первозванного, первокрестителя Руси.

Венеция и Вена

Ещё менее известными, чем Константинополь являются два других образца, учтённые при строительстве новой столицы — Вена и Венеция. Эти города, в основе которых неслучайно лежит имя славянского племени венедов¹ тоже выступали преемниками Царьграда. Вена воплотила в себе имперский центр (столица Габсбургов, сделавших символом власти двуглавого орла). Венеция унаследовала морскую и торговую функцию Константинополя, да и сама была основана выходцами из Византии.

Известно, что во время заграничного вояжа русский царь планировал посетить Венецию. Поездка туда Петра (через Милан и Падую) описана в ряде изводов его путевого журнала. Венеция — прототип города на воде, структурированного благодаря системе каналов. Поэтому на неё, а не только на Амстердам, где он обучался корабельному мастерству, ориентировался Пётр в своих замыслах градостроителя. Автор «Точного известия о... крепости и городе Санкт-Петербурге»

¹ Они соответствуют юго-западной и центральной области распространения племени венедов (венетов).

(1713, 1718), пастор Симон Дитрих Геркенс, приводит слова Петра, что тот намеревается создать «вторую Венецию».

Голландские атрибуты в Петербурге несли чисто функциональную, отнюдь не ценностную нагрузку. С «Новым Амстердамом», имея в виду цитадель столицы Нидерландов, Петр сравнивал не сам город, а его входную крепость Кроншлот (позднее Кронштадт). А «Новой Голландией» называл район верфей, где хранился лес для кораблестроения.

Что же касается главных зданий Петербурга, то в их строительстве Петр и его преемники опирались почти исключительно на итальянское зодчество. Так, образцом для Адмиралтейства послужили чертежи Арсенала Венеции, которые Петр распорядился достать. Непосредственно из Венеции для украшения Петербурга привезли множество статуй и даже целую мраморно-алебастровую беседку.

Интересно, что после основания Петербурга Вена и Венеция постепенно теряют своё значение и блеск. Каналы и мосты Венеции кажутся игрушечными в сравнении с масштабами «Русской Венеции». Театры, дворцы и парки Петербурга не уступают венским, а если быть, честным, то превосходят их по красоте и роскоши.

Александрия и Фиваида

Ещё одним архетипом Петербурга стал Египет. На это иногда обращают внимание, но не углубляются в смысл.

Восхищённый зданиями, появившимися на Васильевском острове (который принадлежал Александру Меншикову), Петр «задумал построить там новый, блестящий и большой город, причём весь из камня и кирпича. Желая сделать князю приятное, он хотел назвать этот город Александрией», — записывает Обри де ла Мотрэ в 1726 году. Однако не стоит чересчур доверять мотивации, приведённой французским путешественником. Дело заключалось, не столько в имени самого «светлейшего князя», сколько в имени его святого патрона. Перенос мощей благоверного кн. Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург двумя годами ранее, демонстрировал преемственность российской армии с воинством Древней Руси.

С другой стороны, название «Александрия» воскрешало память об оплоте эллинистической культуры в Египте, об Александрийской библиотеке. Стремительное приращение Петербурга книжными и музейными собраниями отмечено всеми гостями- европейцами. В эпоху Петра Египет воспринимался не столько через царства древних фараонов, сколько сквозь призму Александрии, эллинизированного Египта Птолемеев, сквозь христианскую культуру александрийских патриархов, богословов и монашества.

Египетский стиль выражался не в одном внешнем дизайне (знаменитые сфинксы, обелиски), но и в самой сути российской политики. Главными чертами Египетского царства были цивилизованность и миролюбие. Из всех европейских держав это сочетание в полной мере унаследовала лишь Россия, в которой народы Европы опознали в XIX столетии долгожданную стабилизирующую силу.

Изначально строившаяся как универсальный центр, архитектура «Северной Фиваиды» программировала историческую роль России — арбитра и «воспитателя» Европы, расколотой амбициями национальных государств. Идея Священного Союза, восходящая еще к Павлу I, воплощенная на практике Александром I после победы над Наполеоном, и проводимая в жизнь Николаем I вплоть до Крымской войны, безусловно, была наиболее успешной попыткой оградить Европу от бесконечных войн, от перекрёстных территориальных притязаний. Стабилизирующая миссия не исчезла в период СССР. Она и сегодня остается отличительной чертой международной позиции России.

Линия Апостола Андрея

В историческом сказании «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» особо подчеркнута роль села Друзино (Грузино). По церковному преданию, апостол Андрей, посетив киевские холмы и Словенск (предшественник Новгорода), пророчески водрузил свой жезл не в самом селе Грузино, а ниже по течению, указывая направление, где появится столица Северного царства.

Согласно средневековым источникам, апостол основал также престол в Византии, давший начало Константинопольскому патриархату. Если

проследить маршрут св. Андрея, то мы увидим вертикальную линию, восходящую с юга на север: от Византия через Крым, по течению Днепра к местоположению Киева (греческого Борисфена) и далее к будущим Новгороду, Старой Ладогге, Петербургу. Конечно, археологически зафиксировать «линию св. Андрея» удаётся далеко не по всей её длине (хотя в случае Крыма и Южной России это несомненно — христианство там появилось уже в I веке). Важно другое: маршрут апостола стал одним из ключевых элементов русской историософии, её оправдавшей интуицией, получившей в последние годы неожиданное подтверждение.

Линия апостола Андрея странным образом совпадает с контурами Нильско-Лапландского линеамента, протянувшегося с юга Африки до севера Скандинавского полуострова.

Нильско-Лапландский линеамент

Поясним, о чём речь. Линеаментом в геологии называют границу резкого изменения параметров географической среды, геологической структуры, геофизических полей. В строении земной коры подобная тектоническая структура проявляется как зона разломов, которая наделяет кору повышенной проницаемостью. Следует помнить, что в силу многочисленных ответвлений и пересечения с другими разломами, зона влияния линеамента нередко выходит за пределы его генеральной ширины.

Ширина Нильско-Лапландского линеамента в среднем составляет 360 км, достигая 500—600-т; осевая линия пролегает по меридиану 32,5° в.д. Вдоль линеамента протянута Африканская рифтовая система, а также текут в меридиональном направлении реки-кормилицы Нил и Днепр. С ним совпадает линия, делящая континенты Африки и Евразии на две равные по площади части: западную и восточную¹. Сопоставление зоны линеамента с историей цивилизаций свидетельствует о некоей закономерности. Вдоль Нильско-Лапландского линеамента выстраиваются главные центры мировой политики: совокупность

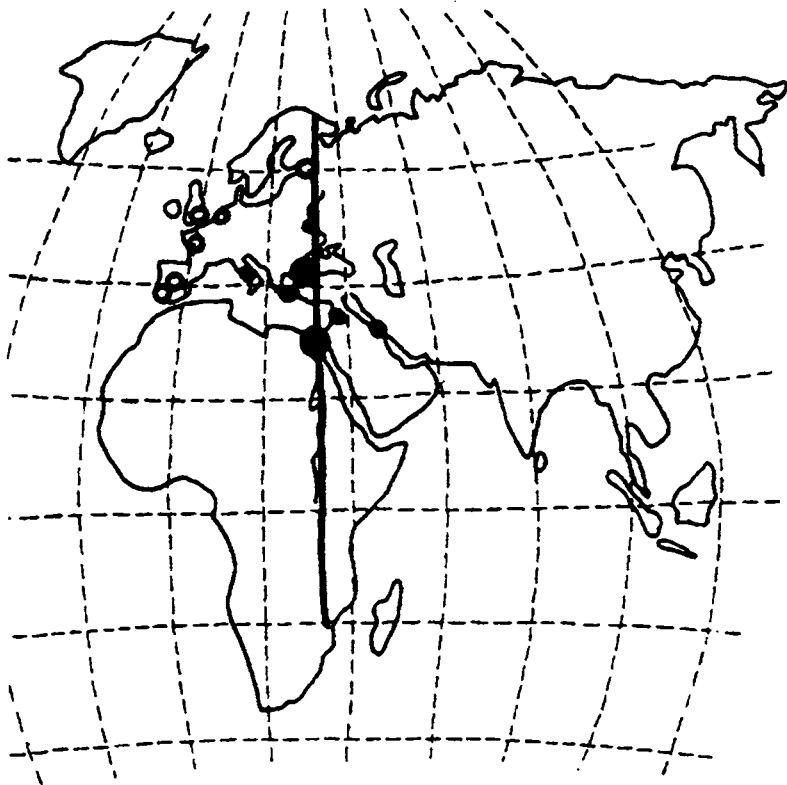
¹ В геологическом плане Аравийский полуостров является частью Африки.

городов Египта, доминировавших в разные исторические периоды (Мемфис, Фивы, Александрия, Каир), Хартум и города древнего Судана, Дамаск, Афины, Константинополь-Стамбул, Анкара, Киев, Новгород Великий и, наконец, Санкт-Петербург.

Нельзя не отметить, что хронологическое доминирование этих центров в истории, синхронизовано с их перемещением к северу. В этом ряду Санкт-Петербург является наивысшим проявлением глобальной власти: охват территорий, подчинённых столице Российской Империи, превысил все предыдущие проявления мирового центра.

С точки зрения истории, расположение столиц вдоль линеамента можно объяснить наличием важнейших торговых и военных путей, вклю-

Нильско-Лапландский линеамент с государственными центрами, игравшими ведущую роль в международной политике

чая естественные коммуникации Нил и Днепр. Нильско-Лапландский линеамент разграничивает рельеф Европы и Азии: вдоль него протягиваются труднопроходимые территории. В Скандинавии это водораздел, в районе Чудского озера—Полесья — заболоченная равнина, южнее — Карпаты, Балканы, горные районы Малой Азии, Сирийская и Аравийская пустыни. На этой естественной границе существуют удобные для коммуникаций проходы: район Суэца, район Северной Сирии, Босфор и Дарданеллы, район Киева (благодаря специфике гидросети), гидросеть в районах Новгорода Великого и Санкт-Петербурга. За контроль над этими проходами издревле велись войны.

Появление крупногабаритных судов океанского класса и мощной переносной артиллерии, позволили ослабить борьбу за овладение зоной линеамента и создали мировую колониальную систему. Единственной страной не включившейся в гонку за колониями была Россия. Она упорно продолжала выдвигать свои рубежи на «апостольскую линию». Полностью вобрав её в царствование Павла I, Россия заложила фундамент постколониального мира и приступила к его строительству. Поэтому её территория, в отличие от остальных империй, понесла в XX столетии сравнительно малые потери.

Активизация границ

Пребывание в Питере порождает ощущение легкости. Любимым занятием Петра Алексеевича было плавание на судах, чему государь предавался круглогодично. То, что Петр ходил под парусом не только на воде, но и по льду на буерах, говорит о том, что его родной стихией была не столько вода, сколько ветер.

Это повлияло на внешность столицы и петербургские методы администрирования, разительно отличающиеся от московских. Центральное положение Петербурга проявлялось не через скопление тяжести, а, скорее, походило на рычаг в системе, причём, системе разомкнутой. Так же, как Царьград, на протяжении веков бывший тем местом, откуда вершились судьбы мира, Санкт-Петербург к началу XIX века становится приводным механизмом международной политики. Петр прекрасно осознавал эту перспективу своего детища, поэтому, целуя

крест, часто повторял, что «скорее потеряет половину своего государства нежели Петербург».

Значимость Петербурга росла пропорционально усилению российских границ. Когда Петр I перенёс столицу своего царства на периферию, он сделал процесс, начатый Иваном IV и Годуновым, необратимым. Одним из главных результатов работы госмашины стал выход к морям на севере и на юге. Сравнивая Петербург с Константинополем, необходимо обратить внимание на статус «морской столицы», главной базы имперского флота, роль которой Царьград исполнял с момента основания в IV веке — до конца X. В то время эскадры ромеев господствовали на Средиземноморье, что давало возможность Константинополю противостоять арабам и защищать свои владения в Западной Европе.

«Русский Константинополь» стал символом уникальной открытости миру, основанной не на слепом принятии чужих правил игры, а на способности перекраивать эти правила под себя, творчески усваивая чужой опыт.

С берегов Невы, по личной инициативе Петра I началось подлинное освоение Сибири, а также других восточных территорий. Был создан административный и научный аппарат, обеспечивавший разведку и инвентаризацию недр terra incognita, которые сейчас являются главным источником благосостояния страны, готовя трамплин для её будущего.

Свобода в служении

Подобно Константинополю, Петербург стал своего рода социальной лабораторией, в которой старые формы уклада адаптировались к новым реалиям.

Петр I не только децентрализовал местоположение столицы (ни в чём не умаляя её властных полномочий), он перераспределил сословный сакралитет власти, предоставив подданным возможность стать не просто орудиями, а равноправными — в контексте общего дела — творцами политико-экономической программы. Введя в дворянскую этику понятие чести, государь сформировал принципиально новое сословие, близкое себе оперативно. Как указывает этнолог Олег Кири-

ченко, каждый дворянин наделялся «искрой» царского достоинства и через это происходило психологическое уподобление представителей дворянства царю.

С кодексом чести был неразрывно связан и закон строгой субординации. Один ранг от другого отличала не мера большей чести (как в Московской Руси), а мера большей власти. Власти, распространяющейся не на личность подчинённого, низшего по рангу, а на его профессиональные обязанности. По чести все дворяне были равны между собой. И царь, и дворянство, начиная с Петра, также уравниваются в общем служении Отечеству, перед которым несут моральную ответственность.

Ленинград: подавленная резolutивность

Строители Петербурга понимали священное не как музейную витрину, а как источник власти и благосостояния. Расширяясь на Восток и выстраивая диалог с Западом, столица России накануне революции должна была стать оплотом для традиционных религий в противовес секуляризму и атеизму Запада. Речь шла не только о православии. В Петербурге был построен первый в Европе буддистский дацан, самый высокий в Европе минарет. Переворот 1917 года помещал этим новым сакральным центрам выполнить возлагавшуюся на них задачу.

Значительно позже было введено в строй питерское метро, задуманное ещё в 1903 году. Не построили деловой Сити — кольцо из небоскребов, призванное опоясывать, не трогая, исторический центр. Это, вероятно, был один из самых фантастических, но вполне осуществимых в царской России проектов.

Открытость Петербурга плохо сочеталась с изоляционизмом большевистского руководства, сразу после переворота забившегося в тесной Москве.

Однако державный дух не подчиняется приказам администрации. Даже лишившись имени, Петербург остаётся столицей российской культуры, сберегая лучшие ее качества. Брошенный на произвол судьбы в годы Второй мировой войны, он не сдался на милость

противника. Непреклонная воля блокадного Города показала пример мужества всей стране.

Статус Питера был крайне неопределён, пока предпринятая в конце 1940-х годов попытка провозгласить его столицей РСФСР не повлекла за собой расстрельные приговоры суда. После этого «Город на Неве» обрели на почётное угасание, сделав «музеем под открытым небом», слава и величие которого, подобно Венеции, погружены в прошлое.

Но судьба распорядилась иначе. Отлучённое от функций государственной власти, макросущество столицы Севера продолжает выбрасывать протуберанцы творческой энергии. Не последнюю роль играет всё тот же геологический фактор. Как показывают исследования психиатра Игоря Попова, формирование «решительного» типа личности (*modern-resolute character* по международной градации) происходит в районах, где наблюдается повышенная концентрация активных региональных и крупных локальных разломов земной коры (линеаментов). Среди пяти обследованных И.В. Поповым городов (Петербург, Великий Новгород, Тверь, Кемь и Козельск) дети, рождённые в северной столице, показали наиболее высокие баллы резюлютивности.

• Можно спросить: почему для обследования выбирались дети, а не представители взрослой популяции? Отвечаем на сей вопрос с прискорбием: в провинциальных городах резюлютивный потенциал человека далеко не всегда реализуется из-за воспитательных, бытовых и национально-культурных препон. Кстати, причиной «срыва», пополняющего ряды пациентов психо-неврологических отделений, нередко бывает подавленная резюлютивность.

Портовая, академическая, музыкальные субкультуры причудливо сплетаясь, создали узнаваемые типы петербуржца и петербурженки. Идеализм, тонкая эмоциональность, неподражаемое обаяние, органичное сочетание традиционности, креатива и эстетического вкуса.

Не случайно в Ленинграде с его высококвалифицированными рабочими и сплочённой интеллигенцией, идеи перестройки конца 1980-х впервые получили *массовую* поддержку. Дух молодёжной анархии именно здесь пробудил волну рок-движения, накрывшую Россию до Екатеринбурга, Омска и Владивостока.

Город, равный стране

Памятники прошлого обозначают сакральность Петербурга, но лишь как свёрнутую потенцию, которая, раскрывшись, выразит вектор развития всей страны. Сакральность нельзя свести только к овеществлённой форме, тем более к формам прошлого. Возвращение Петербургу его исконного державного смысла должно стать одним из важнейших элементов национального проекта. Петербург был и остаётся *акме* (вершиной) русской истории, из которой единственно возможно её дальнейшее развитие.

В сравнение со старыми городами России, Петербург очень быстро развился, в него вложен интенсивный труд нескольких десятков поколений. Поэтому сегодня Питер олицетворяет оплот народной «правды», поэтому петербуржцы так сопротивляются попыткам навязать им эту правду извне. Однако инстинкт «первого отрицания», или нигилизма, как реакция на несовершенную, неперспективную действительность, может, если осознать его причины, трансформироваться в мироощущение надежды, столь востребованное обществом.

Удивительным образом, после почти столетней паузы, вызванной разрывом исторической преемственности, к «новому граду Св. Петра» возвращается его миссия. Комбинация внешне случайных факторов приводит к неслучайному результату — и Санкт-Петербург вновь возрождается в качестве мировой столицы — на сей раз столицы энергетической. Все идет к тому, что в двадцать первом веке — как и веке девятнадцатом, вопросы о судьбах мира снова будет решаться именно здесь.

Россия снова начинает играть роль судьи и протектора, теперь уже, не в военном, а в энергетическом пространстве. Но ведь энергия это не только топливо для двигателей, не просто джоули, эрги и ватты. Жизнь отдельного человека, целых народов и стран только тогда приобретает смысл, когда повседневность сопрягается с высшими целями, такими как всеобщая гармония, бессмертие. Дискуссия развернувшаяся сегодня вокруг будущего Санкт-Петербурга это спор о смысле человеческой жизни, о том, что действительно является священным для населения города, страны, континента.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

КНЯЗЬ СЕВЕРА

Карпов А.Ю. Владимир Святой. 2-е изд. испр., доп. М., 2004

Карпов А.Ю. Княгиня Ольга. М., 2009

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времён до 1000 г.). М., 1993

Рансимен С. История Первого Болгарского Царства. СПб., 2009

Российское византиноведение. Итоги и перспективы: Тезисы конференции... 24—26.05.1994. М., 1994

Розсдаль Эльсе. Мир викингов. СПб., 2001

Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. 2-е изд., испр. М., 2007

Хабургаев Г.А. Первые столетия славянской письменной культуры. М., 1994

Καρδαράς Γ.Θ. Βασίλειος Β' ο Βουλγαροκτόνος. Αθήνα, 2002. (Στρατηγική Ιστορία, 6)

ПРАВО НА ЖЕРТВУ

Литвина А.Ф., Успенский Б.Ф. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006

Самойлова Т.Е. Житийные иконы святых Бориса и Глеба XIV—XVII вв. // Труды ЦМИАР. Т. 3. М., 2008

Poppe Andrzej. Christian Russia in the Making. Aldershot; Burlington; Ashgate, 2007

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ РАЯ

Архипова С.В. Древний Египет и христианство // Восток (Oriens). 2002. № 3

Багдасаров Р.В. От альфы до омеги русского Центавра // Урания. 1997. № 5; 1998. № 1

Богословские труды. М., 1989. Сб. 29

- Буслаев Ф.И.* Сочинения. Т. 1—3. СПб.; Л., 1908—1910
- Вагнер Г. К., Владышевская Т.Ф.* Искусство Древней Руси. М., 1993
- Веселовский А.Н.* Параллели к сказанию о рае // Филологические записки. 1875. Вып. 3
- Димитрий Ростовский, свт.* Синописис. Летопись. М., 1998
- Древняя Русь: пересечение традиций. М., 1997
- Дьяченко Гр., прот.* Полный церковно-славянский словарь. М., 1993
- Естественно-научные представления Древней Руси. М., 1978
- Естественно-научные представления Древней Руси. М., 1988
- Жуков Д.В.* Плавание святого Брандана // Урания. 1999. № 1
- Из Толковой Палеи: До-человеческий цикл Творения / Пер. Р.В. Багдасарова, коммент. А.П. Щеглова // ВГ. 1998. № 7
- Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV — 1-й пол. XVI в. М., 1955
- Книга глаголемая Козмы Индикоплова: Из рукописи МГАМИД XVI в., ВМЧ (новгородский список), месяца августа, 23—31 (собр. Оболенского № 159). СПб., 1886
- Книга нарицаема Козьма Индикоплов / Изд. подг. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина. М., 1997
- Ковтун Л.С.* Азбуковники XVI — XVII вв. Л., 1989
- Кудрявцевы М.П. и Т.Н.* Русский православный храм. Символический язык архитектурных форм // К Свету. 1995. № 17
- Лазарев Е.* Обретённый рай // Урания. 1998. № 3
- Макарихин В.П.* Спор о «земном рае» и развитие русской общественной мысли в XIV в. // Идеология и культура феодальной России. Горький, 1988
- Мочульский В.Н.* Апокрифические элементы в «Вопросах и ответах св. Афанасия к кн. Антиоху». Одесса, 1900
- О Тебе радуется: Русские иконы Богоматери XVI — начала XX века. М., 1995
- Панич Т.В.* Шестоднев неизвестного автора из библиотеки Афанасия Холмогорского // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996
- Пиотровская Е.К.* «Христианская Топография» Козьмы Индикоплова в древнерусской письменной традиции (по материалам дошедших фрагментов). СПб., 2004
- Плигузов А.И.* Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Newtonville, 1993
- Подлинник иконописный / Изд. С.Т. Большакова, А.И. Успенского. М., 1998
- Путятин И.Е.* Образ русского храма и эпоха Просвещения. М., 2009
- Райт Дж. К.* Географические представления в эпоху крестовых походов. М., 1988
- Редин Е.К.* Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916

Ретковская Л.С. Вселенная в искусстве Древней Руси // Труды ГИМ. М., 1961. Вып. 33

Рупосова Л.П. Группа наименований небесных тел Солнечной системы в русском языке XI — XVII вв. // Лексические группы в русском языке XI — XVII вв. М., 1991

Рыбаков Б.А. Стригольники: Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993

Седельников А.Д. Мотив о рае в русском средневековом прении // *Byzantinistlavica*. 1938. Т. 7

София Премудрость Божия: Выставка русской иконописи XIII—XIX вв. из собраний музеев России: [Каталог] / Концепция Л.И. Лифшица, А.М. Лукашова. М., 2000

Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. Т. 1—2. СПб., 1863

Тулъцева Л.А. Человек на небе и на земле в русском фольклоре и народных верованиях // Древняя астрономия. Небо и человек: доклады Междунар. н.-практ. конф. 19—24.11.1997. М., 1998

Турилов А.А., Чернецов А.В. К изучению «отреченных» книг // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988

Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982

Ушаков В.Д. Божественное знание в Коране и Новом Завете // Азия и Африка сегодня. 1996. № 1

Шихвердиев Ш.М. Гео- и гелиоцентризм в астрологии // Астролог. 1997. № 5

Щапов А.П. Сочинения. Т. 1. СПб., 1906

Щеглов А.П. Древнерусская ноуменальная натурфилософия. М., 1999

Cosmas Indicopleustes. Topographie Chrétienne / Intr. etc par W. Wolska-Conus. Paris, 1968—73. Т. 1—3

Winstedt E. O. The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes. Cambridge, 1909

ЛЕСТНИЦА-КЛЮЧ

1000-летие русской художественной культуры. М.; Hamburg, 1988

Багдасаров Р.В. Ангелы и демоны // Юный художник. 2000. № 7

Воронина Т.А. Русский лубок 20—60-х гг. XIX в.: производство, бытование, тематика. М., 1993. (Сер. «Российский этнограф»; Вып. 5)

И по плодам узнается древо. Русская иконопись XV — XX веков из собрания Виктора Бондаренко. М., 2003

Русский рисованный лубок конца XVIII — начала XX века. М., 1992

Смирнова Э.С. Лицевые рукописи Великого Новгорода, XV в. М., 1994

Соколов Б.М. Борьба за лубок в XIX столетии // Живая старина. 1997. № 1

КУДА МАКАР ТЕЛЯТ НЕ ГОНЯЛ

Аверкий, игум. О монашестве. Белград, 1941

Багдасаров Р.В. Христианская символика: Звериная символика, 1—14 // *Философия в поисках онтологии.* Самара, 1994. Вып. 1

Быков В.П. Тихие приюты для отдыха страдающей души. М., 1913

Гродецкая А.Г. Ответы предания: жития святых в духовном поиске Льва Толстого. СПб., 2000

Жарникова С.В. К вопросу о возможной локализации священных гор Меру и Хары в индоиранской (арийской) мифологии // *Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии: Информационный бюллетень.* М., 1986. Вып. 11.

Истрин В.М. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893.

Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола. Т. 1—3. Пг., 1920—1930

Карнеев А. Материалы и заметки по литературной истории «Физиолога» // *ОЛДП.* СПб., 1892. Т. 92

Клюев Н.А. Гагарья судьбина // *Литературное обозрение.* 1987. № 9

Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время. Джорданвилль, 1970

Коринфский А.А. Народная Русь. М., 1901

Младшая Эдда / Изд. подг. О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1994

Никифоров А.И. Минейные и проложные тексты апокрифа о Макарии Римском в славяно-русской письменности // *Изв-я Об-ва истории, археологии и этнографии при Казанск. гос. ун-те.* Казань, 1923. Т. 32. Вып. 2

Ржига В.Ф. Новая версия легенды о земном рае // *Byzantinoslavica.* 1930. Т. 2

Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 14 т. М., 1953

Троицкий Н.И. О символическом значении архиерейской палицы // *Православное обозрение.* 1884. № 7

Труханов Михаил, свящ. Дивны дела Твои, Господи. М., 1995

Уваров А.С. Христианская символика. М., 1908. Ч. 1: Символика древнехристианского периода

Физиолог / Подг. Е.И. Ванеева. СПб., 1996

Чернецов А.В. Резные посохи XV в.: работа кремлевских мастеров. М., 1987

Элиаде М. Мефистофель и андрогин. СПб., 1998

Champaux G. de, Sterckx S. dom. I simboli del medioevo. Milano, 1981

Charbonneau-Lassay L. Le Bestiaire du Christ: La mysterieuse emblematicque de Jesus-Christ. Bruges, 1940

Chevalier J., Gheerbrant A. Dizionario dei simboli / Trad. dal franc. Milano, 1988. Vol. 1—2

ВЕЧНАЯ РЯЗАНЬ

Амелькин А. Когда «родился» Евпатий Коловрат// Родина. 1997. № 3—4

Буланкина Е.В. Старая Рязань — столичный город Древней Руси. 3-е изд. Рязань, 2007

Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005

Восточноевропейский средневековый город: проблемы музеефикации, охраны и туристского использования. (Полевой науч.-прак.сем. Старая Рязань, 7—9.07.2009). М., 2009

Гераськин Ю.В., Нагорнов В.П. Памятная плита Ивана Мирославича (Мурзы Хоросмира) в Рязанском Солотчинском монастыре// Российская археология. 2008. № 2

Добродомов И.Т. Никола Корсунский — Заразский — Зараский — Зарайский (в связи с историей топонима Зарайск) // «Правило веры и образ кротости...». М., 2004

Клосс Б.М. Избранные труды: Т. 2. Очерки по истории русской агнографии XIV—XVI веков. М., 2001

ЦАРЬ-КОЛОКОЛ

Баталов А.Л. Гроб Господень в замысле «Святая Святых» Бориса Годунова// Иерусалим в русской культуре. М., 1994

Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995

Русское градостроительное искусство. М., 1994. Т. [2]

Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 2002

Скрынников Р.Г. Россия накануне Смутного времени. М., 1981

Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. М., 1990

Станиславский А.М. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990

ПУТУ!

Апанович Олена. Чортomlaцька Запорозька Січ. К., 1998

Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 8. М., 1934

Балушок В. Обряди ініціацій українців та давніх слов'ян. Львов: Нью-Йорк, 1998

Бондарь Э.Н. Про індіців, хеттів і козацький «оселедец» // Український світ. 1992. № 2.

Брехуненко В. Стосунки українського козацтва з Доном у XVI — середині XVII ст. К.; Запоріжжя, 1998

Голубуцкий В.А. К вопросу о социально-экономических отношениях на Запорожье во второй половине XVIII в. // Исторические записки АН УССР. М., 1953. Т. 44

- Грибовський В.В.* Кошовий отаман Петро Калнишевський. Дніпропетровськ, 2004
- Грибовський В.В.* Іван Сірко в історичній спадщині Нікопольщини. Нікополь, 2005
- Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997
- Гурбик А.О.* Вникнення Запорозької Січі // Укр. іст. журнал. 1999. № 6
- Джемаль Г.Д.* Революция пророков. М., 2004
- Залізник Л.Л.* Нариси стародавньої історії України. К., 1994
- Зув В.* О бывших промыслах запорожских козаков // Месяцеслов. Спб., 1786
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991
- Кулиш П.А.* Чорная Рада. Спб., 1860
- Леп'явко С.* Формування світоглядних засад українського козацтва (поняття «козацького хліба» в останній третині XVI ст.) // Україна в Центрально-Східній Європі: Студії з історії XI—XVIII ст. К., 2000
- Моця О.П.* Українські козаки і західноєвропейські лицарі: порівняльна характеристика // «Істину встановлює суд історії». Збірник на пошану Ф.П. Шевченка. К., 2004. Т.2
- Недяк В.В.* Україна — козацька держава. К., 2004
- Поух А.В.* Етнічне походження та формування українського козацтва (історіографія проблеми): Автореф. дисс. канд. істор. наук. Дніпропетровськ: Дніпропетровський національний ун-т, 2005
- Скальковский А.А.* История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Одесса, 1846. Ч. 1—3
- Трепавлов В.В.* Вольные казаки и Ногайская Орда (некоторые подробности ранней истории казачества) // Восток (Oriens). 2002. № 3
- Хартахай Ф.* Историческая судьба крымских татар: Статья первая // Вестник Европы. 1866. Т. 2
- Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 1988
- Чухліб Т.В.* Гетьмани і монархи: Українська держава в міжнародних відносинах 1648—1714 рр. К., 2003
- Щербак В.О.* Українське козацтво: формування соціального стану. Друга половина XVI — середина XVII ст. К., 2000
- Эвола Ю.* Языческий империализм. М., 1992
- Яворницький Д.І.* Історія запорозьких козаків. К., 1990. Т. 1—3
- Addison C.G.* The History of the Knights Templars. Londres, 1842
- Cardini F.* Alle radici della cavaleria medievale. Firenze, 1991
- Grondski S.* Historia belli cosacco-polonici. Pestini, 1789
- Guenon R.* Aperçus sur L'Initiation. Paris, 1946
- Romański Romuald.* Kozaczyzna. Warszawa, 1999

СОЛДАТ И ВОИН

Кревельд Мартин, Ван. Трансформация войны. М., 2008

Маркина Н.Ю. «Четырёхчастная» икона из Благовещенского собора Московского Кремля и московская живопись конца 1540—50-х гг.: Дисс. ... канд. искусств. Наук. М.: Гос. ин-т искусствознания, 1995

Моця О.П. Дружинники — козаки — лицарі// Археология. 2004. № 1

Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972

Припачкин И.А. Иконография Господа Иисуса Христа. М., 2001

ТЕХНОЛОГИЯ ЮРОДСТВА

Дамаскин (Орловский), иеромон. Мученики и исповедники... Тверь, 1992. Кн. 1

Дурасов Г.П. Богом данная: Жизнеописание блаженной старицы схимонахини Макарии. СПб., 1994

Жданова З.В. Сказание о житии блаженной старицы Матроны. Коломна, 1993

Жития святых... по руководству св. Димитрия Ростовского / Изд. Введенской Оптиной Пустыни. Кн. 1—12[13—14]

Жоголев А.Е. Блаженная схимонахиня Мария. Самара, 2001

Иванов С.А. Византийское юродство. М., 1994

К.В.П. Угодница Божия Пелагия Рязанская. М., 1999. Вып. 1—6

Ковалевский Иоанн, свящ. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви. М., 1992. (Репринт 1902)

Мороз И.Н. Женский травестиизм в мужских монастырях (II—VIII вв.). М., 2006.

Торчинов Е.А. Введение в буддологию: Курс лекций. СПб., 2000

Трофимов А.А. Блаженная старица схимонахиня матушка Ольга (Ложкина Мария Ивановна). М., 1996 // Православный приходский сб-к. Вып. 1

Туркина О., Мазин В. Сквозь многоликость идиотий// Художественный журнал. 1999. № 26—27

СИМВОЛИКА ПУШКИНСКИХ СКАЗОК

Галайда Элиаш. Сказки Пушкина. Bratislava, 1975

Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. М., 1987

Пушкарёв Л.Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980

Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966

Пушкинская эпоха и христианская культура. СПб., 1993

Сумцов Н.Ф. А.С. Пушкин: исследования. Харьков, 1900

Фламарион К. История неба. М., 1994

Шустов А.Н. «Русалка на ветвях сидит...»// Русский язык в школе. 1997. № 2

Юрьева И.Ю. Пушкин и христианство. М., 1998

РЕАНИМАТОР

Анучин Д.Н. Памяти графа А.С. Уварова. М., 1911

Ардашев Н.Н. Граф А.С. Уваров как теоретик археологии. М., 1911

Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001

Забелин И.Е. Речь об общественном значении учёных трудов гр. А.С. Уварова. М., 1885

Памяти графа А.С. Уварова: Речи. Казань, 1885

Полякова М.А. Поречье и Холм Уваровых: хозяева и гости// Русская усадьба. М., 2001. Вып. 7 (23)

Уваров А.С. Русская символика. Символический словарь: А-И. Ч.1. 1913—1916 (РАИМКРАН. Ф.11.89. 459 Л.)

Уваров А.С. Русская символика. Символический словарь: К-Я. (РАИМКРАН. Ф.11.90. 800 Л.)

Уваров А.С. Русская символика/ под ред. Я.И. Смирнова. (РАИМКРАН. Ф.11.92. 120 Л.)

Уваров А.С. Русская символика / публ., [вступ. ст. и примеч.] Я.Э. Зелениной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.. М., 1999. [Т.] IX. С. 603—670.

Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005

ЭНЕРГИЯ ПЕТЕРБУРГА

Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991

Кириченко О.В. Дворянское благочестие: XVIII век. М., 2002

Система планета Земля (Нетрадиционные вопросы геологии): Мат-лы XII научного семинара, 4—6.02.2004. М., 2004

Соловьёв Ю.П. Византия Петра Великого// Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. СПб., 2005. Вып. 33

Чичуров И.С. «Хождение Апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции// Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990

Содержание

ОТ АВТОРА	1
КНЯЗЬ СЕВЕРА	
Владимир до Крещения	5
ПРАВО НА ЖЕРТВУ	
Борис и Глеб	32
МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ РАЯ	
Аскетизм и космология Древней Руси	43
ЛЕСТНИЦА-КЛЮЧ	
Практика заповедей и духовное восхождение	104
КУДА МАКАР ТЕЛЯТ НЕ ГОНЯЛ	
Инициатическое путешествие в древнерусской традиции	118
ВЕЧНАЯ РЯЗАНЬ	
Значимости Русской Атлантиды	151
ЦАРЬ-КОЛОКОЛ	
Борис Годунов	170
ПУГУ!	
Запорожское рыцарство XVI—XVIII веков	186
СОЛДАТ И ВОИН	248
ТЕХНОЛОГИЯ ЮРОДСТВА	254
РОСКОШЬ ПРАВОСЛАВИЯ	
Качество жизни в Древней Руси	266
СИМВОЛИКА ПУШКИНСКИХ СКАЗОК	274
РЕАНИМАТОР	
Алексей Уваров	282
ЭНЕРГИЯ ПЕТЕРБУРГА	299
ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА	311

Научно-популярное издание
Тайны Земли Русской

Багдасаров Роман Владимирович

МИСТИКА РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*
Корректор *Б.С. Тумян*
Дизайн обложки *М.Г. Хабибуллов*
Верстка *И.В. Левченко*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 28.09.2010. Формат 84 × 108 1/2.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 10. Тираж 4000 экз. Заказ О-1428.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Православная мистика породилась опытом, выносимым из духовных практик: монашеского аскетизма, воинского искусства, религиозно-ориентированного строительства семьи и политической деятельности. В книге историка, религиоведа, культуролога и публициста Романа Багдасарова раскрывается космология Древней Руси, мистические основания власти аристократии, «делание» и юродство во Христе, рыцарские установки казачества. Отдельные очерки посвящены загадочной судьбе Старой Рязани и Санкт-Петербурга.

ISBN 978-5-9533-5078-5

9 785953 350785

